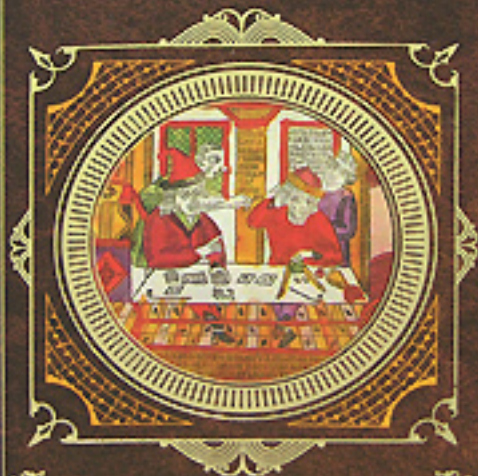

Скоморошны

Сборник Скоморошины

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174923
Скоморошины / Антология: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-25348-7*

Аннотация

Юмор и сатира занимали значительное место в жизни русских людей во все времена: скоморошины, театр Петрушки, медвежья потеха, раёк, народные сатирические спектакли, анекдоты, докучные сказки – все эти фольклорные произведения на протяжении веков развлекали и стар и млад. Выдающиеся исследователи народного творчества сохранили его образцы, благодаря чему мы имеем возможность познакомиться с ними.

В книге собраны произведения сатирического фольклора, а также загадки, припевки и бывальщины про персонажей славянской мифологии – домовых, леших, кикимор, записанные в XIX веке такими известнейшими фольклористами, как А. Афанасьев, С. Максимов, А. Гильфердинг, и другими.

Содержание

Загадки	5
Дразнилки, докучные сказки, припевки	19
Имена мальчиков	19
Имена девочек	34
Внешность	37
Недостатки. Проступки	43
Различные ситуации, обстоятельства	44
Профессия. Сословие. Занятие	47
Ответы в рифму. Остроты	52
Докучные сказки	59
Припевки	65
Цепные песенки	85
Прибаутки	90
Народные анекдоты	97
Скоморошины	132
Усы	133
Дурень	136
Птицы	146
Из монастыря Боголюбова старец Игренище	149
Чурилья-игуменья и Стафида Давыдовна	154
Гость Терентище	158
Хмель себя выхваляет	166
Агафонушка	168

Народный театр	171
Народная драма	172
Мнимый барин	172
Кедрил-обжора	181
Лодка	187
Маврух	200
Параша	204
Театр петрушки	210
Петрушка. Народная кукольная комедия	210
Петрушка. Д. А. Ровинский	213
Петрушка.[216] Лубок	216
Петербургские шарманщики. Д. В. Григорович	227
Вертепные представления	232
Вертеп в Иркутске. Н. А. Полевой	232
Кукольное представление в Торопце. М. И. Семевский	234
Царь Ирод	248
Барыня и доктор	254
Раек[217]	257
Медвежья потеха	261
Прибаутки ярмарочных зазывал	275
I	275
Конец ознакомительного фрагмента.	278

Скоморошины

Загадки

*Приводятся загадки из фольклорных сборников
конца XIX века.*

Бежать, бежать – не добежать, лететь, лететь – не долететь.¹

Бежит из котелка, а выбежать не может.²

Без него плачемся, а как появится – от него прячемся.³

Без ног, а бежит, не кончается, никогда назад не возвращается.⁴

Без огня горит, без крыл летит, без ног бежит.⁵

Без окон, без дверей, полна горница людей.⁶

Весной веселит, летом холодит, осенью умирает, весной оживает.⁷

Без рук, без ног, а дерево гнёт.⁸

¹ Горизонт

² Ручей

³ Солнце

⁴ Время

⁵ Туча грозовая

⁶ Огурец

⁷ Дерево

⁸ Ветер

Без рук, без ног, а рисовать умеет.⁹

Без рук, без ног, на брюхе ползёт.¹⁰

Без языка, а говорит, без ног, а бежит.¹¹

Бел, да не сахар; нет ног, а идет.¹²

Белый Тихон с неба спихан, где пробегает – ковром устилает.¹³

В болоте плачет, а из болота не идёт.¹⁴

В воде купался, а сух остался.¹⁵

В огне не горит, в воде не тонет.¹⁶

В печь положишь – размокнет, в воду положишь – высохнет.¹⁷

В поле серёжки на тоненьких ножках.¹⁸

Вёрст не считала, по дорогам не ездила, а за морем бывала.¹⁹

Во лугах сестрички – золотой глазок, белые реснички.²⁰

⁹ Мороз

¹⁰ Червяк

¹¹ Ручей

¹² Снег

¹³ Снег

¹⁴ Кулик

¹⁵ Гусь

¹⁶ Лед

¹⁷ Воск

¹⁸ Овес

¹⁹ Птица

²⁰ Ромашки

Всегда во рту, а не проглотишь.²¹

Всем, кто придёт, всем, кто уйдёт, руку подаёт.²²

Выше лошади, ниже собаки.²³

Вьётся верёвка, на конце головка.²⁴

Глаза на рогах, а домик на спине.²⁵

Голубое поле серебром усыпано.²⁶

Голубой платок, красный колобок по платку катается, людям усмехается.²⁷

Горшок умён, да семь дырок в нём.²⁸

Грамоту не знаю, а весь день пишу.²⁹

Гребень имею – не пользуюсь им, шпоры имею – не езжу верхом.³⁰

Гуляет в поле, да не конь, летает на воле, да не птица.³¹

Два бодаста, четыре ходаста, один хлестун.³²

²¹ Язык

²² Дверная ручка

²³ Седло

²⁴ Змея

²⁵ Улитка

²⁶ Небо и звезды

²⁷ Небо и солнце

²⁸ Голова человека

²⁹ Карандаш

³⁰ Петух

³¹ Ветер

³² Бык

Два братца под одной крышей стоят.³³

Два брюшка, четыре ушка.³⁴

Два кольца, два конца, посередине гвоздик.³⁵

Два рога, а не бык, шесть ног – без копыт.³⁶

Двадцать красных, сорок умных, сто безумных.³⁷

Две головы, шесть ног, две руки, один хвост.³⁸

Две сестрицы пошли в воду купаться, а братец на берегу ждёт.³⁹

Ждали, звали, а оказался – все прочь побежали.⁴⁰

Жевать не жую, а все поедаю.⁴¹

Желанный гость из далёкого края под окном живёт.⁴²

За леском, леском кипит гора с песком.⁴³

Зимой беленький, а летом серенький.⁴⁴

Зимой греет, весной тлеет, летом умирает, осенью ожива-

³³ Ворота

³⁴ Подушка

³⁵ Ножницы

³⁶ Жук

³⁷ Годы жизни

³⁸ Всадник

³⁹ Ведра и коромысло

⁴⁰ Дождь

⁴¹ Огонь

⁴² Ласточка

⁴³ Муравейник

⁴⁴ Заяц

ет.⁴⁵

Зимой и летом одним цветом.⁴⁶

Зимой спит, а летом шумит.⁴⁷

Золотое решето чёрных домиков полно.⁴⁸

Зубато, серовато, по полю рыщет, овец ищет.⁴⁹

Зубов много, а ничего не ест.⁵⁰

И тонок, и долог, а сядет – в траве не видать.⁵¹

И языка нет, а правду скажет.⁵²

Из земли вырастаю – весь мир одеваю.⁵³

Из окна в окно – золотое веретено.⁵⁴

Из-под кустика хватыш.⁵⁵

Имеет гнездо на дереве, прыгает и летает по сучьям, а не птица.⁵⁶

К вечеру умирает, поутру оживает.⁵⁷

⁴⁵ Снег

⁴⁶ Ель

⁴⁷ Вода

⁴⁸ Подсолнух

⁴⁹ Волк

⁵⁰ Пила

⁵¹ Дождь

⁵² Зеркало

⁵³ Лен

⁵⁴ Луч солнца

⁵⁵ Волк

⁵⁶ Белка

⁵⁷ День

Какое дитя мать не воспитывает?⁵⁸

Кланяется, кланяется, придёт домой – растянется.⁵⁹

Косой бес поскакал в лес.⁶⁰

Красная девица в зеркало глядится.⁶¹

Красное коромысло через реку повисло.⁶²

Кругла, а не месяц, желта, а не масло, с хвостом, а не
мышь.⁶³

Кругом вода, а с питьём беда.⁶⁴

Кто говорит молча?⁶⁵

Кто два раза родился: в первый раз гладкий, во второй раз
мягкий?⁶⁶

Кто двенадцать раз в году рождается?⁶⁷

Кто на себе свой дом носит?⁶⁸

Кто рождается с усами?⁶⁹

⁵⁸ Кукушонок

⁵⁹ Топор

⁶⁰ Заяц

⁶¹ Заря

⁶² Радуга

⁶³ Репа

⁶⁴ Море

⁶⁵ Книга

⁶⁶ Птица

⁶⁷ Месяц

⁶⁸ Улитка

⁶⁹ Котенок

Кто со всеми говорит, а его не видно?⁷⁰

Куда ни пойдёшь, всё на них взглянешь.⁷¹

Лапка мягонька, а коготок востёр.⁷²

Летит – кричит, сядет – молчит, кто его уьёт – кровь свою прольёт.⁷³

Летит орлица по синему небу: крылья распластала, солнышко застлала.⁷⁴

Летом вырастают, осенью опадают.⁷⁵

Летом гуляет, зимой отдыхает.⁷⁶

Мал малышок сквозь землю прошёл, синю шапочку на- шёл.⁷⁷

Маленькая, кругленькая – из кармана в карман скачет.⁷⁸

Маленький шарик под лавкой шарит.⁷⁹

Маленький, лёгонький, а за хвост не подынешь.⁸⁰

Маленький, пузатенький – весь дом стережёт.⁸¹

⁷⁰ Эхо

⁷¹ Ноги

⁷² Кошка

⁷³ Комар

⁷⁴ Туча

⁷⁵ Листья

⁷⁶ Медведь

⁷⁷ Лен

⁷⁸ Монета

⁷⁹ Мышка

⁸⁰ Ящерица

⁸¹ Замок

Мастер шубу себе сшил, а иголки вынуть забыл.⁸²

Мету, мету – не вымету, несу, несу – не вынесу, пора придёт – само уйдёт.⁸³

Мешано, квашено, валяно, на стол поставлено.⁸⁴

Мохнатенька, усатенька, сядет – песенку поет.⁸⁵

Мягок, а не пух, зелен, а не трава.⁸⁶

На дворе горой, а в избе водой.⁸⁷

На десятерых братьев двух шуб хватает.⁸⁸

На сене лежит, сама не ест и другим не даёт.⁸⁹

На шесте дворец, во дворце певец.⁹⁰

Над бабушкиной избушкой висит хлеба краюшка, собаки лают – достать не могут.⁹¹

Не бьёт, не ругает, а от него плачут.⁹²

Не говорит, не поёт, а кто к хозяину идёт, она знать даёт.⁹³

⁸² Еж

⁸³ Лучи солнца

⁸⁴ Хлеб

⁸⁵ Кошка

⁸⁶ Мох

⁸⁷ Снег

⁸⁸ Рукавицы

⁸⁹ Собака

⁹⁰ Скворец

⁹¹ Месяц

⁹² Лук

⁹³ Собака

Не драгоценный камень, а светится.⁹⁴

Не зверь, не птица, а нос – как спица.⁹⁵

Не колода и не пень, а лежит целый день, не жнёт, не косит, а обедать просит.⁹⁶

Не кузнец, а с клещами.⁹⁷

Не кузнец, не плотник, а первый на селе работник.⁹⁸

Не на меру, не на вес, а у всех людей есть.⁹⁹

Не огонь, а жжётся.¹⁰⁰

Не портной, а всю жизнь с иголками ходит.¹⁰¹

Не прядёт, не ткёт, а людей одевает.¹⁰²

Не солнце, не огонь, а светит.¹⁰³

Не стукнет, не брякнет, а в окно войдёт.¹⁰⁴

Не часы, а время сказывает.¹⁰⁵

Не часы, а тикает.¹⁰⁶

⁹⁴ Лед

⁹⁵ Комар

⁹⁶ Лодырь

⁹⁷ Рак

⁹⁸ Лошадь

⁹⁹ Ум

¹⁰⁰ Мороз

¹⁰¹ Ежик

¹⁰² Овца

¹⁰³ Светлячок

¹⁰⁴ Рассвет

¹⁰⁵ Петух

¹⁰⁶ Сердце

Не человек, а рубашку просит.¹⁰⁷
Не человек, не зверь, а с усами.¹⁰⁸
Ни хвоста, ни головы, а четыре ноги.¹⁰⁹
Новая посудина – вся в дырах.¹¹⁰
Ноги тонки, бока звонки, а хвост закорючкой.¹¹¹
Ночь спит на земле, а утром убегает.¹¹²
Ночью ходит по небу, а днём спит.¹¹³
Огонь да вода, посередке труба.¹¹⁴
Один пастух тысячи овец пасёт.¹¹⁵
Одна нога и шапка, а головы нет.¹¹⁶
Пёстрая крякушка ловит лягушат.¹¹⁷
По горам, по долам ходит шуба да кафтан.¹¹⁸
По какой дороге полгода ездят и полгода ходят?¹¹⁹

¹⁰⁷ Подушка

¹⁰⁸ Сом

¹⁰⁹ Стол

¹¹⁰ Решето

¹¹¹ Собака

¹¹² Роса

¹¹³ Месяц

¹¹⁴ Самовар

¹¹⁵ Месяц и звезда

¹¹⁶ Гриб

¹¹⁷ Утка

¹¹⁸ Овца

¹¹⁹ Река

По поднебесью верёвка тянется.¹²⁰

По синему морю белые гуси плывут.¹²¹

Поверх деревьев свечи светятся.¹²²

Под кустами, под ёлками катится клубок с иголками.¹²³

Поднялись врата, всему миру красота.¹²⁴

Ползёт, ползёт, иголки везёт.¹²⁵

Полон подпечек белых овечек.¹²⁶

Посмотрю я в окошко: идёт длинный Антошка.¹²⁷

Посреди поля лежит зеркало: стекло голубое, рама зелёная.¹²⁸

Поутру на четырёх, в полдень – на двух, а к вечеру – на трех.¹²⁹

Рук нет, а строить умеет.¹³⁰

С бородой родится – никто не дивится.¹³¹

¹²⁰ Журавлиный клин

¹²¹ Облака

¹²² Звезды

¹²³ Еж

¹²⁴ Радуга

¹²⁵ Еж

¹²⁶ Рот и зубы

¹²⁷ Дождь

¹²⁸ Озеро

¹²⁹ Человек

¹³⁰ Птица

¹³¹ Коза

С грузом идут, а без груза не идут.¹³²

С хвостом, а не зверь, с перьями, а не птица.¹³³

Сам алый, сахарный, кафтан зелёный, бархатный.¹³⁴

Сам дубовый, пояс вязовый, нос липовый.¹³⁵

Самого чуть видно, а голос слышно.¹³⁶

Светит, а не греет.¹³⁷

Сер, но не волк, длинноух, да не заяц, с копытами, да не лошадь.¹³⁸

Серое суконце лезет в оконце.¹³⁹

Сестра на сестру смотрит, а вместе не сходятся.¹⁴⁰

Сидит девица в темнице, а коса на улице.¹⁴¹

Сидит шутка в семи шубках, кто её тронет, сам заплачет.¹⁴²

Синенькая шубёнка весь мир покрыла.¹⁴³

¹³² Часы с гирями

¹³³ Рыба

¹³⁴ Арбуз

¹³⁵ Бочонок

¹³⁶ Комар

¹³⁷ Луна

¹³⁸ Осел

¹³⁹ Дым

¹⁴⁰ Береза

¹⁴¹ Морковь

¹⁴² Луковица

¹⁴³ Небо

Синие потолочины золотыми гвоздями приколочены. ¹⁴⁴

Скатерть бела весь свет одела. ¹⁴⁵

Старик – шутник: на улице стоять не велит, за нос домой тянет. ¹⁴⁶

Старый дед, во сто шуб одет. Кто его одевает, тот слёзы проливает. ¹⁴⁷

Сто одежек и все без застёжек. ¹⁴⁸

Стоит Егорка в красной ермолке, кто ни пройдёт, всяк поклон подаёт. ¹⁴⁹

Стоит Егорка на пригорке, его ищу, а он молчит. ¹⁵⁰

Стоит над водою, трясёт бородою. ¹⁵¹

Тебе дано, а люди пользуются. ¹⁵²

Текло, текло – и легло под стекло. ¹⁵³

Тит на работу вышел – каждый услышал. ¹⁵⁴

То блин, то полблина; то та, то эта сторона. ¹⁵⁵

¹⁴⁴ Небо и звезды

¹⁴⁵ Снег

¹⁴⁶ Мороз

¹⁴⁷ Лук

¹⁴⁸ Капуста

¹⁴⁹ Земляника

¹⁵⁰ Гриб

¹⁵¹ Тростник

¹⁵² Имя

¹⁵³ Река и лед

¹⁵⁴ Молоток

¹⁵⁵ Луна

Тянется нитка, а клубок не смотать.¹⁵⁶

У двух матерей по пяти сыновей, одно имя всем.¹⁵⁷

У кого одна нога, да и та без башмака?¹⁵⁸

У кого усы длиннее ног?¹⁵⁹

У маленькой скотинки сто серебряных монеток на спинке.¹⁶⁰

Хорошо видит, а слепой.¹⁶¹

Хоть весь день за ней гоняйся – не поймаешь.¹⁶²

Хотя не огонь, а жжётся.¹⁶³

Чего в комнате не видно?¹⁶⁴

Чего в сундук не запереть?¹⁶⁵

Чему на свете нет ни меры, ни весу, ни цены?¹⁶⁶

¹⁵⁶ Паутина

¹⁵⁷ Пальцы

¹⁵⁸ Гриб

¹⁵⁹ Таракан

¹⁶⁰ Рыба

¹⁶¹ Неграмотный

¹⁶² Тень

¹⁶³ Крапива

¹⁶⁴ Воздух

¹⁶⁵ Свет

¹⁶⁶ Огонь

Дразнилки, докучные сказки, припевки

Приводятся произведения фольклора, собранные в конце XIX века А. Афанасьевым, Г.Потаниным, А.Баловым, П.Ивановым, А.Можаровским, И.Нечаевым, П.Шейном, К.Рябинским, П.Бессоновым, В.Варенцовым, В.Кудрявцевым, И.Мамакиным, Д.Садовниковым, И.Гольшиевым, В.Магнитским.

Имена мальчиков

* * *

Алешка – лепешка!

* * *

Алеша – три гроша,

Шейка – копейка,
Алтын – голова,
По три денежки – нога,
Спина да брюшина —
Четыре алтына.

* * *

Алексей – не бей гусей!

* * *

Андрей, не робей.

* * *

Андрей – воробей,
Не клюй конопель:
Конопли трещат,
Воробьи пищат.
Не клюй песка,

Не марай носка.

* * *

Андрей – воробей,
Не клюй песок.
Не тупи носок.

* * *

Антошка – картошка!

* * *

Антон – еж!
Куда ползешь?
Заползешь в яму
Не выползешь.

* * *

Афанасий – беспоясый.

* * *

Борька – Борис
На ниточке повис!
Ниточка трещит,
А Боречка пищит!

* * *

Иван-болван
Молоко болтал,
Не выболтал,
А все выхлебал.
Жена пышку пекла,
Ему шиш подала.

* * *

Иван-болван
Молоко болтал,
В печь поставил,
Нам не оставил:
Жена крива
Молоко пролила.

* * *

Иван-болван
С колокольни упал,
Три года катился,
Пылью подавился.

* * *

Васька – Васюк,
Полетай на сук,
Там кошку дерут,

Тебе лапку дадут.

* * *

Васька – Васенок,
Худой поросенок,
Завяз в траву,
Кричит: «Мяу!
Не вылезу!»

* * *

Чирий – Василий,
Раздайся пошире!

* * *

Гришка – чупрыжка!

* * *

Гришка – расстрижка.

* * *

Гришка – ярыжка,
Голая лодыжка.

* * *

Гришка, Гришка
Украл топоришко,
Побег на ярышко;
Побег к брату,
Украл хату;
Побег к отцу,
Украл овцу.

* * *

Гришенька-дурачок
Повадился в кабачок,
Там его били,
Его колотили
В четыре дубины,
Пята – осина —
По бокам возила.

* * *

Ехал наш Данила
На сивой кобыле;
Кобыла упала,
Шкура не пропала:
Из шкуры – сапожки,
Из копыт – гребешки,
Из хвоста дергало,
В скрипочку играло.

* * *

У Егора
Спина гола.

* * *

Егор,
Подай багор —
Точило плывет.

* * *

Из-за лесу, из-за гор
Идет дедушка Егор.
Его девушки любили,
Кашей масляной кормили;
Каша масляная,
Ложка крашеная,
Ложка гнется,
Нос трясется,

Душа радуется.

* * *

Никошка,
Посмотри в окошко:
Побежала кошка.

* * *

Миколенька, Микулай,
Сиди дома, не гуляй.
Твоя жена прытка —
Напряла мотушку.
Одну-то украла,
Кота поклепала.
Кот-то побожился,
К стене приложился.

* * *

Костюшка косой,
Не ходи полосой,
Там кошку дерут,
Тебе лапку дадут.

* * *

Лев, Лёвка,
Дурацкая головка.

* * *

Мироновы дети
Сидят на повети,
Плетут лапоточки.
Кому лапоточки?
Барину толстому —
Миرونу Краснову.

* * *

Мишка – кольшка,
Мишка – еловая шишка.

* * *

Никита-хлопота
Все яйца прокатал.

* * *

Петька – петух
На курице протух!

* * *

Сашка – олашка,
Бык толстой,
Каравай густой.

* * *

Сеня-везеня,
Вези бабу на санках,
Сам пешком,
Перевертышком.

* * *

Сеня-безеня,
Вез бабу на санках,
Санки – скок,
Сеньке – в лоб!

* * *

Тимоша —
Два гроша.

* * *

Федя – реда
Съел медведя,
Кошка драна,
Мышь погана.

* * *

Федул
Губы надул.

* * *

Фома – большая крома.

* * *

Хорь, хорь, хорьки,
Харитон-борки,
Вилки,
Затылки,
Крест на аркане,
Пояс на гайтане.

Имена девочек

* * *

Агашка —
Грязная рубашка.

* * *

Акулина с висока
Задушила гусака.
Гусак пищит,
Сто рублей тащит.

* * *

Анна – банна,
Нога деревянна,
Трубна затычка,
Швейка,

Копейка,
Голова алтын.

* * *

Катерина – лепеха,
Задавила петуха,
Петух пищит,
Катюшку за юбку тащит.

* * *

Катерина – котенок,
Жирный поросенок,
С горки катился,
Салом подавился.

* * *

Тетушка Маланья —
Голова баранья,

Блин толстой,
Каравай пресной.

* * *

Настя – плястя.

* * *

Таня – сметана,
Кошечка бежала,
Сметану слизала.

* * *

Фекла смолкла.

Внешность

* * *

Пузырь.
Колокольня.
Коломенская верста.
Стылыпинская сосна.

* * *

Рыжий, красный —
Человек опасный,
Рыжий пламенный
Сожег дом каменный,
Рыжий палящий —
Вор настоящий.

* * *

Печеный рак,
Полезай сюда в колпак.

* * *

На роже черти горох молотили!

* * *

Кривой камбал!

* * *

Косой заяц
Нанес яиц,
Вывел детей,
Косых чертей.

* * *

Лихо одноглазое.

* * *

Косой заяц,
Кос, кос —
Три яичка снес,
Пощупали косога —
Он опять с яйцом.

* * *

Косой бес
Пошел в лес,
Срубил палку.
Убил галку.
Галка плачет,
Косой скачет.

* * *

Крив-кривца
Наварил пивца,
Назвал гостей
Кривых чертей:
Пиво попили,
Кривого прибили,
Срубили палку,
Убили галку.
Галчата кричат,
За мать драться хотят.

* * *

Кобыла ногайская.

* * *

Корова осановская.

* * *

Где «хром», тут и праздник!

* * *

Утячы лапки.

* * *

Козы лапки.

* * *

Губошлеп.

* * *

Не гремит, а отсвечивает (о сопливом).

Недостатки. Проступки

* * *

Вор, вор,
Не ходи ко мне на двор:
Тебя кони залягают,
А коровы забодают.

* * *

До носу крюком не достанешь.

Различные ситуации, обстоятельства

Ребята очень не любят, когда их дразнят: мальчиков – жеманом, а девочек – невестой, таким поддразниванием многих можно довести до слез. Такое поддразнивание ребята учиняют иногда целым хором. Заставив плакать одного, принимаются за другого. Для таковой цели существуют особые песенки...

* * *

Мята, мята —
Вся она примята.
Во мяте-то елха,
Во елхе – светелка.
Во светелке любчик —
(имя) голубчик.
У него есть любка —
(имя) голубка.

* * *

Овин горит

Со пшеницею.
(Имя) бежит
Со девицею.
Со которою?
Со (имя).

* * *

Машенька – невеста,
Съела горшок теста,
Вася – женишок,
Убрался под шесток.

* * *

Тили, тили, тилишок,
Иванушка – женишок,
Тили, тили, тесто,
Машенька – невеста.

* * *

Бесштаный рак
Покатился под овраг.
Там кошку дерут,
Тебе лапку дадут.

«Бесштанниками» называют в насмешку маленьких, и если они хотят увязаться со старшими в поле, или лес, или реку, то их прогоняют этими стишками.

* * *

Пойманному на чужом огороде кричат:

Чок, чок, мачок —
Огородни-чок.

Профессия. Сословие. Занятие

Мельник

Мелю, мелю, засыпаю
И в мешочек набиваю,
На стороны поглядаю.

Мясник

Головы роняем,
Хвосты задираем,
Глаза ковыряем.

Столяр

Столяр – сосногрыз.

Извозчик

Гужеед.

Сапожник

Сапожник – безбожник.

Лакей

Лизоблюд.

Портной

Портной – швец,
Не хочешь ли щец?
Портной – портняшка,
Не хошь ли кашки?

Половой

Шестерка.

Живописец

Мазилка. Богомаз.

Чиновник

Приказная строка.

* * *

Крапивное семя.

Солдат

Солдат бравый
Хвост расправил,
На макушке —
Три лягушки.

Баре

Баре – по грошу пара.

Духовенство

Кутейники. Кутья прокислая.

* * *

Жеребьячья порода.

* * *

Поп – толоконный лоб.

* * *

Дьякон – вякал.

* * *

Монах – в гарнитуровых штанах.

Ответы в рифму. Остроты

* * *

«А?» —
«Ворона кума,
Галка крестница,
Тебе ровесница».

* * *

«А?» —
«Слушай ухом, а не брюхом».

* * *

«А?» —
«Про глухого поп двух обеден не служит».

* * *

«Что?» —

«Семеро на одном колесе проехали».

* * *

«Как зовут?» —

«Зовут зовуткой,
Величают уткой».

* * *

Зовут летом-то

Филаретом,

А зимой – Кузьмой.

* * *

«Где был?» —
«Где был, отсюда не видно».

* * *

«Для чего?» —
«Для дурацкого спросу».

* * *

«Когда?» —
«После дождичка в четверг,
После снега в пятницу».

* * *

«Когда?» —
«На ту осень,
Годов через восемь».

* * *

«Иди прямо». —
«Прямо-то одни только вороны летают».

* * *

«Мне это подаришь?» —
«Подаришь-то уехал в Париж,
А остался один купишь».

* * *

«Брюхо у меня болит». —
«Брюхо болит,
На краюху глядит».

* * *

«Дай кваску». —
«Пьешь и воду,
Не боярского роду».

* * *

«Дай мне горошку!» —
«Побегай по дорожке,
Так и дам тебе горошку».

* * *

«Дай пирожка!» —
«Не загнуты рожка!»

* * *

Желательно поозорничать, но так, чтобы не было ни истцов, ни ответчиков (...), зажмурит глаза и размахивает палкою, предупреждая:

На слепого не пенять.

* * *

Попалась бумажка, «гвамотка» – по-деревенски, и резвый уже «читает»:
Писано-переписано,
После Ивана Денисова.
Не поп писал – Ермошка,
Коротенька ножка.

* * *

Лежащий на постели с краю говорит:
С краю – в раю,
Мед колупаю,

А находящийся в середине говорит:
В середках —
В золотых пеленках.
К стенке —
В золотой пенке.

* * *

(...) Собралась группа детей: один из них ест что-нибудь, у других возникает аппетит. Кто пошустрее, зажмурив глаза, протянул к едящему руку и просит:

Крива рука
Пить-есть хочет.
Кто подаст —
Золотой глаз,
Кто не подаст —
Коровий глаз.

Кому же охота иметь коровий глаз – лучше поделиться.

Докучные сказки

(...) Докучные сказочки начинаются обыкновенно предварительным обманом ребенка. Рассказчик скажет желающему слушать сказку: «Слушай, я расскажу тебе сказку хоро-о-о-шую, д-о-о-лгую». Ребенок, думая, что в самом деле ему хотят рассказать сказку хорошую и долгую, наостряет свои уши и весь превращается в слух, а между тем обманывается: рассказчик начинает рассказывать сказку докучную.

* * *

Жил-был царь Ватуга,
И вся сказка тута.

* * *

Жил-был царь Додон,
Замарал себе ладонь.

* * *

Сказать тебе сказочку?
Связать тебя в связочку,
Положить под лавочку:
Лежать тебе три дни,
Съедят тебя свиньи.

* * *

Жили-были два брата журавля.
Скосили стожок сенца;
Положили среди кольца...
Не начать ли опять с конца?

* * *

Вокруг польца ходили журавль да овца;
Сметали они стожок сенца.
Не сказать ли с конца?

* * *

Жил Кутырь да Мутырь,
Жил посереди степца,
Накопил себе стожок сенца;
Пришли к нему баран да овца,
Подъели стожок сенца.
Не сказать ли опять с конца?

* * *

Жили-были два гуся,
Вот и сказка вся!

* * *

В некотором царстве,
В некотором государстве
Жила-была ворона,
И вздумала она лететь
В тридевятое царство,

В тридесятое государство.
Полетела,
Летела, летела, летела —
Да села,
Сидела, сидела, сидела —
Да полетела;
Летела, летела, летела —
Да села;
Сидела, сидела, сидела, сидела —
Да полетела...

* * *

В одном болоте жила-была лягушка

По имени по отчеству квакушка.

Вздумала лягушка вспрыгнуть на мост,

Присела да и

Завязила в тину хвост: дергала, дергала, дергала, дергала —

выдернула хвост. Да занизила нос: дергала, дергала, дергала,
дергала —

Выдернула нос,

Да завязила хвост: дергала, дергала, дергала, дергала — вы-

дернула хвост,

Да завязила нос и т. д.

* * *

Жили-были два братца, два братца – кулик да журавль. Накосили они стожок сенца, поставили среди польца. Не сказать ли сказку опять с конца?

* * *

Жил-был старик, у старика был колодец, а в колодце-то елец; тут и сказке конец.

* * *

Жил-был царь, у царя был двор, на дворе был кол, на колу мочало; не сказать ли с начала?

* * *

– Сказать ли тебе сказку про белого бычка?

– Скажи.

– Ты скажи, да я скажи, да сказать ли тебе сказку про белого бычка?

– Скажи.

– Ты скажи, да я скажи, да чего у нас будет, да докуль это

будет! Сказать ли тебе сказку про белого бычка?

Припевки

* * *

Журавль долгоногий
На мельницу ездил,
Диковинку видел:
Козел мелет,
Коза засыпает,
Маленьки козлятки
В амбарах гуляют,
Муку насыпают,
Сами согревают,
А барашки – круты рожки
По улице ходят,
В дудочки играют,
А вороны – стары жены
Пошли танцевати,
А сороки-белобоки
Пошли примечати:
Ногами топ-топ,
Глазами хлоп-хлоп.

* * *

Скачет галка
По ельничку,
Бьет хвостом
По березничку.
Наехали на галку
Разбойнички,
Сняли они с галки
Синь кафтан.
Не в чем галочке
По городу гулять.
Плачет галка,
Да негде взять.

* * *

Курочка-тараторочка
По двору ходит,
Цыплят выводит,
Хохолок раздувает,
Бояр утешает.

Уж как наша попадья
Зарождала воробья,
Совсем воробей,
Совсем молодой,
Остроносенький, долгоносенький.
По-под гребницей красная девица.
Повели воробья
Во боярский двор
К воеводе в дом.
Воевода, сын господский,
Не секи его кнутом,
Обстриги его кругом.
При дорожке, при долинке стой.
Кто нейдет, нейдет,
Назовет его попом.
Уж ты батюшка попок,
Зачем служишь без порток?
Я не ездил во полки,
Не завел себе портки,
Портки строченые,
Позолоченные.

Курочка-тараторочка
Снесла яичко
В углу на полочке,
На овсяной соломочке.
Пришла мышка,
Хвостиком вильнула,
Яичко столкнула,
Яичко покатилося
Под тын в огород.
Тын подломился,
Сороке ногу переломил.
Она стала прыгать:
«Чики, чики, сорока!
Где ты была?» —
«Далеко:
Я у бабушки
На попрыдушке». —
«Что ела?» —
«Кашку». —
«Что пила?» —
«Бражку.
Кашка масленька,
Бабушка добренька,
А бражка сладенька».

* * *

Куручка ряба
Через улицу брела,
Перешиблена нога.
«Кто ей перешиб?» —
«Торопыжка».
Торопыжка-мужичок
Торопится в кабачок.
Коротеньки ножки,
Новеньки сапожки.
Куручка по двору
Похаживает,
Цыпляток своих
Поваживает,
Хохолок подымает.
Бояр утешает,
Бояры-то смеются,
У них бороды трясутся.

* * *

Кукареку! Петушок

Подает голосок
На боярский дворок.
Там бояре сидят,
Они кройки кроят,
Не докраивают,
Они пушки пушат,
Не допушивают.

* * *

«Гулю, гулю, голубок,
Кто тебя зарезал?» —
«Тятенька зарезал,
Маменька щипала,
Бабушка варила,
Вся семья хлебала,
Одна дочка не хлебала,
Под столом сидела,
Косточки сбирала,
В платочек вязала;
Она вышла на речку,
Косточки помыла,
В крут берег зарыла.
Тут шли скоморошки,
Срезали по пруточку,
Они сделали по гудочку.

Вы, гудки, не гудите,
Моего батюшку не будите,
Мой батюшка старенек,
Моя матушка молоденька,
Все братья по службам,
Все сестры по замужьям,
Брата Романа убили...» —
«Где его схоронили?» —
«У Петра, у Павла,
Под тремя колоколами.
Кто по нем потужит,
Кто по нем поплачет,—
Два волка мохнатых,
Курочка хохлата,
Коза в сарафане».

* * *

Тень, тень потетень!
Выше городу плетень.
На полице трубица,
Гороховица.
На печи звезда
Калачи пекла.
Тетка богатка,
Сшей мне рубашку!

Я поеду жениться —
На стенке, на бурке,
На вечной каурке.
Сенька-вязенька,
Вези меня на палке,
А сам пешком,
Перевертушком.

* * *

Тень, тень, потетень!
Выше городу плетень.
У Спаса бьют,
У Николы звонят,
У старого Егорья
Часы говорят.
Братцы-казанцы,
Поедмте на зайца!
Зайца убьемте,
Попа привеземте:
Попа за стол,
Попадью под стол.
Кикимора на печке
Ширинку шьет,
Петух в сарафане
Овес толчет,

Куручка в сапожках
Избушку метет,
Блоха на пороге —
Отри ноги.

* * *

Иванушка-простота
Купил лошадь без хвоста.
Поехал жениться,
Привязал корытце,
Корыто мотается,
Жена улыбается.

* * *

Иванушка-рачек
По бережку скачет,
Белу рыбку ловит,
Аннушке носит:
«Аннушка сердце!
Свари уху с перцем,
А я приду с хлебцем:
Я приду хлебати,

Тебя целовати».
Наварила, напекла
Три аршина киселя,
Пять пудов пирогов,
А к этим пирогам
Выбирался женишок
Иванушка-дурачок.

* * *

«Уж ты бабушка Арина,
Ты куда, куда ходила?» —
«На базар ходила,
Себе ведерки купила». —
«Что дала?» — «Рубль дала,
Коромысел-полтора».

* * *

«Что на улице шумят?» —
«Сарафан бабы делят:
Кому клин, кому стан,
Кому весь сарафан».

* * *

Чики, чики, чикалочки,
Едет мужик на палочке,
Жена на тележке
Щелкает орешки.

* * *

Поповы ребята
Горох молотили,
Цепы поломали,
В овин побросали,
Косой загляделся,
Овин загорелся.
Поп испугался,
Попадья с печки, Дьякон из-под лавки —
Перебил все склянки,
Кочет с поллицы —
Поломал косицы.

Бубен, бубен!
Сядь на бочку,
Отдай свою дочку
За нашего князя:
У нашего князя
Семеро саней,
Лубьями крыты,
Гвоздями биты;
Трои сеновалы,
Стоги на подвале,
Коза не подскочит,
Сено не развалит.
Коза подскочила,
Сено развалила.

* * *

«Туру, туру, пастушок.
Далеко ли отошел?» —
«От моря до моря,
До Киева города». —
«Что там царь делает?» —

«Туру ногу пишет
На золотом блюде,
Серебряном стуле.
Стул подломился,
Царь покатился.
Его жена Марья
Породила сына». —
«Как его имя?» —
«Царя Константина». —
«Бубен ты, бубен!
Сядь на бочку,
Отдай свою дочку
За нашего князя:
У нашего князя
Собаки борзые,
Холопы босые».

* * *

«Туру, туру, пастушок,
Калиновый батожок!
Далеко ли отошел?» —
«От моря до моря,
До Киева города;
Там наша родина.
На родине дуб стоит,

На дубу сова сидит,
Сова-то мне теща,
Воробей-то шурин,
Глазом щурит.
Некарька-сорока
По берегу скакала,
Коренья копала,
Косарь потеряла».

* * *

«Туру, туру, пастушок,
Осиновый листышок!
Для чего ты трубишь
От моря до моря,
До Киева города?» —
«В чистом поле дуб стоит,
На дубу сова сидит.
Сова, сова – теща,
Синичка – сестричка,
Сходи за водичкой». —
«Я волка боюсь, Медведя страшуся.
Волк на болоте
Считает озороды,
Свою жену кричит.
Своя жена Марья

Спородила сына,
Сына Максима,
В четыре аршина».

* * *

Ай шувы, шувы, шувы.
Поперек Москвы
Промощенные мосты
Ехал барин-господин,
Таракана задавил,
Семь рубликов заплатил.

* * *

Не метелица метет вдоль по улице,
Вдоль по улице, вплоть до кузницы.
В этой кузнице два кузнечика куют,
Куют, куют, принаваривают,
Меня, Дуню, приговаривают:
«Вот тебе, Дуня, замок с ключом». —
«Не надо мне замок с ключом,
А надо мне пистолет с ружьем.
Убила бы я свово мужа-дурака.

Мой муж-дурак – таракан.
Проел он Дуне сарафан,
Все пуговики проглотил».

* * *

Кроме музыки инструментальной, которой дети сопровождают свое пение, они в количестве трех-пяти человек составляют иногда еще такой замысловатый концерт. Возьмут, разделят песенку на известные части и назначат каждому петь только одну какую-нибудь часть в два или три слова. Так, прибаутку:

В Казани на базаре
Сани, дровни
Дешевы, дешевы! —

дети поют таким образом: один мальчик первый стих «В Казани на базаре» дискантом, другой второй стих: «сани, дровни» – тенором, третий – третий стих: «дешевы, дешевы» – басом, и каждый тростит свои слова до тех пор, пока не устанет. Все стихи поются в одно время, а не по очереди. Так же дети поют следующую песенку:

Сам дуду, сам дуду!
Сам игумен идет,

Свою братью ведет
Через тын-монастырь.
Блины мазаные.

* * *

Бабушка Ульяна!
Голова твоя кудрява.
Садись-ко в сани,
Поедем-ко с нами.
Там на базаре
Коза в сарафане,
Утка в юбке,
Куручка в сапожках,
Корова в рогоже,
Нет ее дороже.

* * *

Танцевала рыба с раком,
А петрушка – с пастернаком,
А цибуля – с чесноком,
Красна девка – с казаком,
А морковка не хотела,

Потому что не умела.

* * *

А и дон-дон-дон,
Загорелся жучий дом;
Бежит жук с ведром
Заливать свой дом.

* * *

Гуси-лебеди летели,
В поле банюшку доспели.
Коростель полки мостил,
Таракан дрова рубил,
Комар по воду ходил,
В грязи ноги увязил,
Он не вытащил,
Глаза вытаращил;
Блоха поднимала,
Живот надорвала.
Муха банюшку топила,
Пчелка воду наносила,
Оса щелок щелочила,

Блошка парилася
Да запарилася,
С полка грянулася,
Об пол вдарилася:
На ушат ребром попала,
Изувечилася,
Изуродовалась,
Что без пальца рука,
Без мизинца нога.
«Охи, охи, не могу,
Потяните за ногу!»
Муха подскочила,
Ножку подломила,
В передбанник понесла,
На рогожку поклала;
Завопила тут блоха:
«Вы подайте мне дьячка
Да запечного сверчка
Отпевать грешну рабу,
Черну блоху во гробу!»
Жучки ямку рыли,
На погост носили,
Блоху хоронили,
Сверчки отпевали,
Блоху провожали.

Тень, тень, потетень!
Как у Спаса звонят,
Как у старого Егора
Часы говорят:
«Бабушка, старушка,
Бей в доску.
Вспоминай Москву:
Как у нас в Москве вино —
По три денежки ведро:
Хоть пей, хоть лей.
Хоть окачивайся.
Пряники пекутся,
В руки не даются.
Мальчик резвый
В руку плюнул».

Цепные песенки

* * *

Тень, тень, потетень,
Выше города плетень,
На полице гороховица.
У Спаса бьют,
У Николы бьют,
У старого Никиты
Часы говорят.
«Ах ты, козонька-коза,
Уж и где же ты была?»
«Я коней пасла». —
«А где кони?» —
«Никола увел». —
«А где Никола?» —
«В клетку ушел». —
«А где клетка?» —
«Вода поняла». —
«А где вода?» —
«Быки выпили». —
«А где быки?» —
«В круты горы ушли». —
«А где круты горы?» —

«Черви выточили». —
«А где черви?» —
«Гуси выклевали». —
«А где гуси?» —
«В тростник ушли». —
«А где тростник?» —
«Девки выломали». —
«А где девки?» —
«За мужьями ушли». —
«А где мужья?» —
«Мужья примерли,
Один остался».

* * *

«Ворона, ворона,
Куда ты летала?» —
«К матушке, к батюшке». —
«Что они тебе дали?» —
«Ступу, лопату,
Корову горбату,
Помело с хвостом».

Бубен ты, бубен!
Отдай свою дочку
За нашего князя:
У нашего князя
Трое саней с козырями —
Шелком обшиты,
Серебром покрыты;
Сени новые.
Курица взлетела,
Сени обломила;
Пришла коза,
Подняла на рога.
«Ох ты, козынька, коза,
Где же ты была?» —
«У попа я на дворе». —
«Что там делала?» —
«Коней пасла». —
«Что же ты выпасла?» —
«Жеребеночка
В золотой узде,
Позолоченной». —
«Где же жеребеночек?» —
«В клетку ушел». —
«Где же клетка?» —

«Вода потопила». —
«Где же вода?» —
«Быки выпили» (и так далее).

* * *

Нишни, нишни,
Женихи пришли!
«А где женихи?» —
«За воротами стоят». —
«А где ворота?» —
«Водой снесло». —
«А где вода?» —
«Быки выпили». —
«А где быки?» —
«За горы ушли». —
«А где горы?» —
«Черви выточили». —
«А где черви?» —
«Гуси выклевали». —
«А где гуси?» —
«В тростник ушли». —
«А где тростник?» —
«Девки выломали». —
«А где девки?» —
«За мужья ушли». —

«А где мужья?»—
«Траву косят».—
«На что трава?»—
«Коров кормить».—
«На что коровы?»—
«Молоко доить».—
«На что доить?»—
«Ребят поить».—
«А на что ребят поить?»—
«По грибы ходить».

Прибаутки

* * *

«Разбуди меня, мама, завтра пораньше!» – «Что так?» – «Да вот хлебушка-то ломоть доесть: теперя уж не смогу».

* * *

«Сладки гусиные лапки». – «А ты едал?» – «Нет, а отец видал, как воевода едал».

* * *

«Куда, миленький, снаряжаешься?» – «Не скажу». – «Скажи, мой дорогой, куда снаряжаешься?» – «В город на ярмарку». – «Миленький, возьми меня с собой!» – «Не возьму». – «Возьми, мой дорогой, меня с собой». – «Садись на самый краешек». – «Что у тебя, миленький, в возу?» – «Не скажу». – «Что, мой дорогой, в возу?» – «Яблоки». – «Дай мне, миленький, яблочко». – «Не дам». – «Дай, дорогой, яблочко». – «Возьми одно». – «Где мы, миленький, ночуем с тобой?» – «Не скажу». – «Скажи, мой дорогой, где ночуем с

тобой?» – «В большой деревне, у попа в пелевне¹⁶⁷».

* * *

«Коза, коза, лубяные глаза, где ты была?» – «Коней пасла». – «А кони-то где?» – «Николка увел». – «А Николка-то где?» – «В клеть ушел». – «А клеть-то где?» – «Водой унесло». – «А вода-то где?» – «Быки выпили». – «А быки-то где?» – «В гору ушли». – «А гора-то где?» – «Черви сточили». – «А черви-то где?» – «Гуси выклевали». – «А гуси-то где?» – «В вересняк ушли». – «А вересняк-то где?» – «Девки выломали». – «А девки-то где?» – «Замуж выскакали». – «А мужья-то где?» – «Все примерли».

* * *

Гуси-лебеди летели, в чисто поле залетели, в поле банюшку доспели. Воробей дрова колол, таракан баню топил, мышка водушку носила, вошка парилася, приушмарилася,¹⁶⁸ белла гнида подхватила, на рогожку повалила; сера блошка подскочила, ножку подломила, в передбанок вошку выносила...

¹⁶⁷ Пелевня – сарай для соломы.

¹⁶⁸ Уморилась.

* * *

Кот на печи сухари толчет, кошка в окошке ширинку шьет, свинья в огороде овес толчет, курочка в сапожках избушку метет; вымела избушку, положила голичок под порожек.

* * *

Ходит курочка в сапожках, выронила перышко, из перышка-то ядрышко; укатилось оно на Иваново село. На Ивановом селе-то собачка на лычке потявкивает, медведь на цепочке порывается, господин на печке обувается, госпожа за печкой оладьи печет, сухари толчет.

* * *

Лежит зайка под кустом; охотники за ним взорят, зверя малого ловят. Скочил зайка на ноги: «Вы, охотнички, идите – на мой хвостик посмотрите!»

* * *

«Зайнышка серенький, где ты был-спобывал?» – «Был я, по-

бывал в огороде-ельничке, в амбарчике-спальничке». – «Кого видел-сповидал?» – «Видел я, повидал три девчины хороши, три любчины пригожи; Анюшенька черноброва, черноглаза лучше всех». – «Заинька серенький, они звали ли тебя?» – «Звали-звали, позывали: Катюша на часок, Марьюша на денек; Анюшенька удала на недельку позвала». – «Заинька серенький, кормили ли тебя?» – «Катюша-то блинами, Марьюша-то пирогами; Анюшенька удала кашу с маслом поднесла». – «Заинька серенький, поили ли тебя?» – «Катюшка-то пивцом, Марьюша-то винцом; Анюшенька удала стакан меду налила». – «Заинька серенький, положили ли тебя?» – «Катюша-то на лавку, а Марьюша на другую; Анюшенька удала подушечку подала». – «Заинька серенький, не били ли тебя?» – «Катюша-то клюкой, а Марьюша кочергой; Анюшенька удала за ушеньки подрала». – «Заинька серенький, провожали ли тебя?» – «Катюша-то на сенец, а Марьюша на крылец; Анюшенька удала за ворота провела».

* * *

Тень-потетень, выше города плетень; на полице трубица гороховая, на печи калачи, как огонь горячи, с печки упали, в горшочек попали. Кушайте, бояре, поварных щей. Тетка-божатка, Крестная мать, сошей-ка рубашку, тоненьку, беленьку, косой вороток. Поеду я жениться, на сивке, на бурке, на соловой кобылке. Кобылка, кобылка, не сдерни овина; в ови-

не Арина ткёт полотно, перетыки-то¹⁶⁹ кладет, да недотыкивает. Шапка-татарка поехала по лавкам; бей в доску да поминай Москву. Как на Вологде вино по три денежки ведро, хоть пей, хоть лей, хоть окачивайся! Куколка, куколка, для ча долго не жила? Я боялась типуна. А типун-то не судья, а судья-то лодыга. Лодыгины дети хотят улетети за Иванов город. Они по грамотке пишут, на девицу дышут. Девица, девица, поди по водицу! На дороге-то волки горох молотили, поповы ребята попу-то сказали, попадья-то с печи обломала плечи. Сем-пересем на лопатке испечен; мужик песню спел, на капустник сел, съел три короба блинов, три костра пирогов, заулок рогулк, заход калачей, макинницу сулою,¹⁷⁰ овин киселя, поваренку щей!

* * *

Ну-тка, дядюшка Корнило, запрягай-ка ты кобылу, у Макарья на песку приразмычь горе-тоску: стоит бражка в туеску,¹⁷¹ бражка пьяная-пьяна, весела хмельная голова! Бражку порняй¹⁷² выпивай!..

¹⁶⁹ Перетыки – особенного рода нить, затканная в полотно.

¹⁷⁰ Сулои – мутный квас и густое сусло, из которого варят ржаной кисель.

¹⁷¹ Туес – берестяной бурак.

¹⁷² Порно – крепко, скоро, прытко.

* * *

Пошел полковник погулять, поймал птичку-перепелочку; птичка-перепелочка пить похотела, поднялась-полетела, па-ла-пропала, под лед попала, попа поймала, попа-поповича, Петра Петровича.

* * *

Однажды говорила о себе репа: «Я, репа, с медом хороша!» – «Поди прочь, хвастунья!» – отвечал ей мед. – Я и без тебя хорош».

* * *

Была репа важная, дивилась старуха кажная; одним-днем кругом не обойдешь; у той репы половину мы с семьей целую неделю ели, а другую половину другую неделю; корку навалили да кобылу надсадили и телегу обломили. Вот какая была мудрость недавно утресь!¹⁷³

¹⁷³ Утром.

* * *

Стоит град пуст, а во граде куст; в кусте сидит старец да варит изварец; и прибежал к нему косо́й заяц и просит изварец. И приказал старец безно́мому бежать, а безруко́му хватать, а голо́му в пазуху класть.

Народные анекдоты

Приводятся народные анекдоты, собранные в конце XIX века А. Афанасьевым.

* * *

Был в одной помещичьей деревне управляющий-немец, праздников наших не почитал и завсегда заставлял мужиков работать. Приходит к нему однажды староста и говорит: «Завтра у нас праздник, работать нельзя». – «Какой там праздник выдумал?» – «Да святого Николы, батюшка!» – «А где он? Покажь мне его!» Староста принес образ. «Ну, это доска! – говорит немец. – Мне она ничего не сделает, и сам буду работать, и вы не ленитесь». Вот мужики и придумали сыграть с немцем шутку; опять приходит к нему староста: «У нас, батюшка, завтра праздник». – «Какой праздник?» – «Да преподобного шерстня». – «А где он? Покажь!» Староста привел его к старому дуплу, где шерстни водились: «Вот он!» Немец стал заглядывать в щели, а шерстни так и гудят! «Ишь, – говорит немец, – как песни-то распевает! Али водочки хлебнул? Ну, да я его не боюсь, все-таки прикажу работать». Пока немец рассуждал, шерстни вылетели и давай его жалить. «Ай-ай! – закричал он во всю мочь. – Право сло-

во – не велю работать, и сам не стану; пускай мужики хоть всю неделю гуляют».

* * *

В некоем царстве поехал король по столичному городу покататься и в то время обронил с своей руки именной перстень. Тотчас же приказал он опубликовать в газетах: кто найдет и доставит к нему перстень, тому будет большая награда деньгами. И посчастливилось найти тот перстень одному простому солдату. «Как теперь быть? – думает солдат. – Коли в полку объявить, то дело пойдет по начальству – от фельдфебеля к ротному, от ротного к батальонному, от батальонного командира к полковнику, а тот к бригадному: этак не скоро конца дождешься! Дай-ка я лучше пойду прямо к королю». Приходит во дворец; увидел его дежурный. «Ты зачем?» – «Я, – говорит, – королевский перстень нашел». – «Хорошо, братец! Я об тебе доложу королю, только с тем уговором: какую тебе даст король награду, из той награды половину мне». Солдат задумался: «Вот в кои-то веки счастье попало, да и тем поделись! – Хорошо, – говорит дежурному, – только дайте расписку, что вам половина и мне половина». Дежурный дал расписку и доложил про него королю. Король похвалил солдата за находку: «Спасибо тебе, молодец! Я тебе пожалую за это две тысячи!» – «Нет, ваше королевское величество, это не солдатская награда; солдатская

награда – двести палок». – «Дурак же ты!» – сказал король и велел принести палок. Стал солдат раздеваться, расстегнул пуговицы, и выпала у него расписка. «Это что за бумага?» – спросил король. «А это, государь, расписка, что из теперешней награды только половина моя, а другая следует дежурному». Король засмеялся, позвал дежурного и велел отсчитать ему сто палок. Вот по тому приказу и принялись угощать его палками; как скоро начали отсчитывать последний десяток, солдат подошел к королю и сказал: «Ваше величество, когда он такой жадный, что ему много надобно, то я, так и быть, жертвую ему и свою половину». – «Вишь, какой добрый!» – сказал король и велел дать дежурному и другую сотню. С той награды дежурный еле на карачках домой дополз; а солдата отпустил король в чистую отставку и при отпуске пожаловал ему на жить-бытье три тысячи рублей.

* * *

Орал мужик в поле, выорал самоцветный камень. Идет домой, а навстречу ему сосед, такой стародревний. Показал ему камень: «Кому гож?» – «Неси, – говорит, – к царю». По-нес; приходит во дворец и повстречал генерала. Поклонился ему до земли: «Батюшка! Доведи до царя». – «Зачем тебе нужно?» – «Несу из деревни подарок». – «Ну, мужичок, чем царь тебя наградит, отдай мне половину; а не хочешь – вовек не дойти тебе до царя». Мужик согласился. Вот гене-

рал довел его до самого царя. «Благодарю, мужичок! – говорит царь. – Вот тебе в награду за то две тысячи рублей». Мужик пал на колени: «Не надо мне, царь-государь, иной награды, кроме пятидесяти стежей в спину». Возжалел его царь и приказал дать ему пятьдесят стежей легонько. А мужик начал считать; как дали двадцать пять, он и закричал: «Полно, будет с меня; другая половина посулена тому, что довел меня до вашего царского величества». Ну, того позвали и сполна отсчитали половину награды, как следовало; только он не рад был такой награде! Царь поблагодарил мужичка и подарил ему целых три тысячи.

* * *

Одна баба, ставя по праздникам свечку перед образом Георгия Победоносца, завсегда показывала змию кукиш: «Вот тебе, Егорий, свечка; а тебе шиш, окаянному!»

Этим она так рассердила нечистого, что он не вытерпел; явился к ней во сне и стал страшать: «Ну уж попадись ты только ко мне в ад, натерпишься муки!»

После того баба ставила по свечке и Егорию, и змию. Люди и спрашивают, зачем она это делает? «Да как же, родимые! Ведь незнамо еще куда попадешь: либо в рай, либо в ад!»

* * *

Одна глупая баба приехала на ярмарку купить образ Временной Пятницы.¹⁷⁴ Приходит в балаган к разносчику: «Дядюшка, покажи-ка мне образ Временной Пятницы!» Вместо того показывает он ей Егория Храброго. «Дядюшка! Да отчего же она, матушка, на коне?» – «Экая ты, баба, дура! Оттого она и называется Временною, что иной раз пешком ходит, а временем на коне ездит. Вишь, конь-то так копытища и задирает!»

* * *

Шел солдат домой на побывку и забрел к одному мужику ночь ночевать. «Здравствуй, хозяин! Накорми и обогрей прохожего!» – «Ну что ж, садись за стол, гость будешь!» Солдат снял тесак да ранец, помолился образам и уселся за стол; а хозяин налил стакан горького и говорит: «Отгадай, служба, загадку – стакан вина поднесу; не отгадаешь – оплеуха тебе!» – «Изволь, сказывай загадку». – «А что значит чистота?» Солдат подумал-подумал и вымолвил: «Хлеб чист, значит, он и чистота». Мужик хлоп его по щеке. «Что ж ты

¹⁷⁴ «Пятница именуется Временною, потому что день св. Параскевы, 28 октября, временно приходится в пятое» («Русские простонародные праздники» И. Снегирева, I, 188).

дерешься? Нас бьют да вину сказывают». – «Чистота, брат, кошка: завсегда умывается! А что значит благодать?» Солдат опять подумал-подумал и говорит: «Знамое дело, хлеб – благодать!» Мужик хлоп его в другой раз: «Врешь, брат, служба! Благодать – вода. Ну, вот тебе последняя загадка. что такое красота?» Солдат опять свое: «Хлеб, – говорит, – красота!» – «Врешь, служба; красота – огонь; вот тебе и еще оплеуха! Теперь полно, давай ужинать». Солдат ест да про себя думает: «Сроду таких оплеух не видал, и на службе царской того не было; постой же, я тебе и сам удружу; будешь меня помнить!»

Пужинали и легли спать. Солдат выждал ни много ни мало времечка; видит, что хозяева заснули, слез с полатей, поймал кошку, навязал ей на хвост пакли, паклю-то зажег да кошку на чердак погнал: бросилась она туда со всех четырех ног и заронила огонь в солому; вмиг загорелась изба, и пошло драть! Солдат наскоро оделся, подошел к хозяину и давай в спину толкать. «Что ты, служивый?» – «Прощай, хозяин! Иду в поход». – «Ступай с богом!» – «Да вот тебе на прощанье загадка: взяла чистота красоту, понесла на высоту: коли не ухватишь благодати, не будешь жить в хате! Отгадывай!» – сказал солдат и пошел со двора. Пока мужик ломал себе голову, что бы такое значили солдатские речи, загорелся потолок. «Воды! Воды!» – кричит хозяин, а воды-то в доме ни капли нет; так все и сгнуло. «Ну, правду солдат загадал: коли не ухватишь благодати, не будешь жить в хате!»

Отольются кошке мышинные слезки!

* * *

В одном селе жил-был старик, да такой скупой, прижмитый! Как сядет за стол, нарежет хлеба, сидит да на снох поглядывает: то на ту, то на другую, а сам ничего не ест. Вот, глядя на него, и снохи тоже поглазеют-поглазеют, да и полезут вон из-за стола голодные. А старик опосля, только что уйдут они по работам, втихомолку наестся, напьется и разляжется на печи сытехонек. Вот одна отпросилась меньшая сноха и пошла к своему отцу, к матери и стала жаловаться на свекра: «Такой-де лютый, ненавистный! Жить нельзя! Со всем есть не дает, все ругается: ненаеды вы этакие!» – «Хорошо, – говорит ей отец, – я приду к вам в гости, сам посмотрю ваши порядки». И погода денек-другой пришел он к старику вечером. «Здорово, сват!» – «Здорово!» – «Я к тебе в гости; рад ли мне?» – «Рад не рад, делать нечего; садись, так и гость будешь!» – «Как моя дочушка живет, хорошо ли хлеб жует?» – «Ништо, живет себе!» – «Ну-ка, сватушка, соловья баснями не кормят; давай-ка поужинаем, легче говорить будет». Сели за стол; старик нарезал хлеба, сам не ест – сидит, все на снох глядит. «Эх, сват! – говорит гость. – Это не по-нашему; у нас нарезал хлеба да поел, еще нарезал – и то поел. Ну вы, бабы молодые, больше хлеба ешьте, здоровее будете!» После ужина стали спать укладываться. «Ты, сват,

где ляжешь?» – спрашивает хозяин. «Я лягу на кутничке». – «Что ты! Я тут всегда сплю», – говорит старик; вишь, в куте у него спрятаны были яйца, хлеб и молоко; ночью, как заснут в избе, он украдкой встанет и наестся вдоволь. Сват это дело заметил. «Как хочешь, – говорит, – а я лягу на кутничке». Вот улеглись все спать. В самую как есть полночь старик ползком-ползком да прямо в залавок – скрип! А гость еще с вечера припас про него большой ременный кнут; как вытянет свата раз, другой, третий – сам бьет да приговаривает: «Брысь, окаянный, брысь!» Пришлось старику не евши спать. Вот так-то прогостил сват у свата целых три дня и заставил надолго себя помнить. Проводил его старик, и с тех пор полно – перестал у снох во рту куски считать.

* * *

Доселева одинокий был Мартынка, задумал жениться и пошел свататься к попу; вот и сватает девку Устинью. Поп ему и бает: «Ой, Мартынка, отдал бы, да как станешь жить-то? Ведь Устя уросливая¹⁷⁵ такая!» Мартынка отвечает ему: «Батюшка! Я один, а с ней будем двое, не на кого будет сердиться, не с кем будет браниться». Поп согласился отдать Устю за Мартынка. Вот они и свенчались. Мартынка увез Устю к себе домой; она спрашивает: «Коли ты осердишься,

¹⁷⁵ Капризная.

что делаешь?» Он сказал: «Когда осержусь, с воды пьян бываю!» Потом спросил Устю: «А ты, Устя, когда осердишься, что делаешь?» – «Коли я сердита, тогда стану сидеть на печи к углу лицом и у кокошника козырек назад сделаю». На другой день утром уехал наш Мартынка на своей пегой кобыле пахать под вешну.¹⁷⁶ Устя после его настряпала шанег,¹⁷⁷ понесла к нему, кричит: «Мужик, иди есть!» Он как будто не слышит, пашет себе. Устя рассердилась, ушла домой, стряпню свою съела и села на печь к углу лицом. Мартынка как приехал домой, выпил два ковша воды, кадушку разбил; начал ползать на печь к жене, оборвался, пал к дверям избы на пол и захрапел. Жена тихонько слезла с печи, дверей отпереть не посмела, в окошко дров натаскала, истопила печку и настряпала для Мартынка. Он проснулся, она его напотчевала и созвала в гости к отцу. Вот Мартынка запряг свою пегую кобылу в сани – нужды нет, что весной! Поехали; дорогою кобыла-то у них не пошла, Мартынка прогнал ее и запряг свою Устю. Подъезжает к дому тестя: увидела попадьа с дочерьми, что Устя Мартынка везет, выскочила встречать, взяли кто за гужи, кто за оглобли, пособляют Усте; а поп благодарит Мартынка, что так учит уросливых. Пришли в избу, Устя заказывает своим, чтобы воды нигде не было, а поили бы вином да пивом; сказывала: когда Мартынка воды напьется – беда сердит! На другой день как-то одна стряпка

¹⁷⁶ Под яровую.

¹⁷⁷ Ватрушек, сладких хлебов.

оставила в сенях ведро с водою; он и напился воды, задурел как пьяный, приказывает Усте запрягаться, а она дрожит да все попа просит, чтобы дал им своего бурка. Поп подарил им лошадь; Мартынка уехал с Устей домой, и теперь они живут да хлеб жуют, а Устя поди-кось какая послушная стала!

* * *

Жил-был мужик Иван да жена Арина. Послал он ее в поле рожь жать. Вот Арина пришла на полосу, выжала такое местечко, чтоб можно было одной улечься; улеглась, выпалась хорошенько и отправилась домой, будто и впрямь потрудились-поработала. «Что, жена, – спрашивает муж, – много ли сегодня выжала?» – «Слава тебе господи, одно местечко выжала». – «Ну, это хорошо! – думает мужик. – Одна полоса, значит, покончена». На другой день опять пошла Арина в поле, выжала местечко и проспала до вечера; и на третий день – то же самое, и на четвертый – то же самое; так всю неделю и проволочила. Пора, думает мужик, за снопами в поле ехать; приезжает – а рожь стоит вся нежатая; кое-где выжато местечками, да и то такими, что только человеку улечься. Стал жену искать и видит: лежит она на одном местечке да так-то храпит! Мужик сейчас домой, захватил ножницы, патоки и пуху; воротился на жниву, остриг свою бабу наголо, вымазал ей голову патокой и осыпал пухом; сделал все это и воротился на деревню. Вот Арина спала-спала, да, наконец,

и проснулась; хватилась рукой за голову и говорит сама себе: «Чтой-то попритчилось! Кажись, я – Арина, а голова не моя! Пойду домой: коли собака залает, так я, значит, – не Арина». Пришла на деревню прямо к своей избе и спрашивает под окошком: «Что, ваша Арина дома?» Муж смекнул и говорит ей: «Дома!» Тут вылезла из-под ворот собака, не признала хозяйки и бросилась на нее, словно на чужую; так за полы и хватает. Арина бегом да бегом, как бы только живой от своего дома уйти! И пошла она бродить по полю; целые сутки ничего не пила, не ела. После того мужик сжалился, простил ее, и с той поры стала Арина жать бесхитростно.

* * *

Повез мужик в город три четверти ржи продавать. Подъезжает к заставе. Обступили его мошенники: «Стой! Как тебя зовут?» – «Егором, родимые!» – «Эх, брат! Недавно у нас четыре Егора церковь обокрали; троих-то нашли, а четвертого все ищут! Смотри ж, коли где тебя спросят: как зовут? – говори: без четверти Егор; а не то свяжут да в тюрьму посадят». – «Спасибо, родимые, спасибо, что научили!» Приехал мужик на подворье, хватился, а четверти ржи как не бывало! На заставе стащили.

* * *

Давно было. Не стало на селе попа. Согласились мужики избрать попа миром, выбрали и пошли к дяде Пахому. «Пахом, – говорят ему, – а Пахом! Будь ты у нас на селе попом». Пахом и стал попом, да то беда: ни службы не знает, ни петь, ни читать не умеет. Вот однажды собрались миряне в церковь, а в тот день был большой у бога праздник. Пахом выносит книгу и спрашивает: «Православные! Знаете ли вы эту книгу?» – «Знаем, батька, знаем. Еще покойный поп все, бывало, ее читал». – «Ну, коли знаете, нечего вам ее и читать». Выносит другую: «Православные! А эту книгу знаете?» – «Нет, батька, этой не знаем». – «Ну, так что ж вам ее и читать!»

* * *

У одной бабы был муж глухой. Раз как-то вздумалось ей приласкаться к мужу. Вот она и говорит ему: «Ох ты, моя защита и оборона!» – «Как, я ошипана ворона? Ах ты, такая-сякая!» – и отколотил жену. «Что ты, глухой черт! – закричала баба. – Разбойник, обидчик этакой!» – «Вот давно бы так!» – сказал муж.

* * *

Пришла в кабак баба и спрашивает о своем муже: «Не был ли здесь мой пьяница?» – «Был». – «Ах, подлец, ах, разбойник! На сколько он выпил?» – «На пятак». – «Ну так давай мне на гривну».

* * *

«Куда, добрый человек, идешь?» – «Да вон в соседнюю деревню». – «Что ж, там родня у тебя?» – «Да из нашей деревни отдана туда девка замуж». – «Так зачем же ты идешь?» – «Да либо пива напиться, либо подраться».

* * *

Мужик стащил в лавке куль пшеничной муки; захотелось к празднику гостей позвать, пирогами попотчевать. Принес домой муку, да и задумался: «Жена! – говорит он своей бабе. – Муки-то я украл, да боюсь – узнают, спросят: отколь ты взял такую белую муку?» – «Не кручинься, мой кормилец, я испеку из нее такие пироги, что гости ни за что не отличат от аржаных».

* * *

Бедный мужик, идучи по чистому полю, увидел под кустом зайца, обрадовался и говорит: «Вот когда заживу домком-то! Возьму этого зайца, убью плетью да продам за четыре алтына, на те деньги куплю свинushку, она принесет мне двенадцать поросеночков; поросятки вырастут, принесут еще по двенадцати; я всех приколю, амбар мяса накоплю; мясо продам, а на денежки дом заведу да сам оженюсь; жена-то родит мне двух сыновей – Ваську да Ваньку. Детки станут пашню пахать, а я буду под окном сидеть да порядки давать: эй вы, ребятки, крикну, Васька да Ванька, шибко людей на работу не туганьте,¹⁷⁸ видно, сами бедно не живали!» Да так-то громко крикнул мужик, что заяц испугался и убежал, а дом со всем богатством, с женой и с детьми пропал!

* * *

Сидели старик со старухой на печи. Старуха смотрит в окошечко на поле и говорит: «Что, старик, кабы был у нас сынок Иванушка, да была дочка Аленушка, вот бы сынок вспахал тут да посеял хлеба, хлеб-то бы вырос, а дочка сжала; нарастила бы я солоду, наварила бы пива, всю родню свою

¹⁷⁸ Не понуждайте.

созвала бы, а твоих не позвала б!» – «Нет, моих позови, а своих не надо!» – говорит старик. «Нет, своих позову, а твоих не надо!» Старик вскочил и ну таскать старуху за косу; таскал-таскал и с печи столкнул.

Старик поехал в лес за дровами, а старуха бежать собралась; напекла пирогов да хлебов, уложила в большой мешок и пошла к соседке прощаться. Узнал как-то про это старик, воротился домой, повынул из мешка все, что баба на дорогу заготовила, отнес пироги да хлебы в клеть, а сам сел в мешок. Старуха пришла домой, подняла мешок на спину и ударилась в бега. Сделала верст пять или шесть, остановилась и говорит: «Сесть, было, на пенек, съесть, было, пирожок!» А старик из мешка кричит: «Вижу-вижу, слышу-слышу!» – «Ах, проклятый, он, пожалуй, догонит!» – думает старуха и пустилась дальше. Опять верст шесть отошла и говорит: «Сесть, было, на пенек, съесть, было, пирожок!» – «Вижу-вижу, слышу-слышу!» – кричит старик. Она опять бежать; много верст отсчитала и так-то приустила, не пивши, не евши, что и сил больше не хватает. «Что будет – не будет, остановлюся здесь, – думает старуха, – отдохну маленько да закушу». Глядь – а в мешке-то муж. Взмолилась старуха старику: «Батюшка, помилуй! Николи вперед не стану бегать». Старик ее простил, и пошли вместе домой.

Пошел солдат в отпуск; шел-шел, много верст ногами измерил, и добрался к вечеру до одной деревушки. Время было осеннее: то дождем поливало, а тут изморозь пошла. Солдат крепко измочился и весь иззяб; остановился у одной избы, постучался в окно и просится ночевать. «Кто там?» – спрашивает хозяин. «Солдат». – «Откуда тебя черти принесли? Ступай туда, откуда пришел». Постучался солдат у другой и у третьей избы, всю деревню обошел – нигде не пускают; приходится на улице мерзнуть! Увидал он – на другом краю стоит еще избышка, пошел туда и говорит: «Эй, хозяин, пусти на ночь кости обогреть!» – «Пожалуй, пущу, только с тем уговором, чтобы ты всю ночь сказывал нам сказки». – «Хорошо, – говорит солдат, – я стану сказывать, только чтоб никто мне не поперечил; а коли кто хоть едино слово промолвит, так уж не погневись – тому и сказки рассказывать до белого дня». – «Ладно, ладно, служивый!» Вот поужинали и улеглись на ночь: хозяин с солдатом на лавках, хозяйка на печке, а работник под печкою. «Ну, – сказал солдат, – теперь слушайте, начинается моя сказка: как у вас, хозяин, на деревне мужики всё живут дураки! Как у вас, хозяин, на деревне мужики всё живут дураки!» И пошел твердить одно и то же, разов сто уж повторил! Мужик слушал-слушал, разобиделся и не вытерпел: «Послушай, служивый! Ведь ты и меня

заодно ругаешь, не я ль тебя в избу пустил?» Солдат вскочил с лавки, хлоп хозяина по уху: «Мое дело было сказывать, твое – слушать да молчать!» Пристал к нему вплотную; ничем не отвяжешься! «Полно, служивый! – говорит хозяин. – Ложись с богом. Я сам тебе стану сказку сказывать». Солдат улегся, а мужик начал: «Дурак будет тот, кто тебя, служивый, вперед пустит к себе ночевать; а я больше никогда не пущу! Дурак будет тот, кто тебя, служивый, вперед пустит к себе ночевать; а я больше никогда не пущу!» Разов сто повторил он эти речи; на ту пору проснулась на печи хозяйка, слышит, что в избе все еще бормочут, и говорит: «Полно вам болтать, скоро свет, а вы все не спите!» Мужик с солдатом вскочили и пристали к старухе: «Как ты смела перебить нашу сказку? Теперь сама рассказывай!» Нечего делать, начала старуха: «Какой, – говорит, – хозяин подлец, такого ж подлеца и ночлежника пустил! Какой хозяин подлец, такого ж подлеца и ночлежника пустил!» Твердила, твердила; вот услышал работник и отозвался под печкою: «Будет вам толковать; из пустого в порожнее переливать; добрые люди давно спят!» Тут все трое, и солдат, и хозяин с хозяйкою, уцепились за работника: говори-де нам сказку! Работник начал: «Как не спали мы с вечера, так и не спать нам и до свету; скоро надо на работу идти! Как не спали мы с вечера, так не спать нам и до свету; скоро надо на работу идти!» И говорил он эти речи до самого света. Поутру собрался солдат в дорогу: «Прощай, хозяин!» – «Ну те к бесу!»

* * *

У бабы в сенях висел кусок сала. Один солдат взобрался на чердак; другой вошел в избу: «Здравствуй, бабушка! Скажи, пожалуйста, как у вас звонят?» – «Неужли ж ты не слыхивал?» – «Не доводилось, бабушка!» – «У нас звонят: тень-бом! тень-бом!» – «А у нас: тини-тини, по-тя-ги-вай, на сторо-ну поглядывай!» – «Хорошо и этак!» – говорит баба. Ну, пока один звонил, другой (солдат) сало стащил.

* * *

Дело было весною. Вынесли бабы холсты белить. «Ну, – говорят, – теперь надо смотреть да смотреть, как бы кто холстов не стибрил!» – «У меня все будет цело! – стала похваляться одна старушка. – Кто к моим холстам только руку протянет, тот с места не встанет!» Похвальные речи завсегда гнили; старуха-то выдавала себя за колдунью, а какая колдунья! Бывало, у людей кровь заговаривает, а у себя и соплей утереть не сможет. Вот разостлала она по полю холсты и уселась сторожить. Проходили мимо двое солдат и вздумали поживиться чужим добром. «Слушай, товарищ! – говорит один. – Ты залезь в кусты, да смотри не зевай, а я пойду, стану с бабой лясы точить». Сказано – сделано. Подошел

солдат к старухе: «Здравствуй, баушка!» – «Здорово, батюшка! Куда тебя господь несет?» – «Иду к начальству за тем, за сем, больше незачем». – «И-и, родимый, служба-то ваша куды мудрена!» – «А я, баушка, к тебе с запросом; вижу: ты – человек бывалый! Разреши-ка наш солдатский спор. Товарищи мои говорят, что в вашей стороне совсем не так звонят, как у нас; а я говорю, что все равно». – «Вестимо, все равно; небось и у вас колокола-то медные!» – «То-то! Прозвони-ка, баушка, по-вашему». – «По-нашему: тинь-тинь-тинь! дон-дон! тинь-тинь-тинь! дон-дон!» – «Не много разницы! У нас, баушка, звонят пореже». Тут солдат махнул своему товарищу рукою и зазвонил: «Тини-тини, потягивай, тини-тини, потягивай!» Старуха и рот разинула; пока она слушала, другой солдат стянул холст – и был таков! «Ну, служивый, – говорит старуха, а сама так и заливается со смеху, – звоны-то ваши куда чудны! Досыта насмеешься!» – «А вот ужо – так досыта наплачешься! Прощай, баушка!» – «С богом, родимый!» Вечером стали бабы холсты считать; у старухи нет одного. Заплакала она горькими слезами, и наплакалась досыта: правду сказал солдат!

* * *

Купил мужик гуся к празднику и повесил в сенях. Проведали про то двое солдат; один взобрался на крышу гуся добывать, а другой вошел в избу. «Здорово, хозяин!» – «Здорово,

во, служба!» – «Благослови колядовать!» – «Колядуй, добрый человек!» Солдат начал:

А в лесе, в лесе
Солдат на стреси,¹⁷⁹
Стреху продрал,
Гуся забрал.
Святой вечер!

А хозяину и невдогад, что солдат прямо в глаза ему смеется. «Спасибо тебе, служивый! Я, – говорит, – такой коляды отроду не слыхивал». – «Ничего, хозяин, завтра сам ее увидишь». Наутро полезла хозяйка за гусем, а гусем и не пахнет давно!

* * *

Пришел солдат с походу на квартиру и говорит хозяйке: «Здравствуй, божья старушка! Дай-ка мне чего-нибудь поесть». А старуха в ответ: «Вот там на гвоздике повесь». – «Аль ты совсем глуха, что не чувствуешь?» – «Где хошь, там и заночуешь». – «Ах ты, старая ведьма, я те глухоту-то вылечу!» И полез было с кулаками: «Подавай на стол!» – «Да нечего, родимый!» – «Вари кашицу!» – «Да не из чего, родимый!» – «Давай топор; я из топора сварю». – «Что за диво! – дума-

¹⁷⁹ Стреха – крыша, кровля.

ет баба. – Дай посмотрю, как из топора солдат кашницу сварит». Принесла ему топор; солдат взял, положил его в горшок, налил воды и давай варить. Варил, варил, попробовал и говорит: «Всем бы кашница взяла, только б малую толику круп подсыпать!» Баба принесла ему круп. Опять варил-варил, попробовал и говорит: «Совсем бы готово, только б маслом сдобрить!» Баба принесла ему масла. Солдат сварил кашницу: «Ну, старуха, теперь подавай хлеба да соли, да принимайся за ложку; станем кашницу есть». Похлебали вдвоем кашницу. Старуха спрашивает: «Служивый! Когда же топор будем есть?» – «Да вишь, он еще не уварился, – отвечал солдат, – где-нибудь на дороге доварю да позавтракаю». Тотчас припрятал топор в ранец, распростился с хозяйкою и пошел в иную деревню. Вот так-то солдат и кашницы поел, и топор унес!

* * *

Повезла баба в город кринку масла продавать; время-то шло к масленой. Нагоняют ее два солдата: один позади остался, а другой вперед забежал и просит бабу: «Эй, тетка, подпояшь меня, пожалуйста». Баба слезла с воза и принялась подпоясывать. «Да покрепче подтяни!» Баба подтянула покрепче. «Нет, это туго; ослабь маленько». Отпустила послабже. «Уж это больно слабо будет: закрепи потуже». Пока завязывала баба пояс то крепче, то слабже, другой солдат

успел утащить кринку с маслом и убрался себе подобру-поздорову. «Ну, спасибо тебе, тетка! Подпоясала ты меня на всю Масленицу», – говорит солдат. «На здоровье, служба!» Приехала баба в город, хватъ – а масла как не бывало!

* * *

Шли проселком нищие – старик да старуха; стали подходить к деревне. Старик говорит: «Я здесь молока попрошу!» Старуха в ответ: «А я в молоко хлеба крошу!» Старик ухватил старуху и давай бить да приговаривать: «Не кроши в молоко хлеба, не то прокиснет, не кроши в молоко хлеба, не то прокиснет!» Пришли в деревню, а молока никто не дал.

* * *

Повез бедный мужичок дрова продавать. Встречает его богатый да чванный. «Эй, постой! Что на базар везешь?» – «Солому». – «Врешь, дурак! Какая солома – это дрова!» – «Ну, коли сам видишь, так неча и спрашивать! У тебя глаза не вылезли!» Сказал бедный и поехал своей дорогой. На другой день идет богатый да чванный по улице с приятелем. «Так и так, – рассказывает ему, – разобидел меня бедный мужичишка!» А бедный как тут – едет опять навстречу. «Вот он – вчерашний мужик-то!» – говорит богатый. «Нет, врешь! –

отвечает ему бедный. – Я не вчерашний: скоро сорок лет стукнет, как я живу на белом свете».

* * *

Жил-был бедный мужик; детей много, а добра – всего один гусь. Долго берег он этого гуся, да голод не тетка: до того дошло, что есть нечего: вот мужик и зарезал гуся; зарезал, зажарил и на стол поставил. Все бы хорошо, да хлеба нет, а соли не бывало. Говорит хозяин своей жене: «Как станем мы есть без хлеба, без соли? Лучше я отнесу гуся-то к барину на поклон да попрошу у него хлеба». – «Ну что ж, с богом!» Приходит к барину: «Принес вашей милости гуся на поклон; чем богат, тем и рад. Не побрезгуй, родимый!» – «Спасибо, мужичок, спасибо! Раздели же ты гуся промеж нас без обиды!» А у того барина была жена, да два сына, да две дочери – всего было шестеро. Подали мужику нож; стал он кроить, гуся делить. Отрезал голову и дает барину: «Ты, – говорит, – всему в доме голова, так тебе голова и следует». Отрезал гузку, дает барыне: «Тебе дома сидеть, за домом смотреть; вот тебе гузка!» Отрезал ноги, дает сыновьям: «А вам по ножке, топтать отцовские дорожки!» Дочерям дал по крылышку: «Вам с отцом, с матерью недолго жить; вырастете – прочь улетите. А я, – говорит, – мужик глуп, мне глодать

хлуп!¹⁸⁰» Так всего гуся и выгадал себе. Барин засмеялся, напоил мужика вином, наградил хлебом и отпустил домой.

Услыхал про то богатый мужик, позавидовал бедному, взял – зажарил целых пять гусей и понес к барину. «Что тебе, мужичок?» – спрашивает барин. «Да вот принес вашей милости на поклон пять гуськов». – «Спасибо, братец! Ну-ка раздели промеж нас без обиды». Мужик и так и сяк; нет, не поделишь поровну! Стоит да в затылке почесывает. Послал барин за бедным мужиком, велел ему делить. Тот взял одного гуся, отдал барину с барыней и говорит: «Вы теперь, сударь, сам-третей!» Отдал другого гуся двум сыновьям, а третьего – двум дочерям: «И вы теперь сам-третей!» Остальную пару гусей взял себе: «Вот и я сам-третей!» Барин говорит: «Вот молодец так молодец! Сумел всем поровну разделить и себя не забыл». Тут наградил он бедного мужика своею казною, а богатого выгнал вон.

* * *

Жил-был купец; у него был сын. Вот однажды посылает он сына в нижние города товары закупать и на прощанье наказывает: «Смотри же, сынок, будь умен да рассудлив, с рыжим да с красным не связывайся!» Поехал купеческий сын в путь-дорогу. День-то был морозный; вот он прозяб и заехал в ка-

¹⁸⁰ Птичье туловище.

бак обогреться; входит – за стойкою сидит рыжий целовальник. «Налей-ка мне, – говорит ему купеческий сын, – стакан доброй наливки». Выпил стакан наливки, и больно пришлась она ему по вкусу: «Вот наливка, так наливка! Сто рублей стоит! Налей-ка еще». Выпил в другой раз – еще лучше показалась: «Ну, брат, этот стакан двух сот стоит». – А целовальник себе на уме: какую цену сказывал купеческий сын, ту и на стенку записывал. Пришло дело до расчета. «Сколько тебе?» – спрашивает купеческий сын. «Триста рублей». – «Что ты, белены объелся? Экую цену заломил!» – «Не я заломил, ты же сам назначил, да теперь назад пятишься. Только, брат, от меня не отвертишься; коли не заплатишь – с двора не спущу!» Нечего делать, заплатил купеческий сын триста рублей, поехал дальше и думает сам с собою: «Вот она, правда-то! Водись после того с рыжими да с красными! Недаром отец наказывал; родительское слово пустяшное не бывает».

На ту самую пору попадается навстречу рыжий мужик с возом. Как увидал его купеческий сын, тотчас выскочил из кибитки и сунулся ничком в снег, ажно дрожит с испугу! «Что с ним случилось? Не попритчилось ли?» – подумал встречный мужик, подошел к купеческому сыну и стал подымать его на ноги: «Вставай, брат!» – «Отвяжись от меня! Уж один рыжий надул меня, и ты надуешь». – «Полно, брат! Рыжий да красный всякий бывает: бывает плут, бывает и добрый человек. Да кто тебя обманул-то?» – «Так и так, рыжий целовальник из соседнего села». – «Воротись со мной; я с

ним сделаюсь». Вот приехали они в кабак, мужик тотчас окинул глазом всю избу, увидал: под матицей баранья лопатка висит, подошел к целовальнику, спросил рюмку водки, да тут же бьет его по плечу и говорит: «Продай-ка мне эту лопаточку!» – «Купи». – «Что возьмешь?» – «Рубль серебра». Мужик выкинул целковый; после вынул из-за пазухи широкий нож и дает купеческому сыну в руки: «На, брат, вырежь у него лопатку – мне на закуску». – «Что ты! – говорит целовальник. – Я тебе баранью лопатку продал, а не эту». – «Рассказывай! Меня, брат, не проведешь, как этого купеческого сына; не на таковского напал!» Целовальник просить да молить, чуть не в ноги кланяется. «Ну, так и быть! – сказал мужик. – Отпущу тебя, коли воротишь купеческому сыну все деньги сполна». Целовальник отдал назад триста рублей; а мужик того и добивался. «Вот видишь, – говорит купеческому сыну, – рыжий да красный всякий бывает: бывает и плут, бывает и добрый человек. Поезжай теперь с богом!» А купеческий сын только и думает, как бы скорее убраться; сел в кибитку, погоняет лошадей и говорит сам с собой об мужике: «Слава богу, вырвался! Целовальник рыжий плутоват, а этот еще плутоватей; коли б с ним связался, кажись, он с меня с живого бы кожу снял!»

* * *

Жил-был барин; вышел однажды на базар и купил себе ка-

нарейку за пятьдесят рублей. Случилось быть при этом мужику; пришел мужик домой и говорит своей бабе: «Знаешь ли что, жена?» – «А что?» – «Ходил я сегодня на базар; там был и барин, и купил он себе малую пташку – пятьдесят рублей заплатил. Дай-ка я понесу к нему своего гусака: не купит ли?» – «Понеси!» Вот взял мужик гусака и понес к барину. Приносит: «Купи, барин, гусака». – «А что стоит?» – спросил барин. «Сто рублей». – «Ах ты, болван!» – «Да коли ты за малую пташку не пожалел пятидесяти, так за эту и сотня дешево!» Барин рассердился, прибил мужика и отобрал у него гуся даром. «Ну, ладно, – сказал мужик, – попомнишь ты этого гусака!» Воротился домой, снарядился плотником, взял в руки пилу и топор и опять пошел; идет мимо барского дома и кричит: «Кому теплы сени работать?» Барин услышал, зовет его к себе: «Да сумеешь ли ты сделать?» – «Отчего не сделать; вот тут неподалечку растет теплый лес: коли из того лесу да выстроить сени, то и зимой топить не надо». – «Ах, братец, – сказал барин, – покажи мне этот лес поскорее». – «Изволь, покажу». Поехали они вдвоем в лес. В лесу мужик срубил огромную сосну и стал ее пластать на две половины; расколол дерево с одного конца и ну клин вбивать, а барин смотрел, смотрел, да спроста и положил руку в щель. Только он это сделал, как мужик вытащил клин назад и накрепко защебил ему руку. Потом взял ременную плетку и начал его дуть да приговаривать: «Не бей мужика, не бери гусака! Не бей мужика, не бери гусака!» Уж он его дул, дул! Вво-

лю натешился и сказал: «Ну, барин, бил я тебя раз, прибью и в другой, коли не отдашь гусака да сотню рублей в придачу». Сказал и ушел, а барин так и пробыл до вечера: дома-то поздно хватились его, да пока нашли, да из тисков высвободили – времени и многонько ушло!

Вот барин захворал, лежит на постели да охает; а мужик нарвал трав, цветов, обтыкался ими кругом, обрядился дохтуром и опять идет мимо барского двора и кричит: «Кого полечить?» Барин услышал, зовет его: «Ты что за человек?» – «Я дохтур; всякую болезнь снимаю». – «Ах, братец, пожалуйста, вылечи меня!» – «Отчего не вылечить? Прикажи истопить баню». Тотчас вытопили баню. «Ну, – говорит мужик барину, – пойдем лечиться; только никого не бери с собой в баню, бойся дурного глаза!» Пошли они вдвоем в баню; барин разделся. «А что, сударь, – спрашивает дохтур, – стерпишь ли, коли в этакое жару начну тебя мазью пачкать?» – «Нет, не стерпеть мне!» – говорит барин. – «Как же быть? Не велишь связать тебя?» – «Пожалуй, свяжи». Мужик связал его бечевою, взял нагайку и давай валять на обе корки. Уж он валял-валял, а сам приговаривал: «Не бей мужика, не бери гусака! Не бей мужика, не бери гусака!» После, уходя, сказал: «Ну, барин, бил я тебя два раза; прибью и в третий, коли не отдашь гусака да двух сотен рублей на придачу». Барин еле жив из бани вылез, не захотел ожидать третьего раза и отослал мужику и гусака, и двести рублей.

Один мужичок охотник был драться; зазвал к себе в гости мужика, велел хозяйке собрать на стол, велит гостю садиться за стол. Тот отговаривается: «Что ты, Демьян Ильич, беспокоишься напрасно?» Демьян Ильич ему плюху,¹⁸¹ да и по щеке, и говорит: «В чужом доме хозяина слушай!» Тому нечего делать, сел за стол, потчует его; он ест. Хозяин начал рушать¹⁸² хлеба много. Мужик и говорит: «Куда ты, Демьян Ильич, столько хлеба нарушиваешь?» Демьян Ильич и другу ему чикну:¹⁸³ «Не указывай, – говорит, – в чужом доме! Делай то, чего хозяин велит». Мужик не рад стал: ежели потчует – не ест, не слушает Демьяна. Тот его бьет да приговаривает: «В чужом дому хозяина слушай!»

На эту пору ниоткуда возьмись – другой детина, только в невзрачной лопотине,¹⁸⁴ а парень бойкий, без спросу отворяет ворота, заезжает в ограду; а Демьян вышел на крыльцо, кланяется: «Милости просим, милости просим!» – охота и этого побить! Детина – неробкий, снимает шапку и говорит: «Извини, Демьян Ильич, я не спросился – заехал». – «Ничего, ничего! Милости просим в избу». Детина вошел. Хо-

¹⁸¹ Затрещину.

¹⁸² Резать.

¹⁸³ Чикать – бить, ударить

¹⁸⁴ Лопотина – мужская и женская одежда.

зьяин и его садит за стол, жене велит ставить ество, нести хлеба, так и потчует! А детина ест да ест, не перечит. Демьян сколько ни бился – детина ни в чем не перечит: не удалось ему ударить. Он и пошел на проделки, вынес хорошее, самое лучшее платье, говорит детине: «Скидай то, надевай вот это!» Думает сам: «Ужо-де отпираться станет, я его выколочу». Детина не прекословит, надевает. Демьян то, другое подсунет; детина все не спорит. Вывел хорошую лошадь, обседлал в лучшее седло, надел добру узду и говорит детине: «Садись на мою лошадь; твоя-то худая!» – ужо да не станет ли перечить? Детина сел. Демьян велит ехать; тот молчит, понужнул¹⁸⁵ лошадь, выехал из ограды и говорит: «Прощай, Демьян! Не черт пихал, сам попал!» И уехал – поминай как звали: только и было! Демьян посмотрел вслед, хлопнул руками, да и сказал: «Ну, видно, нашла коса на камень! Дурак же я – хотел побить, да лошадь и пробил!» Может, лошадь-то со сбруей-то сот полоторых стоила.

* * *

Богатый купец часто зазывал к себе всяких людей, поил, кормил, угощал: только коли кто скажет ему противное – того непременно поколотит. Раз зазвал он к себе ямщика. Тот отпряг лошадей, вошел в хоромы и после долгого угощения

¹⁸⁵ Понукать, нудить.

сказал: «Довольно, хозяин! Мне пора ехать». Купец давай его бить, так что ямщик едва вырвался и стал запрягать лошадей. Купец за ним. Ямщик нарочно начал дугу вкладывать кольцом назад. Купец закричал: «Не так вкладываешь!» А ямщик давай его бить да приговаривать: «Не твое дело указывать! Не твое дело указывать!»

* * *

Овдовел мужик, пришлось самому хлеба ставить. Вот он замесил в деже¹⁸⁶ тесто и вышел куда-то. В сумерках ворочился, хотел было вздуть огонь, как услышал, что кто-то пыхтит; а это хлеба кисли. «Недавно, – думает себе, – ушел, а кто-то уж забрался в избу!» – и впотьмах наступил на кочергу. Она ударила его в лоб, он закричал: «Сделай милость, не дерись, ведь я тебе ничего не сделал!» – а сам ну пятиться вон из избы. На беду нога разулась, и мужик при выходе прихлопнул оборку¹⁸⁷ дверью и упал. «Батюшка, отпусти! Не держи меня, право слово – ничего тебе не сделаю!»

* * *

Трое прохожих пообедали на постоялом дворе и отпра-

¹⁸⁶ Квашне.

¹⁸⁷ Веревку от лаптя.

вились в путь. «А что, ребята, ведь мы, кажется, дорого за обед заплатили?» – «Ну, я хоть и дорого заплатил, – сказал один, – зато недаром!» – «А что?» – «А разве вы не заметили? Только хозяин засмотрится, я сейчас схвачу из солоницы горсть соли, да в рот, да в рот!»»

* * *

Прибили одного дурня ночью и стали ему на другой день смеяться. «Ну, – говорит он, – молитесь бога, что ночь была светлая, а то я выкинул бы вам штуку!» – «Какую, скажи, пожалуй!» – «Я бы спрятался!»

* * *

Заприметил солдат, что у хохла в сенях висело под коньком пуда два свиного сала в мешке: прорыл ночью крышу, стал отвязывать мешок, да как-то осклизнулся и упал вместе с салом в сени. Хозяин услышал шум и вышел с огнем: «Чого тебе треба?» – «Не надо ли тебе сала?» – спрашивает солдат. «Ни, у мене свого богацько!» – «Ну так потрудись, навали мне мешок на спину». Хохол навалил ему мешок на спину, и солдат ушел.

* * *

Поехал молодой мужик на промыслы, а жена пошла его провожать; прошла с версту и заплакала. «Не плачь, жена, я скоро приеду». – «Да разве я о том плачу? У меня ноги озябли!»

* * *

Старуха-мать ругала мальчишку, чтоб он не ходил на реку купаться: «Ну, курвин сын, смотри, коль утонешь, так и домой не ходи!»

* * *

Два солдата шли домой на побывку; шли, шли – дело-то было зимою – и набрали на мерзлого человека. Один говорит: «Вот беда!» Другой ему: «Что за беда? Это бог клад даст!» Отрубил у мертвого ногу и положил ее в ранец со всем сапогом. Пришли они в большое село, сговорились промежду себя и выпросились один у богатого мужика на ночь, другой – у его соседа. Тот, что ночевал у богатого мужика, собрался рано-рано, только светать начинало, подбросил на полати отрубленную ногу и ушел потихоньку. Погодя немного

приходит его товарищ, стучится в избу и кричит: «Вставай! Солдату долго спать не приходится; пора в поход идти». – «Да его здесь нету, – говорит хозяйка, – видно спозаранку ушел». – «Вот те на, что выдумала, как же он про меня-то забыл?» Тотчас вошел солдат в избу, бросился на полаты, искал-искал и нашел отрубленную ногу, вытащил ее. «А это что?» – говорит. Хозяин с хозяйкою перепугались: «Батюшка! Знать не знаем, ведать не ведаем; ни душою, ни телом не виноваты». – «Врете вы, вору! Польстились на солдатские деньги, да и зарезали: вот так-то вы нашего брата прохожего обираете да свои карманы набиваете – с того и богатеете! Да что с вами много разговаривать! Пойду к сотскому и заявлю; пускай это дело суд разбирает». Мужик чуть не в ноги кланяется солдату: «Служивый! Батюшка! Нельзя ли как помириться?» Принес ему штоф водки, потчует, а сам все упрощивает. Солдат как выпил, еще пуще зашумел. «Не погуби, родимый! – просит мужик. – Хочешь полсотни взять?» – «Как бы не так! С убитого ты, чай, целую тысячу заграбил; давай пятьсот, в убытке не будешь! Коли дашь – все шито да крыто, а не дашь – на себя пеняй!» Нечего делать, заплатил ему мужик пятьсот рублей. «Давай еще на придачу лошадь с телегой». Мужик и на том не постоял. Вот солдат сел в повозку и поехал в путь-дорогу; нагнал своего товарища, что вперед-то ушел, и говорит: «Здорово, земляк! Не подвезти ли?» – «Что, как дело?» – «Да ведь я ж тебе говорил, что бог клад дает».

* * *

Мужик позвал соседа на обед и поставил на стол щи с говядиной. Гость захватил себе весь кусок говядины и говорит: «Ну, брат, что зацепил – то и бог дал!» А хозяин похлебал, похлебал щей, да потом ухватил гостя за волосы и давай таскать: «Ну, брат, что зацепил – то и бог дал!»

* * *

Какой-то мужик купил полуштоф вина, выпил зараз – ничего; купил еще косушку – все не пьян; выпил еще шкалик – и опьянел. И начал тужить: «Зачем покупал я полуштоф да косушку? Лучше б прямо купил шкалик – с него б меня и так разобрало!»

Скоморошины

*Приводятся тексты из сборников К.Данилова,
А.Гильфердинга, М.Чулкова, А.Соболевского,
собранные в XVIII и XIX веках.*

Усы

Эй усы, усы проявились на Руси,
Проявляйся усы за Москвою за рекой,
За Москвою за рекой, за Смородиною.
У них усики малы, колпачки на них белы,
На них шапочки собольи, верхи бархатные,
Ой смурые, кафтаны, полы стеганные,
Пестрединные рубашки, золотны воротники,
С напуском чулки, с раструбами сапоги,
Ой шильцом пятки, остры носки,
Еще окол каблучка хоть яичком покати.
Собирались усы во единый круг,
Ой один из них усища-атаманища,
Атаманища он в озямище,
Еще крикнул ус громким голосом своим:
«Ой нуте-тка, усы, за свои промыслы!
Вы берите топоры, вы рубите верей.¹⁸⁸
За Москвою за рекою что богат мужик живет,
Он хлеба не сеет, завсегда рожь продает,
Он пшеницы не пашет, всё калачики ест,
Он солоду не ростит, завсегда пиво варит,
Он денежки собирает да в кубышечку кладет.
Мы пойдёмте, усы, разобьёмте мужика.
И вы по полю идите не гаркайте,

¹⁸⁸ Верей – здесь: легкие лодки.

По широкому идите не шумаркайте,
На забор лезьте не стучайте.
По соломушке идите не хрястайте,
Вы во сенички идите не скрывайте,
Во избушку идите, всё молитовку творите».

Ой тот ли усища-атаманища
Он входит в избу, сам садится в переду,
Ничего не говорит, только усом шевелит,
По сторонушкам он посматривает.
Наныряться, нашвыряться полна изба усов —
Ой на печи усы и под печью усы,
На полатах усы, на кровати усы.
Ой крикнул ус громким голосом своим:
«Ой ну-ка, хозяин, поворачивайся,
Поворачивайся, раскошеливайся.
Ты давай нам, хозяин, позавтрикати».

Ой хозяин тот несет пять пуд толокна,
А хозяйюшка несет пять ведр молока.
И мы попили, поели, мы позавтракали.
«Ой ну-ка, хозяин, поворачивайся,
Поворачивайся, раскошеливайся.
Ты давай там, хозяин, деньжоночки свои».

Ой хозяин тот божится: «Нет у денег у меня»;
А хозяйюшка ратится: «Нет ни денежки у нас»;
Одна девка за квашней: «Нет полушки за душой»;
А дурак сын на печи он свое говорит:
«Ах как-то у батьки будто денег нет,—
На сарае сундук во пшеничной во муке».

Ой крикнул ус громким голосом своим:

«Ой нуте-ко, усы, за свои промыслы!
Ой кому стало кручинно, нащепай скоро лучины,
Вы берите уголек, раскладывайте огонек,
Вы кладите хозяина с хозяйюшкой».
Ой хозяин на огне изгибается,
А огонь около его увивается.
А хозяин-от дрожит, за кубышечкой бежит,
А хозяйюшка трясется да с яндовочкой несется.
Ой мы денежки взяли и спасибо не сказали,
Мы мошоночки пошили, кошельки поплели,
Сами вниз поплыли, воровать еще пошли.

Дурень

А жил-был дурень,
А жил-был бабин,¹⁸⁹
Вздумал он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Отшедши дурень
Версту, другу,
Нашел он, дурень,
Две избы пусты,
В третьей людей нет.
Заглянет в подполье,
В подполье черти
Востроголовы,
Глаза, что часы,
Усы, что вилы,
Руки, что грабли,
В карты играют,
Костью бросают,
Деньги считают,
Груды переводят.
Он им молвил:
«Бог вам в помочь,

¹⁸⁹ Бабин сын – шуточно-бранное выражение.

Добрым людям».
А черти не любят,—
Схватили дурня,
Зачали бити,
Зачали давити,
Едва его, дурня,
Жива отпустили.
Пришедши дурень
Домой-то, плачет,
Голосом воеет,
А мать – бранити,
Жена – пеняти,
Сестра та – также:
«Ты глупый дурень,
Неразумный бабин!
То же бы ты слово
Не так же бы молвил,—
А ты бы молвил:
«Будь, враг, проклят
Именем господним,
Во веки веков, аминь».
Черти б убежали,
Тебе бы, дурню,
Деньги достались
Вместо кладу».
«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!

Потом я, дурень,
Таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Увидел дурень
Четырех братьев,—
Ячмень молотят,
Он им молвил:
«Будь, враг, проклят,
Именем господним».
Бросилися к дурню
Четыре брата,
Стали его бити,
Стали колотити,
Едва его, дурня,
Жива отпустили.
Пришедши дурень
Домой-то, плачет,
Голосом воет,
А мать – бранити,
Жена – пеняти,
Сестра та – также:
«А глупый дурень,
Неразумный бабин!
То же бы ты слово
Не так же бы молвил,—
Ты бы молвил

Четырем братьям,
Крестьянским детям:
“Дай вам боже
По сту на день,
По тысячу на неделю”».
«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Таков не буду».
Пошел же дурень,
Пошел же бабин
На Русь гуляти,
Себя казати.
Увидел дурень —
Семь братьев
Мать хоронят,
Отца поминают,
Все тут плачут,
Голосом воют,
Он им молвил:
«Бог вам в помочь,
Семь вас братьев,
Мать хоронити,
Отца поминати.
Дай господь бог вам
По сту на день,
По тысячу на неделю».

Схватили его, дурня,
Семь-то братьев,
Зачали его бити,
По земле таскати,
В г... валяти,
Едва его, дурня,
Жива отпустили.
Идет-то дурень
Домой-то, плачет,
Голосом воеет,
Мать – бранити,
Жена – пеняти,
Сестра та – также:
«А глупый дурень,
Неразумный бабин!
То же бы ты слово
Не так же бы молвил,—
Ты бы молвил:
“Прости, боже,
Благослови,
Дай, боже, им
Царство небесное,
В земли упокой,
Пресветлый рай всем”.
Тебе бы, дурня,
Блинами накормили,
Кутьей напитали».
«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,

Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти, Себя казати,
Людей видати.
Встречу ему свадьба,
Он им молвил:
«Прости, боже,
Бласлови,
Дай вам, господь бог,
Царство небесно,
В земле упокой,
Пресветлый рай всем».
Наехали дружки,
Наехали бояра,¹⁹⁰
Стали дурня
Плетьми стегати,
По ушам хлестати.
Пошел, заплакал,
Идет да воет,
Мать – его бранити,
Жена – пеняти,
Сестра та – также:
«Ты глупый дурень,
Неразумный бабин!
То же бы слово

¹⁹⁰ Дружки, бояра – участники свадебного обряда.

Не так же бы молвил,—

Ты бы молвил:

“Дай господь бог

Новобрачному князю

Сужено поняти,¹⁹¹

Под злат венец стати,

Закон божий прияти,

Любовно жити,

Детей сводити”».

«Потом я, дурень,

Таков не буду».

Пошел он, дурень,

На Русь гуляти,

Людей видати,

Себя казати.

Встречу дурню

Идет старец,

Он ему молвил:

«Дай господь бог

Тебе же, старцу,

Сужено поняти,

Под злат венец стати,

Любовно жити,

Детей сводити».

Бросился старец,

Схватил его, дурня,

Стал его бити,

Костылем коверкать,

¹⁹¹ Сужено поняти – взять назначенную невесту.

И костыль изломал весь:
Не жаль старцу
Дурака-то,
Но жаль ему, старцу,
Костыля-то.
Идет-то дурень
Домой-то, плачет,
Голосом воет,
Матери расскажет,
Мать – его бранити,
Жена – журити,
Сестра та – также:
«Ты глупый дурень,
Неразумный бабин!
То ж бы ты слово
Не так же бы молвил,—
Ты бы молвил:
“Благослови меня, отче,
Святы игумен!”
А сам бы мимо».
«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Впредь таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
В лесу ходити,

Увидел дурень
Медведя за сосной —
Кочку роет,
Корову коверкат,
Он ему молвил:
«Благослови мя, отче,
Святы игумен,
А от тебя дух дурен».
Схватал его медведь-от,
Зачал драти
И всего ломати,
И смертно коверкать,
И ж... выел,
Едва его, дурня,
Жива оставил.
Пришедчи дурень
Домой-то, плачет,
Голосом воет,
Матери расскажет,
Мать – его бранити,
Жена – пеняти,
Сестра та – также:
«Ты глупый дурень,
Неразумный бабин!
То же бы слово
Не так же бы молвил,—
Ты бы зауськал,
Ты бы загайкал,
Ты бы заулюкал».

«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Таков не буду».
Пошел же дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Будет дурень¹⁹²
В чистом поле,
Встречу дурню
Шишков-полковник.
Он зауськал,
Он загайкал,
Он заулюкал,—
Наехали на дурня Солдаты,
Набежали драгуны,
Стали дурня бити,
Стали колотити,
Тут ему, дурню,
Голову сломили
И под кокору бросили,
Тут ему, дурню,
И смерть случилась.

¹⁹² Будет дурень – здесь в значении: когда оказался.

Птицы

Ди-ди-ди-ди, отчего же зима становилась?
Становилась зима да от морозов.
От зимы становилась весна красна,
От весны становилось лето тепло,
А от лета становилась богатая осень.
Из-за синего Дунайского моря
Налетала малая птица-певица,
Садилася птица-певица
Во зеленой да во садочек,
Ко тому ли ко белому шатрочку.
Налетали малые птицы стадами,
Садилися птички рядами,
И в одну сторону да головами;
И начали птицу пытать:
«Ай же ты малая птица-певица!
И кто у нас за морем больший,
Кто за Дунайским меньший?»
«На море колпик¹⁹³ -от царик,
Белая колпица царица.
На море гуси бояра,
А лебедушки были княгини.
На море рябчик стряпчий,

¹⁹³ Колпик – птица из разряда цапель.

На море жерав¹⁹⁴ перевозчик —
Ножки беленьки тоненьки,
Штаники синеньки узеньки.
По морю ходит и бродит,
Штаничков не омочит,
Кажную птицу перевозит,
Тем свою голову кормит.
На море дятел-от плотник,
Кажное дерево пытается,
С того ради сыт пребывает,
А ластушки были девицы,
Утушки молодицы,
Чаюшки водоплавки,
Гагары были рыболовки,
Много-то рыбы наловили;
Рыба на горы не бывала,
Крестьяны рыбы не едали,
Всё она крестьян разоряет,
С того ради сыта пребывает.
А синочка¹⁹⁵ – она худая,
Часто, милая, она хворает,
Долго она не умирает,
Работы работать не умеет,
Казак¹⁹⁶ нанимать она не смыслит.
А ворона – богатая птица —

¹⁹⁴ Жерав – журавль.

¹⁹⁵ Синочка – синичка.

¹⁹⁶ Казаки – здесь: батраки.

В летнюю пору по суслонам,
А в зимнюю пору по ометам
Всё она крестьян разоряет,
С того ради сыта пребывает.
А воробьи были царские холопы —
Кольё-жердьё подбирают
И загороды подпирают,
Всё они крестьян разоряют,
С того ради сыты пребывают.
А голубь-от на море попик,
А голубушки попадюшки,
А сорока кабацкая женка,
С ножки на ножку ступает,
Черные чеботы топтает,
Высоко чеботы топтает,
Удалых молодцов прельщает.
Петушки – казачки были донские,
Имеют по хозяйке и по две,
По целому да по десятку,
И не так, как на Руси крестьянин,—
Одну-то он женку имеет,
И той нарядить не умеет,
А бить-то ей, бедной, не смеет.
Курица – победная птица,
По улице ходит и бродит,
Кто ведь ей изымает,¹⁹⁷
Всяк яйца у ней пыгает».

¹⁹⁷ Изымать – ловить.

Из монастыря Боголюбова старец Игренище

Из монастыря да из Боголюбова
Идет старец Игренище,
Игренище-Кологренище.
А и ходит он по монастырю,
Просил честныя милостыни,
А чем бы старцу душа спасти,
Душа спасти, душа спасти,
Ее в рай спусти.
Пришел-от старец под окошечко
Человеку к тому богатому,
Просил честную он милостыню,
Просил редечки горькия,
Просил он капусты белыя,
А третьи – свеклы красныя.
А тот удалой господин добре
Сослал редечки горькия,
И той капусты он белыя,
А и той свеклы красныя
А с тою ли девушкой поваренною.
Сошла та девка со двора она
И за те за ворота за широкие,
Посмотрит старец Игренище-Кологренище
Во все четыре он во стороны,

Не увидел старец он, Игренище,
Во всех четырех во сторонушках
Никаких людей не шатаются, не мотаются.
А не рад-то старец Игренище
А и тое ли редечки горькия,
А и той капусты белыя,
А трети – свеклы красныя,
А и рад-то девушке-чернаушке.
Ухватил он девушку-чернаушку,
Ухватил он, посадил в мешок
Со тою-то редькою горькою,
И со той капустой белою,
И со той со свеклой со красною.
Пошел он, старец, по монастырю,
И увидели его ребята десятильниковы,
И бросалися ребята они ко старцу,
Хватали они шилья сапожные,
А и тыкали у старца во шелковый мешок:
Горька редька рыхнула,
Белая капуста крикнула,
Из красной свеклы рассол пошел.
А и тута ребята десятильниковы,
Они тута со старцом заздорили,
А и молится старец Игренище,
А Игренище-Кологренище:
«А и гой вы еси, ребята десятильниковы!
К чему старца меня обидите?
А меня вам обидеть – не корысть получитьь.
Будьте-тко вы ко мне в Боголюбов монастырь,

А и я молодцов вас пожалую:
А и первому дам я пухов колпак,
А и век-то носить да не износить;
А другому дам камчат кафтан,
Он весь-то во тетивочку повыстеган;
А третьему дам сапожки зелен сафьян
Со темя подковами немецкими».
А и тут ему ребята свободу дают.
И ушел он, старец Игренище,
А Игренище-Кологренище,
Во убогие он свои во келейки.
А по утру раненько-ранешенько
Не изробели ребята десятильниковы,
Промежу обедни, заутрени
Пришли они ребята десятильниковы.
Ходят они по монастырю,
А и спрашивают старца Игренища,
Игренища-Кологренища.
А увидел сам старец Игренище,
Он тем-то ребятам поклоняется,
А слово сказал им ласковое:
«Вы-то ребята разумные,
Пойдем-ка ко мне, в келью идите».
Всем рассказал им подробно всё:
А четверть пройдет – другой приди;
А всем рассказал, по часам рассказал,
Монастырски часы были верные.
А который побыстрее их, ребят,
Наперед пошел ко тому старцу ко Игренищу.

Первому дал он пухов колпак:
А брал булаву в полтретья пуда,
Бил молодца по буйной голове —
Вот молодцу пухов колпак,
Век носить да не износить,
Поминать старца Игренища.
И по тем часам монастырским
А и четверть прошла – другой пришел.
А втапору старец Игренище
Другому дает кафтан камчатной:
Взял он плетку шелковую,
Разболлок его, детину, донага,
Полтораста ударов ему в спину вlepил.
А и тех-то часов монастырских,
Верно, та их четверть прошла,
И третей молодец во монастырь пошел
Ко тому старцу ко Игренищу,
Допрошался старца Игренища.
И завидел его старец Игренище,
Игренище-Кологренище,
А скоро удобрил и в келью взял.
Берет он полено березовое,
Дает ему сапожки зелен сафьян:
А и ногу перешиб и другую подломил.
«А вот вы, ребята десятильниковы.
Всех я вас, ребят, пожаловал:
Первому дал пухов колпак,
А и тот ведь за кельей валяется;
А другому наделил я камчат кафтан,

А и тот не ушел из монастыря;
А последнему – сапожки зелен сафьян,
А и век ему носить да не износить».

Чурилья-игуменья и Стафида Давыдовна

Да много было в Киеве божьих церквей,
А больше того почестных монастырей,
А и не было чуднее Благовещения Христова.
А у всякой церкви по два попа,
Кабы по два попа, по два дьякона
И по малому певчему по дьячку,
А у нашего Христова Благовещенья честного
А был у нас-де Иван-пономарь,
А горазд-де Иванушка он к заутрени звонить.
Как бы русая лиса голову клонила,
Пошла-то Чурилья к заутрени.
Будто галицы летят, за ней старицы идут,
По правую руку идут сорок девиц,
Да по левую руку друга сорок,
Позади ее девиц и сметы нет.
Девицы становилися по крылосам,
Честна Чурилья в алтарь пошла.
Запевали тут девицы четью петь,
Запевали тут девицы стихи верхние,
А поют они на крылосах, мешаются,
Не по-старому поют, усмеваются.
Проговорит Чурилья-игуменья:
«А и Федор-дьяк, девий староста!

А скоро походи ты по крылосам,
Ты спроси, что поют девицы, мешаются,
А мешаются девицы, усмежаются».
А и Федор-дьяк стал их спрашивать:
«А и старицы-черницы, души красные девицы!
А что вы поете, сами мешаетесь,
Промежу собой, девицы, усмехаетесь?»
Ответ держут черницы, души красные девицы:
«А и Федор-дьяк, девий староста!
А сором сказать, грех утаить,
А и то поем, девицы, мешаемся,
Промежу собой, девицы, усмехаемся:
У нас нету дьяка-запевальщика,
А и молоды Стафиды Давыдовны,
А Иванушки-пономаря zde же нет».
А сказал он, девий староста,
А сказал Чурилье-игуменья:
«То девицы поют, мешаются,
Промежу собой девицы усмежаются —
Нет у них дьяка-запевальщика,
Стафиды Давыдьевны, пономаря Иванушки».
И сказала Чурилья-игуменья:
«А ты Федор-дьяк, девий староста!
А скоро, ты побегии по монастырю,
Скоро обойди триста келий,
Поищи ты Стафиды Давыдьевны.
Али Стафиды ей мало можетя,¹⁹⁸
Али стоит она перед богом молитя».

¹⁹⁸ Мало можетя – нездоровитя.

А Федор-дьяк заскакал, забежал,
А скоро побежал по монастырю,
А скоро обходил триста келий,
Дошел до Стафидины келейки:
Под окошечком огонек горит,
Огонек горит, караул стоит.
А Федор-дьяк караул скрал,
Караулы скрал, он в келью зашел,
Он двери отворил и в келью зашел:
«А и гой еси ты, Стафида Давыдьевна,
А и царская ты богомольщица,
А и ты же княженецка племянница!
Не твое-то дело тонцы водить,¹⁹⁹
А твое бо дело богу молитися,
К заутрени идти».
Бросалася Стафида Давыдьевна,
Наливала стакан винца-водки добрыя,
И другой – медку сладкого,
И пали ему, старосте, во резвы ноги:
«Выпей стакан зелена вина,
Другой – меду сладкого
И скажи Чурилье-игуменье,
Что мало Стафиде можется,
Едва душа в теле полуднует».
А и тот-то Федор, девий староста,
Он скоро пошел ко заутрени
И сказал Чурилье-игуменье,
Что той-де старицы Стафиды Давыдьевны

¹⁹⁹ Тонцы водить – заниматься играми, забавляться.

Мало можется, едва ее душа полуднует.
А и та-то Чурилья-игуменья,
Отпевши заутрени,
Скоро поезжала по монастырю,
Испроехала триста келий
И доехала ко Стафиды кельице,
И взяла с собою питья добрые,
И стала ее лечить-поить.

Гость Терентище

В стольном Нове-городе,
Было в улице во Юрьевской,
В слободе было Терентьевской,
А и жил-был богатый гость,
А по имени Терентище.
У него двор на целой версте,
А кругом двора железный тын,
На тынинке по маковке,
А и есть по земчужинке;
Ворота были вальящатые,
Вереи хрустальные,
Подворотина – рыбий зуб.
Среди двора гридня стоит,
Покрыта седых бобров,
Потолок черных соболей,
А и матица таволженая,
Была печка муравленая,
Середа была кирпичная,
А на середи кроватка стоит,
Да кровать слоновых костей,
На кровати перина лежит,
На перине зголовье лежит,
На зголовье молодая жена
Авдотья Ивановна.
Она с вечера трудна-больна,

Со полуночи недужна вся:
Расходился недуг в голове,
Разыгрался утин в хребте,
Пустился недуг к сердцу,
А пониже ее пупечка,
Да повыше коленечка,
Межу ног, килди-милди.
Говорила молодая жена
Авдотья Ивановна:
«А и гой еси, богатый гость,
И по имени Терентище!
Возьми мои золотые ключи,
Отмыкай окован сундук,
Вынимай денег сто рублей,
Ты поди дохтуров добывай,
Волхи²⁰⁰ -то спрашивати».
А втапоры Терентище
Он жены своей слушался —
И жену-то во любви держал.
Он взял золоты ее ключи
Отмыкал окован сундук,
Вынимал денег сто рублей
И пошел дохтуров добывать.
Он будет, Терентище,
У честна креста Здвиженья,
У жива моста калинова,
Встречу Терентищу
Веселые скоморохи.

²⁰⁰ Волхи – здесь: знахари.

Скоморохи – люди вежливые,
Скоморохи очес(т)ливые,
Об ручку Терентью челом:
«Ты здравствую, богатый гость,
И по имени Терентище!
Доселева те слыхом не слыхать,
И доселева видом не видать,
А и ноне ты, Терентище,
А и бродишь по чисту полю,
Что корова заблудящая,
Что ворона залетящая».
А и на то-то он не сердится,
Говорит им Терентище:
«Ай вы гой еси, скоморохи-молодцы!
Что не сам я, Терентий, зашел,
И не конь-то богатого завез,
Завела нужда-бедность...
У мене есть молодая жена
Авдотья Ивановна.
Она с вечера трудна-больна,
Со полуночи недужна вся:
Расходился недуг в голове,
Разыгрался утин в хребте;
Пустился недуг к сердцу,
Пониже ее пупечка,
Что повыше коленечка,
Межу ног, килди-милди.
А кто бы-де недугам пособил,
Кто недуги бы прочь отгонял

От моей молодой жены,
От Авдотьи Ивановны,
Тому дам денег сто рублей
Без единыя денежки».
Веселые молодцы догадались,
Друг на друга оглянулись,
А сами усмехнулись:
«Ай ты гой еси, Терентище,
Ты нам что за труды заплатишь?»
«Вот вам даю сто рублей».
Повели его, Терентища,
По славному Нову-городу,
Завели его, Терентища,
Во тот во темный ряд,
А купили шелковый мех,
Дали два гроша мешок;
Пошли они во червлёный ряд,
Да купили червлёный вяз,
А и дубину ременчатую —
Половина свинцу налита,
Дали за нее десять алтын.
Посадили Терентища
Во тот шелковый мех,
Мехоноша за плеча взял.
Пошли они, скоморохи,
Ко Терентьеву ко двору.
Молода жена опасливая
В окошечко выглянула:
«Ай вы гой еси, веселые молодцы!

Вы к чему на двор идете,
Что хозяйина в доме нет».

Говорят веселые молодцы:
«А и гой еси, молодая жена
Авдотья Ивановна!

А и мы тебе челобитье несем
От гостя богатого,
И по имени Терентища».

И она спохватилася за то:
«Ай вы гой еси, веселые молодцы!

Где его видели,
А где про его слышали?»

Отвечают веселые молодцы:

«Мы его слышали,
Сами доподлинно видели
У честна креста Здвиженья,
У жива моста калинова,
Голова по себе его лежит,
И вороны в клюют».

Говорила молодая жена
Авдотья Ивановна:

«Веселые скоморохи!
Вы подите во светлую гридню,
Садитесь на лавочки
Поиграйте во гусельцы
И пропойте-ка песенку
Про гостя богатого,
Про старого сына,
И по имени Терентища,—

Во дому бы его век не видать».

Веселые скоморохи

Садилися на лавочки,

Заиграли во гусельцы,

Запели они песенку:

«Слушай, шелковый мех

Мехоноша за плечами,

А слушай, Терентий-гость,

Что про тебя говорят,

Говорит молодая жена

Авдотья Ивановна

Про стара мужа Терентища,

Про старого сына —

Во дому бы тебе век не видать.

Шевелись, шелковый мех

Мехоноша за плечами,

Вставай-ка, Терентище,

Лечить молодую жену,

Бери червлёный вяз,

Ты дубину ременчатую,

Походи-ка, Терентище,

По своей светлой гридне

И по середи кирпичатой

Ко занавесу белому,

Ко кровати слоновых костей,

Ко перине ко пуховья,

А лечи-ка ты, Терентище,

А лечи-ка ты молодую жену

Авдотью Ивановну».

Вставал же Терентище,
Ухватил червлёный вяз,
А дубину ременчатую,—
Половина свинцу налита,
Походил он, Терентище,
По своей светлой грядне
За занавесу белую,
Ко кровати слоновых костей,
Он стал молодую жену лечить,
Авдотью Ивановну:
Шлык с головы у нее сшиб.
Посмотрит Терентище
На кровать слоновых костей,
На перину на пуховую,—
А недуг-от пошевеливается
Под одеялом соболиным.
Он-то, Терентище,
Недуга-то вон погнал
Что дубиною ременчатую,
А недуг-от непутем
В окошко скочил,
Чуть головы не сломил,
На карачках ползает,
Едва от окна отполз.
Он оставил, недужище,
Кафтан хрущатой камки,
Камзол баберековьи,
А и денег пятьсот рублей.
Втапоры Терентище

Дал еще веселым
Другое сто рублей
За правду великую.

Хмель себя выхваляет

Как во городе было во Казани,
Среди было торгу на базаре,
Хмелюшка по выходам гуляет,
Еще сам себя хмель выхваляет:
«Уж как нет меня, хмелюшки, лучше,
Хмелевой моей головки веселее.
Еще царь-государь меня знает,
Князья и бояре почитают,
Священники-попы благословляют;
Еще свадьбы без хмеля не играют,
И крестины без хмеля не бывают.
Еще где подерутся, побранятся,
Еще тут без хмеля не мирятся.
Один лих на меня мужик-крестьянин —
Он частешенько в зеленый сад гуляет,
Он глубокие борозды копает,
Глубоко меня, хмелину, зарывает,
В ретиво сердце тычиночки втыкает,
Застилает мои глазоньки соломкой.
Уж как тут-то я, хмель, догадался,
По тычинкам вверх подымался,
Я отростил свои ярые шишки.
Но всё лих на меня мужик-крестьянин —
Почастешеньку в зеленый сад гуляет.
Он и стал меня, хмелюшку, снимать

И со малыми ребятами щипати,
В кульё, в рогожи зашивати,
По торгам, по домам развозити.
Меня стали мужики покупати
И со суслицем во котликах топити.
Уж как тут-то я, хмель, догадался,
Я из котлика вон подымался,
Не в одном мужике разыгрался —
Я бросал их о тын головами,
А во скотский помет бородами».

Агафонушка

А и на Дону, Дону, в избе на дому,
На крутых берегах, на печи на дровах
Высока ли высота потолочная,
Глубока глубота подпольная,
А и широко раздолье – перед печью шесток,
Чистое поле – по подлавочью,
А и синее море – в лохани вода.
А у белого города у жорного
А была стрельба веретенная,
А и пушки – мушкеты горшечные,
Знамена поставлены – помельные,
Востры сабли – кокошники,
А и тяжкие палицы – шемшуры,
А и те шемшуры были тюменских баб.
А и билася, дралася свекры со снохой,
Приступаючи ко городу ко жорному,
О том пироге, о яичном мушнике.
А и билися, дралися день до вечера,
Убили они курицу пропащую.
А и на ту-то на драку, великий бой,
Выбежал сильной могуч богатырь,
Молодой Агафонушка Никитин сын.
А и шуба-то на нем была свиных хвостов,
Болезтью опушена, комухой подложена,
Чирьи да вереды – то пуговки,

Сливные коросты – то петельки.
А втапоры старик на полатях лежал,
Силу-то смечал, во штаны;
А старая баба, умом молода,
Села сама песни поет.
А слепые бегут спинаючи²⁰¹ глядят,
Безголовые бегут – они песни поют,
Бездырые бегут –,
Безносые бегут – понюхивают.
Безрукий втапоры клеть покрал,
А нагому безрукий за пазуху наклал,
Безъязыкого того на пытку ведут,
А повешены – слушают,
А и резаный тот в лес убежал.
На ту же на драку, великий бой,
Выбегали тут три могучие богатыри,
А у первого могучего богатыря
Блинами голова испроломана,
А у другого могучего богатыря
Соломой ноги изломаны,
У третьего могучего богатыря
Кишкою брюхо пропороно.
В то же время и в тот же час
На море, братцы, овин горит,
С репою, со печенкою.
А и среди синя моря Хвалынского
Вырастал ли тут крековист дуб.
А на том на сыром дубу крековистом

²⁰¹ Спинаючи – спиной, задом.

А и сивая свинья на дубу гнездо свила,
На дубу гнездо свила и детей она свела,
Сивеньких поросяточек, поросяточек полосатеньких.
По дубу они все разбегаются,
А в воду они глядят – притонуть хотят,
В поле глядят – убежать хотят.
А и по чистому полю корабли бегут,
А и серый волк на корме, стоит,
А красна лисица потакивает:
«Хоть вправо держи, хоть влево, затем куда хошь».
Они на небо глядят – улетети хотят.
Высоко ли там кобыла в шебуре летит,
А и черт ли видал, что медведь летал,
Бурую корову в когтях носил.
В ступе-де курица объягнилася,
Под шестком та корова яйцо снесла,
В осеку овца отелилася.
А и то старина, то и деянье.

Народный театр

Народная драма: «Мнимый барин», «Маврух», «Параша» – из сборника Н. Онучкова «Северные народные драмы»; 1911, «Кедрил-обжора» – из «Записок из Мертвого дома» Ф. Достоевского; «Лодка» – из хрестоматии В. Сиповского, 1908.

Театр Петрушки: «Петрушка». *Народная кукольная комедия* – из книги А. Алферова, А. Грузинского «Допетровская литература и народная поэзия», 1911.

Вертепные представления: «Царь Ирод» – из статьи В. Добровольского в книге «Известия ОРЯС», 1908; «Барыня и доктор» – из книги Е. Романова «Белорусские тексты вертепного действия», 1898.

Раек: приводятся тексты из книги Д. Ровинского «Русские народные картинки», 1881, и статьи А. Гациского в книге «Нижегородка. Путеводитель и указатель по Нижнему Новгороду и Нижегородской ярмарке», 1875.

Медвежья потеха: приводятся тексты из книг Д. Ровинского, С. Максимова, а также лубочной картинки 1866 года, печатанной в литографии А. Аврамова.

Прибаутки ярмарочных зазывал: приводятся тексты, записанные в конце XIX века.

Народная драма

Мнимый барин

Действующие лица:

Барин, в военной форме, с погонами; белая соломенная шляпа, в усах, с тростью, при зонтике.

Барыня, переодетый мужчина из молодых парней: в платье, в чепце. Стараются говорить тонким голосом.

Трактирщик, в рубашке навыпуск, в жилетке, на груди зелёный фартук, на голове картуз.

Лакей, во фраке или сюртуке, на голове фуражка, на руках перчатки.

Староста, старик в сермяге, на голове чёрная шляпа котлом, за плечами сумка, на ногах лапти.

Барин. Мария Ивановна, пойдёмте прогуляться. (*Входят в трактир, обращаются к Трактирщику.*) Трактирщик!

Трактирщик. Что угодно, барин голый?

Барин. Ах, как ты меня присрамил!

Трактирщик. Нет, барин добрый, я вас похвалил!

Барин. Есть ли у вас комнаты, нам с Марьей Ивановной расположиться, чаю-кофею напитокся?

Трактирщик. Есть, даже шпалерами²⁰² обиты-с.

²⁰² Обоями.

Барин. И пообедать будет можно?

Трактирищик. Как же-с, барин, можно-с.

Барин. А что именно будет приготовлено?

Трактирищик. Жаркое-с.

Барин. Именно какое?

Трактирищик. Комар с мухой, таракан с блохой на двенадцать частей разрезаны-с, на двенадцать персон приготовлены-с.

Барин. Мария Ивановна! Какое жаркое чудесное-с! (*К Трактирищику.*) Сколько будет стоить-с?

Трактирищик. Полтора шесть²⁰³ гривен-с!

Барин. Болван, не лучше ли бы тебе сказать: два десять!²⁰⁴
<...>

Трактирищик. Нет, мы не болваны, а живем с людьми на обманы; не таких видали, без шинели домой отпускали; а если вас порядочно угостить, можно без мундира отпустить; у вас в одном кармане вошь на аркане, в другом блоха на цепи!

Барин. Ах, Мария Ивановна! Должно быть, он в наш карман лазил! Не хочу гулять, иду дальше. <...>

Является его Лакей.

Лакей. Что, барин голый?

Барин. Ах, как ты меня присрамил!

Лакей. Нет, барин добрый, я вас похвалил. <...>

²⁰³ Т. е. 90 копеек.

²⁰⁴ Т. е. 20 копеек.

Барин. Афонька малый, поил ли ты моего коня?

Лакей. Как же, барин, поил!

Барин. Почему же у коня верхняя губа суха?

Лакей. Не могла достать.

Барин. А ты бы подрубил.

Лакей. Я и так по колени ноги отрубил!

Барин. Дурак, ты бы корытце подрубил!

Лакей. Я и так все четыре ноги отрубил! <...>

Староста входит, кланяется Барину и говорит.

Староста. Здорово, барин-батушко, сивый жеребец, Михайло Петрович! Я был на Нижегородской ярмарке, видел свиней вашей породы, да вашу барскую шкуру продал, на вашу милость остался хомут очень прочен; ещё привёз вам подарочек: гуся да индюшечку.

Барин. Что ты, дурак, разве бывает свинина барской породы?

Староста. Вашего завода.

Барин. Ах да, моего завода! А разве баре носят хомуты?

Староста. Очень прочен, боярин-батушко!

Барин. Ну, расскажи, староста, откуда ты?

Староста. Из вашей новой деревни.

Барин. Ну, как в деревне мужички поживают?

Староста. Порато дородно²⁰⁵ поживают: с ножки на ножку попрыгивают, у семи дворов один топор.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймёшь!

²⁰⁵ Очень хорошо.

Староста. Каждый крестьянин до семи топоров имеет.

Барин. Ах, как хорошо! А что они топорами делают?

Староста. Занимаются вырубкой лесов.

Барин. Поди много вырубают?

Староста. Порато много, боярин-батюшко.

Барин. Как много?

Староста. А вот как соберутся всей-то деревней в лес, да возьмут верёвку, на вершину навяжут, клонят, клонят... всей деревней и гнут целый день.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймёшь!

Староста. На каждый топор по семи дерев вырубают, боярин-батюшко!

Барин. Ах, как много! А что же они из лесу делают?

Староста. Дома строят.

Барин. Поди-ко большие?

Староста. Порато большие, боярин-батюшко!

Барин. А как большие?

Староста. А собачки бежат, в окошечко глядят.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймёшь!

Староста. Курицы на крышу вылетают, с неба звёзды хватают! Я утром вышел: петух идёт, полмесяца волочёт.

Барин. А какие дома громадные! Поди у них и окна большие?

Староста. Порато большие, боярин-батюшко!

Барин. А как большие?

Староста. А вот как: долотом намечено, а буравчиком

проверчено, твоя маминька, кривая сука, впялит глаза и смотрит.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймёшь!

Староста. Весь свет в одно окно видно!

Барин. А какие окна большие! А у наших крестьян хлебопашество есть?

Староста. Есть, боярин-батюшко.

Барин. Поди-ко много?

Староста. Порато много, боярин-батюшко!

Барин. А как много?

Староста. В ту сторону сажень, да в другую сажень, так кругом-то четыре будет.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймёшь!

Староста. Каждый крестьянин по семи десятин имеет.

Барин. Ах, как много! Поди-ко наши крестьяне на многих лошадях и на пашню выезжают?

Староста. Порато на многих.

Барин. А как на многих?

Староста. Всей деревней на одной сохе и то на козе.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймёшь!

Староста. Каждый крестьянин на паре лошадей выезжает.

Барин. Ах, как много! А рано поди на пашню-то выезжают?

Староста. Порато рано, боярин-батюшко!

Барин. А как рано?

Староста. В полдень поедут, а в обед уж дома.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймёшь!

Староста. С утра до вечера, с восхода до заката работают.

Барин. Ах, хорошо! У наших крестьян и посев большой бывает!

Староста. Порато большой.

Барин. А как большой?

Староста. В полосу зерно, в борозду другое, и посев весь.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймёшь!

Староста. Каждый крестьянин по семь кулей высевает.

Барин. Ах, хорошо! А эдак у них и урожай хороший бывает?

Староста. Порато большой, боярин-батюшко!

Барин. А как велик?

Староста. Колос от колоса – не слышно человеческого голоса.

Барин. Что ты болтаешь?

Староста. Курице пройти нельзя!

Барин. Ах, как хорошо! А эдак и нажин большой бывает?

Староста. Порато большой, боярин-батюшко!

Барин. А как большой?

Староста. Сноп от снопа – столбовая верста, а копна от копны – день езды; тихо едешь – два проедешь.

Барин. Что ты болтаешь, ничего не поймёшь!

Староста. На каждой десятина по сто копён становится.

Барин. Ах, как хорошо! Эдак и копны у них большие?

Староста. Порато большие, боярин-батюшко!

Барин. А как большие?

Староста. Курица перешагнет.

Барин. Как, как?

Староста. Палкой не перекинешь!

Барин. Ах, как хорошо! А эдак и примолот у них большой бывает?

Староста. Порато большой.

Барин. А как большой?

Староста. Начнут молотить, так и зерно не летит.

Барин. Как, как?

Староста. С каждого овина по семи кулей вымолачивают. <...>

Барин. А был ли ты, староста, на моей новой мызе?

Староста. Как же, барин, был...

Барин. Всё там благополучно?

Староста. Всё благополучно, боярин-батюшко; да вот тётка Марфунька за лапоть писульку заткнула.

Барин. Подай-ко её сюда!

Староста. Сейчас, боярин-барин.

Барин. Только не изорви!

Староста. Не изорву, только изомну. (*Тацитписьмоизлаптя.*) <...> На-ко, барин, прочти.

Барин (*берёт записку и говорит*). Как у вас написано-то, по азам?

Староста. Не разобрать твоим чертовским глазам!

Барин (читает). Как же ты сказал: всё благополучно? Во-первых, мой перочинный ножик сломался!

Староста. Сломали, боярин-батюшко, сломали, прогневали бога, сломали!

Барин. Ну, расскажи, как его сломали?

Староста. Вот я расскажу, как его сломали! Как твой сиво-пегий жеребец помер, мы с него шкуру сдирали, кругом хвостика резанули, а ножик был стальной да и хрупнул.

Барин. Как, разве мой сиво-пегий жеребец поколел?

Староста. Помер, боярин-батюшко!

Барин. Поколел же?

Староста. Помер.

Барин. Ну, расскажи, отчего поколел?

Староста. Расскажу, отчего помер! Как твоя маменька, кривая сука, поколела, её на кладбище повезли, а он был сердечком-то ретив, себе ножку сломал, тут и помер.

Барин. Как, разве моя маменька померла?

Староста. Поколела...

Барин. Померла же?

Староста. Поколела!

Барин. Видите, Марья Ивановна, лошади помирают, а люди поколевают! Ну, расскажи, отчего моя маменька померла?

Староста. Расскажу, отчего поколела... Как твой-то трёхэтажный домик загорелся, твоя-то маменька сердечком

была ретива и с крылечка соскочила, себе ногу сломила, тут и поколела.

Барин. Как, разве мой трёхэтажный дом сгорел?

Староста. Давным-давно! <...>

Барин. А ты на пожаре-то был?

Староста. Как же, боярин-батюшко, был. Три раза кругом обежал, таких три кирпича красных вытащил!

Барин. Неужели от пожара ничего не осталось?

Староста. Нет, осталось много...

Барин. А что такое?

Староста. А чем чай-то пьют!

Барин. Что такое, чай, что ли?

Староста. Нет, крупнее.

Барин. Так сахар, что ли?

Староста. Нет, чернее.

Барин. Так уголья, что ли?

Староста. Вот, вот – уголья. <...>

Барин. Где ты по сие время шлялся?

Староста. Я на вашей красной шляпочке катался.

Барин. Видите ли: у барина петля на шее, а он на красной шляпочке катался.

Староста. Если бы была у вас, барин, петля на шее, я взял бы, тримбабули-бом, да и задавил бы!

Кедрил-обжора

<...> Затем следовала вторая пьеса, драматическая – «Кедрил-обжора». Название меня очень заинтересовало; но как я ни расспрашивал об этой пьесе, ничего не мог узнать предварительно. Узнал только, что взята она не из книги, а «по списку»; что пьесу достали у какого-то отставного унтер-офицера в форштадте,²⁰⁶ который, верно, сам когда-нибудь участвовал в представлении ее на какой-нибудь солдатской сцене.

У нас, в отдалённых городах и губерниях, действительно есть такие театральные пьесы, которые, казалось бы, никому не известны, может быть, нигде никогда не напечатаны, но которые сами собою откуда-то явились и составляют необходимую принадлежность всякого народного театра в известной полосе России.

Кстати: я сказал «народного театра». Очень бы и очень хорошо было, если б кто из наших изыскателей занялся новыми и более тщательными, чем доселе, исследованиями о народном театре, который есть, существует и даже, может быть, не совсем ничтожный. Я верить не хочу, чтоб всё, что я потом видел у нас, в нашем острожном театре, было выдуманно нашими же арестантами. Тут необходима преемственность предания, раз установленные приёмы и понятия, пе-

²⁰⁶ В предместье города.

реходящие из рода в род и по старой памяти. Искать их надо у солдат, у фабричных, в фабричных городах, и даже по некоторым незнакомым бедным городкам у мещан. Сохранились тоже они по деревням и по губернским городам между дворовыми больших помещичьих домов. Я даже думаю, что многие старинные пьесы расплодились в списках по России не иначе как через помещицкую дворню. У прежних старинных помещиков и московских бар бывали собственные театры, составленные из крепостных артистов. И вот в этих-то театрах и получилось начало нашего народного драматического искусства, которого признаки несомненны.

Что же касается до «Кедрила-обжоры», то, как ни желалось мне, я ничего не мог узнать о нём предварительно, кроме того, что на сцене появляются злые духи и уносят Кедрила в ад. Но что такое значит Кедрил и, наконец, почему Кедрил, а не Кирилл? Русское ли это или иностранное происшествие? – этого я никак не мог добиться. <...>

Проиграли ещё раз увертюру «Сени, мои сени», и вновь поднялась занавесь. Это Кедрил. Кедрил что-то вроде Дон Жуана; по крайней мере, и барина и слугу черти под конец пьесы уносят в ад. Давался целый акт, но это, видно, отрывок; начало и конец затеряны. Толку и смыслу нет ни малейшего. Действие происходит в России, где-то на постоялом дворе. Трактирщик вводит в комнату барина в шинели и в круглой исковерканной шляпе. За ним идёт его слуга Кедрил с чемоданом и с завёрнутой в синюю бумагу курицей.

Кедрил в полушубке и в лакейском картузе. Он-то и есть обжора. Играет его арестант Поцейкин, соперник Баклушина; барина играет тот же Иванов, что играл в первой пьесе благодетельную помещицу. Трактирщик, Нецветаев, предвещает, что в комнате водятся черти, и скрывается. Барин мрачный и озабоченный бормочет про себя, что он это давно знал, и велит Кедрилу разложить вещи и приготовить ужин. Кедрил трус и обжора. Услышав о чертях, он бледнеет и дрожит как лист. Он бы убежал, но трусит барина. Да сверх того ему и есть хочется. Он сластолюбив, глуп, хитёр по-своему, трус, надувает барина на каждом шагу и в то же время боится его. Это замечательный тип слуги, в котором как-то неясно и отдалённо сказываются черты Лепорелло, и действительно замечательно переданный. Поцейкин с решительным талантом и, на мой взгляд, актер еще лучше Баклушина. Я, разумеется, встречу на другой день с Баклушиным, не высказал ему своего мнения вполне; я бы слишком огорчил его. Арестант, игравший барина, сыграл тоже недурно. Вздор он нёс ужаснейший, ни на что не похожий; но дикция была правильная, бойкая, жест соответственный. Покамест Кедрил возится с чемоданами, барин ходит в раздумьи по сцене и объявляет во всеуслышание, что в нынешний вечер конец его странствованиям. Кедрил любопытно прислушивается, гримасничает, говорит *a parte*²⁰⁷ и смешит с каждым словом

²⁰⁷ В сторону, про себя (авторская ремарка, указывающая на то, что актер проносит данные слова как бы про себя) (итал.).

зрителей. Ему не жаль барина; но он слышал о чертях; ему хочется узнать, что это такое, и вот он вступает в разговоры и в расспросы. Барин, наконец, объявляет ему, что когда-то в какой-то беде он обратился к помощи ада, и черти помогли ему, выручили; но что сегодня срок и, может быть, сегодня же они придут, по условию, за душой его. Кедрил начинает шибко трусить. Но барин не теряет духа и велит ему приготовить ужин. Услыша про ужин, Кедрил оживляется, вынимает курицу, вынимает вино, и нет-нет, а сам отщипнёт от курицы и отведаёт. Публика хохочет. Вот скрипнула дверь, ветер стучит ставнями, Кедрил дрожит и наскоро, почти бессознательно упрятав в рот огромный кусок курицы, который и проглотить не может. Опять хохот. – Готово ли? – кричит барин, расхаживая по комнате. – Сейчас, сударь, я вам приготовлю, – говорит Кедрил, сам садится за стол и преспокойно начинает уплетать барское кушанье. Публике, видимо, любо проворство и хитрость слуги и то, что барин в дураках. Надо признаться, что и Поцейкин стоил действительно похвалы. Слова: «сейчас, сударь, я вам приготовлю», он выговорил превосходно. Сев за стол, он начинает есть с жадностью и вздрагивает с каждым шагом барина, чтоб тот не заметил его проделок; чуть тот повернётся на месте, он прячется под стол и тащит с собой курицу. Наконец он утоляет свой первый голод; пора подумать о барине. – Кедрил, скоро ли ты? – кричит барин – Готово-с! – бойко отвечает Кедрил, спохватившись, что барину почти ничего не остаёт-

ся. На тарелке действительно лежит куриная ножка. Барин, мрачный и озабоченный, ничего не замечая, садится за стол, а Кедрил с салфеткой становится за его стулом. Каждое слово, каждый жест, каждая гримаса Кедрила, когда он, оборачиваясь к публике, кивает на простофилю барина, встречаются с неудержимым хохотом зрителей. Но вот, только что барин принимается есть, появляются черти. Тут уж ничего понять нельзя, да и черти появляются как-то уж слишком не по-людски: в боковой кулисе отворяется дверь и является что-то в белом, а вместо головы у него фонарь со свечой; другой фантом²⁰⁸ тоже с фонарём на голове, в руках держит косу. Почему фонари, почему коса, почему черти в белом? Никто не может объяснить себе. Впрочем, об этом никто не задумывается. Так уж верно тому и быть должно. Барин довольно храбро оборачивается к чертям и кричит им, что он готов, чтоб они брали его. Но Кедрил трусит, как заяц; он лезет под стол, но, несмотря на свой испуг, не забывает захватить со стола бутылку. Черти на минуту скрываются; Кедрил вылезает из-за стола; но только что барин принимается опять за курицу, как три чёрта снова врываются в комнату, подхватывают барина сзади и несут его в преисподнюю. – Кедрил! Спасай меня! – кричит барин. Но Кедрилу не до того. Он в этот раз и бутылку, и тарелку, и даже хлеб стащил под стол. Но вот он теперь один, чертей нет, барина тоже. Кедрил вылезает, осматривается, и улыбка озаряет лицо его.

²⁰⁸ Призрак, привидение.

Он плутовски прищуривается, садится на барское место и, кивая публике, говорит полушёпотом:

– Ну, я теперь один... без барина!..

Все хохочут тому, что он без барина; но вот он ещё прибавляет полушёпотом, конфиденциально обращаясь к публике и всё веселее и веселее подмигивая глазком:

– Барина-то черти взяли!..

Восторг зрителей беспредельный! Кроме того, что барина черти взяли, эго было так высказано, с таким плутовством, с такой насмешливо-торжествующей гримасой, что действительно невозможно не аплодировать. Но не долго продолжается счастье Кедрила. Только было он распорядился бутылкой, налил себе в стакан и хотел пить, как вдруг возвращаются черти, крадутся сзади на цыпочках и цап-царап его под бока. Кедрил кричит во всё горло; от трусости он не смеет оборотиться. Защищаться тоже не может: в руках бутылка и стакан, с которыми он не в силах расстаться. Разинув рот от ужаса, он с полминуты сидит выпуча глаза на публику, с таким уморительным выражением трусливого испуга, что решительно с него можно было бы писать картину. Наконец его несут, уносят; бутылка с ним, он болтает ногами и кричит, кричит. Крики его раздаются ещё за кулисами. Но занавес опускается и все хохочут, все в восторге... Оркестр начинает камаринскую.

Лодка

Действующие лица:

Атаман, грозного вида, в красной рубашке, черной поддевке, черной шляпе, с ружьем и саблей, с пистолетами за поясом; поддевка и шляпа богато украшены золотой бумагой

Есаул, одет почти так же, как и Атаман; украшения из серебряной бумаги

Разбойники, одеты в красные рубахи, на головах меховые шапки со значками из разноцветной бумаги, за поясом различное оружие.

Неизвестный (он же *Безобразов*), одет в солдатский мундир, с ружьем в руках и кинжалом за поясом.

Богатый помещик, пожилой, иногда седой, в туфлях, пиджаке или халате, на голове котелок, в руках трубка с длинным чубуком.

Действие происходит на широком раздолье матушки-Волги, на легкой лодке, последняя сцена на берегу, в доме Богатого помещика. Ни декораций, ни кулис, ни суфлера, ни вообще каких-либо сценических приспособлений не полагается.

Все участвующие в представлении входят в определенную заранее избу с пением какой-либо песни. Чаще всего исполняется следующая:

Ты позволь, позволь, хозяин,
В нову горенку войти!
Припев: Ой калина, ой малина!
Черная смородина!
Черная смородина!
В нову горенку войти,
Вдоль по горенке пройти,
Вдоль по горенке пройти,
Слово вымолвити!
У тебя в дому, хозяин,
Нет ли лишнего бревна?
Если лишнее бревно,
Давай вырубим его!

По окончании песни выступает вперед Есаул и, обращаясь к хозяину, говорит: «Не угодно ли вам, хозяин, представленье посмотреть?» Хозяин обычно отвечает: «Милости просим!», «Добро пожаловать!» или что-нибудь в этом роде.

Все участники представления выходят на середину избы и образуют круг, в середине которого становятся друг против друга Атаман и Есаул.

Сцена 1

Атаман

(Топает ногой и кричит грозно.)

Есаул!

Есаул (Точно так же топает ногою и кричит в ответ.)

Атаман!

Атаман

Подходи ко мне скорей,

Говори со мной смелей

Не подойдешь скоро,

Не выговоришь смело —

Велю тебе вкатить сто,²⁰⁹

Пропадет твоя есаульская служба ни за что!

Есаул

Вот я перед тобой,

Как лист перед травой!

Что прикажешь, Атаман?

Атаман

Что-то скучно... Спойте мне любимую мою песню.

Есаул

Слушаю, Атаман!

Запевает песню, хор подхватывает.

Начало каждой строки запекает *Есаул*.

Ах, вы, горы мои, горы.

Горы Воробьевские!

Ничего-то вы, ах да горы,

Не спородили,

Спородили вы только, горы,

Бел-горюч камень!

²⁰⁹ Прикажу дать тебе сто ударов плетью.

Из-под камешка бежит
Быстра реченька... и т. д.

Атаман во время пения песни в глубокой задумчивости ходит взад и вперед со скрещенными на груди руками. По окончании песни останавливается, топает ногами и кричит.

Атаман

Есаул!

Подходи ко мне скорей,

Говори со мной смелей!

Не подойдешь скоро,

Не выговоришь смело —

Велю тебе вкатить сто,

Пропадет твоя есаульская служба ни за что!

Есаул

Что прикажешь, могучий Атаман?

Атаман

Будет нам здесь болтаться,²¹⁰

Поедем вниз по матушке по Волге разгуляться

Мигоментально²¹¹ построй мне легкую лодку!

Есаул

Готова, Атаман:

Гребцы по местам,

Весла по бортам!

Всё в полной исправности.

²¹⁰ Нечего нам здесь делать.

²¹¹ В один миг, моментально.

В это время все разбойники садятся на пол, образуя между собою пустое пространство (лодку), в котором расхаживают Атаман и Есаул.

Атаман

(Обращаясь к Есаулу.)

Молодец! Скоро сделал!

(Обращаясь к гребцам.)

Молись, ребята, Богу! Отчаливай!

Гребцы снимают шапки и крестятся, затем начинают раскачиваться взад и вперед, хлопая рукой об руку (изображается плеск воды от весел).

Атаман

Есаул! Спой любимую мою песню!

Есаул

(Вместе со всеми разбойниками поет.)

Вниз по матушке по Волге...

Атаман

(Перебивая песню.)

Есаул!

Подходи ко мне скорей,

Говори со мной смелей!

Не подойдешь скоро,

Не выговоришь смело —

Велю тебе вкатить сто,

Пропадет твоя есаульская служба ни за что!

Есаул

Что прикажешь, могучий Атаман?

Атаман

Возьми подозрительную²¹² трубку,

Поди на атаманскую рубку,

Смотри во все стороны:

Нет ли где пеньев, кореньев, мелких мест?

Чтобы нашей лодке на мель не сесть!

Есаул берет картонную трубку и осматривает кругом.

Атаман

(Кричит.)

Смотри верней, сказывай скорей!

Есаул

Смотрю, гляжу и вижу!

Атаман

Сказывай, что видишь?

Есаул

Вижу: на воде колода!

Атаман

(Как бы не расслышав.)

Какой там чёрт-воевода!

Будь их там сто или двести —

Всех их положим²¹³ вместе!

Я их знаю и не боюсь,

А если разгорюсь,

²¹² Играслов – подзорную.

²¹³ Убьем.

Еще ближе к ним подберусь!

Есаул-молодец!

Возьми мою подозрительную трубку,

Поди на атаманскую рубку,

Посмотри на все четыре стороны

Нет ли где пеньев, кореньев, мелких мест?

Чтобы нашей лодке на мель не сесть!

Гляди верней, сказывай скорей!

Есаул снова начинает оглядывать окрестности. В это время издали слышно пение песни:

Среди лесов дремучих

Разбойничий идут...

Атаман

(Сердито топает и кричит.)

Кто это в моих заповедных лесах гуляет

И так громко песни распевает?

Взять и привести сюда немедленно!

Есаул

(Выскакивает из лодки, но сейчас же возвращается.)

Дерзкий пришелец в ваших заповедных лесах гуляет

И дерзкие песни распевает,

А взять его нельзя:

Грозится убить из ружья!

Атаман

Ты не есаул, а баба,

У тебя кишки слабы!

Сколько хочешь казаков возьми,

А дерзкого пришельца приведи!

Есаул берет несколько человек и вместе с ними выскакивает из лодки.

Сцена 2

Есаул с разбойниками возвращаются и приводят с собою связанного Незнакомца.

Атаман

(Грозно.)

Кто ты есть таков?

Незнакомец

Фельдфебель Иван Пятаков!

Атаман

Как ты смеешь в моих заповедных лесах гулять

И дерзкие песни распевать?

Незнакомец

Я знать никого не знаю,

Где хочу, там и гуляю

И дерзкие песни распеваю!

Атаман

Расскажи нам, чьего ты роду-племени?

Незнакомец

Роду-племени своего я не знаю,

А по воле недавно гуляю...

Нас было двое – брат и я.
Вскормила, вспоила чужая семья;
Житьё было не в сладость,
И взяла нас зависть;
Наскучила горькая доля,
Захотелось погулять по воле;
Взяли мы с братом острый нож
И пустились на промысел опасный:
Взойдет ли месяц среди небес,
Мы из подполья – в темный лес,
Притаимся и сидим
И на дорогу все глядим:
Кто ни идет по дороге —
Всех бьем.
Всё себе берем!
А не то в полночь глухую
Заложим тройку удалую,
К харчевне подъезжаем,
Всё даром пьем и поедаем...
Но недолго молодцы гуляли,
Нас скоро поймали,
И вместе с братом кузнецы сковали,
И стражи отвели в острог,
Я там жил, а брат не мог:
Он скоро захворал
И меня не узнавал,

А всё за какого-то старика признавал;

Брат скоро умер, я его зарыл,

А часового убил,

Сам побежал в дремучий лес,

Под покров небес;

По чащам и трущобам скитался

И к вам попался;

Если хочешь, буду служить вам,

Никому спуску не дам!

Атаман

(Обращаясь к Есаулу.)

Запиши его! Это будет у нас первый воин.

Есаул

Слушаю, могучий Атаман!

(Обращаясь к Незнакомцу.)

Как тебя зовут?

Незнакомец

Пиши – Безобразов!

Атаман снова приказывает Есаулу взять подзорную трубу и посмотреть нет ли какой-нибудь опасности.

Есаул

(Заявляет.)

На море чернедь²¹⁴

Атаман

(Как бы не расслышав.)

²¹⁴ Чернота.

Что за черти
Это – в горах черви,
В воде – черти,
В лесу – сучки,
В городах – судейские крючки,
Хотят нас изловить
Да по острогам рассадить,
Только я их не боюсь,
А сам поближе к ним подберусь!
Смотри верней,
Сказывай скорей,
А не то велю тебе вкатить разиков сто —
Пропадет твоя есаульская служба ни за что!

Есаул

(Посмотрев снова в трубу.)

Смотрю, гляжу и вижу!

Атаман

А что ты видишь?

Есаул

Вижу на берегу большое село!

Атаман

Вот давно бы так, а то у нас давно брюхо подвело!

(Обращаясь к гребцам.)

Приворачивай, ребята!

Все разбойники

(Хором подхватывают и весело поют песню.)

Приворачивай, ребята,

Ко крутому бережочку и т. д. до конца.

Лодка пристаёт к берегу. Атаман приказывает Есаулу узнать, кто в этом селе живет.

Есаул

(Кричит, обращаясь к публике.)

Эй, полупочтенные, кто в этом селе живет?

Кто-нибудь отвечает из публики: «Богатый помещик!»

Атаман

(Посылает Есаула к Богатому помещику узнать.)

Рад ли он нам,

Дорогим гостям?

Сцена 3

Есаул

(Выходит из лодки, подойдя к одному из участников представления, спрашивает.)

Дома ли хозяин? Кто здесь живет?

Помещик

Богатый помещик.

Есаул

Тебя-то нам и надо!

Рад ли ты нам,

Дорогим гостям!

Помещик

Рад!

Есаул

А как рад?

Помещик

Как чертям!

Есаул

Как-как? Повтори!

Помещик

(Дрожащим голосом.)

Как милым друзьям.

Есаул

Ну то-то же!

Есаул возвращается назад и докладывает обо всем Атаману. Атаман велит разбойникам идти в гости к Богатому помещику. Шайка подымается и несколько раз обходит вокруг избы с пением «залихватской» песни: «Эй усы! Вот усы! Атаманские усы!» Кончивши песню, шайка подходит к Богатому помещику. Атаманом и Помещиком повторяется почти буквально диалог с Есаулом.

Атаман

Деньги есть?

Помещик

Нет!

Атаман

Врёшь, есть?

Помещик

Тебе говорю – нет!

Атаман

(Обращаясь к шайке, кричит.)

Эй, молодцы, жги, пали Богатого помещика!

Происходит свалка, и представление кончается.

Маврух

Действующие лица:

Маврух, в белой рубахе и подштанниках, на голове белый же куколь, как у савана, лицо закрыто, на ногах бахилы. Маврух лежит на скамье, которую носят четыре офицера.

Офицеры, четыре, в черных пиджачках, на плечах соломенные эполеты, сбоку на поясах сабли, на головах шапки или шляпы с ленточками и фигурками.

Панья, парень, одетый в женское платье, на голове косынка.

Пан, в долгом армяке черного цвета, в черной шляпе.

Поп, в ризе из портяного полога, на голове шляпа, в руках деревянный крест из палок, книга «для привилегия» и кадило – горшочек на веревке, а в нем куриный помет.

Дьяк, в кафтане и шляпе, в руках книга.

Офицеры вносят Мавруха на скамье в избу и ставят по ее середине, головой вдоль избы.

Поп (начинает ходить кругом покойника, кадит и говорит протяжным голосом нараспев, подражая службе свя-

щенника).

Чудак покойник,
Умер во вторник,
Пришли хоронить —
Он из окошка глядит.

Все (участвующие в комедии поют).

Маврух в поход уехал.
Миротон-тон-тон, Миротень.
Маврух в походе умер.
Миротон-тон-тон, Миротень.
Оттуда едет в черном платье пан.
Миротон-тон-тон-Миротень.
– Пан ты, пан, любезный,
Какую весть везешь?
– Сударыня, заплачешь,
Услыша весть мою:
Маврух в походе умер,
Он умер из земли.
Четыре офицера покойника несут
И поют, поют, поют:
Вечная ему память!

Поп. Государь мой батюшко, Сидор Карпович,
Много ли тебе веку?
Маврух. Семдесят.

Поп (поет на церковный лад)

Семдесять, бабушка, семдесять.
Семдесять, Пахомовна, семдесять.

(Спрашивает у Мавруха.)

Государь мой батюшко,
Много ли у тебя осталось деток?

Маврух. Семеро, бабушка, семеро,
Семеро, Пахомовна, семеро.

Поп. Чем ты их будешь кормить?

Маврух. По миру, бабушка, по миру,
По миру, Пахомовна, по миру.

Поп и все (повторяют эту же фразу пением и дальше).

По миру, бабушка, по миру,
По миру, Пахомовна, по миру.

Поп (читает протяжно, по-церковному).

На море на окияне,
На острове на Буяне,
Около столба точеного,
Веретена золоченого
Стоял бык точеной,²¹⁵
В ж... чеснок толченой.

²¹⁵ Должно быть: печеный.

Наши ребятки узнали,
К этому бычку похаживали,
Этот чеснок помакивали,
Кушанье похваливали:
– Ах, како кушанье,
Хвацко, бурлацко,
Само лободыцко!
Есть хорошо,
Да ходить с. . . далеко:
За двадцать пять верст,
Ближе места не приберешь.

Дьяк (поет).

...Тереха, брюшина поп.

Поп (читает по книге, на церковный лад).

Муж поутру встает,
Глаза помочил,
У жены есть попросил,
А жена мужу отвечает:
– Эка ненаедная скотина!
На работу не спешишь,
Только бьешься об еды.—
Муж жены отвечает:
– Хороша жена поутру встает,
Благословясь, печку затопляет,
А худа жена встает,

С бранью печку затопляет,
С бранью горшки наливает.
Хороша метла подпашет,
А худа метла по сторонам размашет.

Дьяк (поет).

...Тереха, брюшина поп.

Поп (читает).

Туча, молнии над нами
С дождями.
Матку подломило,
Руль оборвало,
Коршика нет.
Капитан сидит в каюте,
Лоцмана сидят на баре,
Плачут, рыдают,
Смерти ожидают:
– Ходили вместе,
Погибнем вдруг.

Параша

Действующие лица:

Степан, извозчик.

Василий, извозчик.

Семен Иванович, староста, с бляхой.

Параша, его дочь.

Иван Петрович, смотритель почтовой станции, в долгом халате.

Проезжающий купец, одет в сибирке.

Входят Степан и Василий, извозчики, и поют песню.

Экой Ванька, разудалая голова,
Сколь удалая головушка твоя,
Сколь далече уезжает от меня,
На кого же спокидаешь, друг, меня.

Входит Параша.

Параша. Здравствуйте!

Степан уходит, остается один Василий Петрович, подходит к Параше, обнимает ее и говорит.

Василий. Прасковья Семеновна! Любите ли вы меня? Если вы меня не любите, пойду распрощусь с белым светом. Верно, судьба моя такая! (*Уходит.*)

Параша. Василий, не ходи, Василий, воротись!

Василий Петрович. Прасковья Семеновна, любите ли вы меня? Если вы любите меня, подойдите и подайте мне правую руку.

Параша подходит и подает руку, а в это время выходит староста Семен, выпивши, и поет.

Староста.

Вдоль по улице метелица метет,
По метелице мой миленький идет.
Ах, вы тут!

Параша и Василий рассказываются в стороны.

А, что староста! Я староста Семен Иванович. Семена Ивановича старосту знают все. Я хотя и лыком шит, но все-таки чиновный человек, по крайней мере, староста. Пойду, схожу к Ивану Петровичу, он меня попотчует. (*Колотится у дома Ивана Петровича.*) Иван Петрович дома?

Иван Петрович. Дома, дома, Семен Иванович, дома!

Староста. Иван Петрович! Я к тебе в гости. Ты меня попотчешь?

Иван Петрович. Иди, иди, Семен Иванович, попотчую, попотчую.

Староста. Иван Петрович! Знаешь мою дочку Пареньку?

Иван Петрович. Знаю, знаю, Семен Иванович, хорошая девка.

Староста. Да, славная девка, Иван Петрович! Я за тебя ее замуж отдам,

Иван Петрович. Что вы, Семен Иванович, я слышал, что она за извозчика Василия выходит.

Староста. Что вы! Моя Паранька да за Василия? Да я его в солдаты отдам.

Уходит от зрителя.

Выходит на сцену один Василий Петрович, ходит, приго-

рюнившись; входит Степан.

Степан. Что ж ты, Василий Петрович, пригорюнился? Точно мышь на крупу села.

Василий Петрович. Эх, Степан, как мне не горевать! Одна лошадь издержалася – куда я на одной буду извозничать? Как я буду другую лошадь покупать?

Степан. Да ты бы сходил к дяде Семену Ивановичу денег попросил. К тому же я слышал, что ты на Параньке жениться хочешь?

Василий Петрович. Эх, Степан, не смейся, далеко она мне не ровня.

Степан. Ну, так сходи к Ивану Петровичу. Он, наверное, вам на лошадь деньги даст.

Василий Петрович. А и правду, Степан, сходить к Ивану Петровичу. *(Приходит и колотится у квартиры Ивана Петровича.)* Иван Петрович дома?

Иван Петрович. Дома. А что вам нужно?

Василий Петрович. Иван Петрович, я к вашей милости. У меня вот лошадь издержалася, другую нужно купить. Не даете ли вы мне денег?

Иван Петрович. Хорошо, Василий! Только вы мне лошадь в залог приведите, да еще сапоги в залог снимите. Я и дам денег.

Василий Петрович заплакал и пошел прочь. Встречает Степана.

Степан. Ну что, Василий, смотритель дал денег?

Василий Петрович. Эх, Степан! Да он лошадь в залог требует, да и сапоги с ног велит снять.

Степан. Ах, он мерзкая харя! На, Василий, сто рублей, разживайся с богом!

В это время вбегает староста Семен.

Староста. Эй, ребята! Степан, Василий! Который поедет купца везти?

Степан. Василий! Поезжай, кстати там и лошадь возьмешь.

Василий уходит, и за стеной брякает колокольчик.

Приезжает обратно и встречает Степана.

Степан. Что, Василий, взял лошадь?

Василий Петрович. Нет, не взял, не подошла.

В это время староста кричит.

Староста. Эй, ребята, Степан, Василий! Которой купца-то вез?

Василий Петрович. Дядя Семен, я вез.

Староста. Купец деньги потерял, пять тысяч рублей. Ты не взял ли?

Василий Петрович. Нет, дядя, не взял.

Староста. Но все-таки нужно тебя обыскать.

Входит купец. Василия обыскивают – находят сто рублей.

Степан. Эти деньги у него мои: я ему на лошадь дал.

Купец. Нет, это не мои. У меня пять тысяч было, а тут только сто рублей.

Староста Василия арестует.

Степан. Василий в чем ездил-то, не остались ли деньги в экипаже.

Василий Петрович. Иди, Степан, посмотри там в телеге.

Степан уходит смотреть и возвращается с деньгами.

Степан. Дядя Семен, деньги-то здесь, нашлись.

Купец. Вот это мои деньги.

Староста. А, дак ты Василия напрасно оклепал?

Купец дает Василию пятьсот рублей.

Староста (кричит). Василий у меня молодец, Василий хороший, я за Василия дочку Параньку отдам.

Вмешивается Смотритель.

Смотритель. Что вы, Семен Иванович, хотели Параньку за меня отдать, а Василия в солдаты сдать.

Староста. Ах ты, мерзкая харя! Да вот тебе свиное ухо, а не Паранька.

Показывает угол полы.

Смотритель убегает, и все расходятся.

Театр петрушки

Петрушка. Народная кукольная комедия

Шарманка сипло наигрывает русскую песню; из-за ширм слышатся то резкие, гнусавые возгласы, то кряхтение, то подпевание *Петрушки*, и в одну из минут усталого ожидания, когда публика готова уже развлечься посторонним, он неожиданно показывается из-за ширм и кричит: «Здравствуйте, господа!»— и пускается в разговор с музыкантом, просит его сыграть плясовую и танцует, сначала один, потом с *Супругой* (которую по некоторым вариантам зовут «Маленьей Пелагевной», а по другим «Пигасьей Николавной») и наконец прогоняет ее.

Является *Цыган* и продает ему лошадь; Петрушка ее уморительно осматривает, тащит за хвост, за уши, садится и гарцует и поет:

Как по Питерской,
По Тверской-Ямской...

Лошадь начинает брыкаться, сбрасывает его, и Петрушка падает, громко стучая деревянным лицом о рамку ширмы, охает, кряхтит, стонет и зовет Доктора.

Приходит «доктор-лекарь, из-под Каменного моста аптекарь» и, рекомендуясь публике, говорит, что он «был в Италии, был и далее», и спрашивает у Петрушки:

– Что у тебя болит?

– Какой же ты доктор, – кричит ему Петрушка, – коли спрашиваешь, где болит? На что ты учился? Сам должен знать, где болит.

Начинается осмотр Петрушки: доктор ищет больного места, тыкает Петрушку пальцем и спрашивает: «Тут? тут?», а Петрушка все время кричит: «Повыше! Пониже! Крошечку повыше!» – и вдруг неожиданно вскакивает и колотит доктора. Доктор скрывается.

Затем является Клоун-Немец; Петрушка его убивает, и немец мертвый лежит на краю ширм. Музыкант говорит Петрушке: «Что вы наделали, Петр Иванович? Сейчас полиция придет». Петрушка сначала храбрится и, весело заглядывая в физиономию лежащего немца, говорит: «Немец-то притворился мертвым». Затем взваливает его себе на спину, тащит домой и кричит беспечно: «Картофелю, картофелю! Поросят, поросят!...»

Появляется Татарин, продает халаты, а Петрушка думает, что его берут в солдаты; татарин рекомендуется незатейливой остротой:

Я татарский поп.

Пришел ударить тебя в лоб!

И исчезает, преследуемый Петрушкой. Петрушка возвращается один. Он в тревоге: боится наказания, обращается к музыканту и говорит: «Что, меня никто не спрашивал?» Стараются спрятаться, наконец садится, пригорюнившись, и поет жалобную песню:

Пропала моя головушка
С колпачком и с кисточкой...

Из-за ширмы показывается Квартальный, и Петрушку берут в солдаты; он протестует и говорит, что горбат – служить не может. Квартальный возражает: «Где ж у тебя горб? У тебя нет горба!» Петрушка кричит: «Потерял!»

Следует комическая сцена обучения Петрушки воинскому артикулу, и, делая дубиной ружейные приемы, он ударяет ею своего учителя; тот кричит на него, а Петрушка вытягивается во фронт и говорит: «Споткнулся, ваше сковородие!» И затем прогоняет квартального, а между тем приближается возмездие за его безобразное поведение.

Прибегает рычащая Собака.

Петрушка видит, что его дело уже плохо, пробует обратиться за помощью к музыканту, но получает отказ и старается умаслить собаку ласковыми названиями, гладит и приговаривает: «Шавочка, душечка! Орелочка!» – но собака неожиданно хватает его за нос и тащит, а Петрушка, не успев поблагодарить публику за внимание, только кричит, наме-

кая на свой нос: «Моя табакерка! Моя скворешница!..» – и при общем хохоте скрывается за ширмами. Приумолкнувший шарманщик опять начинает вертеть шарманку и наигрывает русскую песню.

Петрушка. Д. А. Ровинский

Комедия эта играется в Москве, под Новинским <...>. Содержание ее очень несложно: сперва является Петрушка, врет всякую чепуху виршами, картавя и гнусавя в нос, – разговор ведется посредством машинки, приставляемой к нёбу, над языком, точно так, как это делается у французов и итальянцев. Является Цыган, предлагает Петрушке лошадь. Петрушка рассматривает ее, причем получает от лошади брычки то в нос, то в брюхо; брычками и пинками переполнена вся комедия, они составляют самую существенную и самую смехотворную часть для зрителей. Идет торг, – Цыган говорит без машинки, басом. После длинной переторжки Петрушка покупает лошадь; Цыган уходит. Петрушка садится на свою покупку; покупка бьет его передом и задом, сбрасывает Петрушку и убегает, оставляя его на сцене замертво. Следует жалобный вой Петрушки и причитанья на преждевременную кончину доброго молодца. Приходит Доктор:

– Где у тебя болит?

– Вот здесь!

– И здесь?

– И тут.

Оказывается, что у Петрушки все болит. Но когда Доктор доходит до нежного места, Петрушка вскакивает и цап его по уху; Доктор дает сдачи, начинается потасовка, является откуда-то палка, которою Петрушка окончательно и успокаивает Доктора.

– Какой же ты Доктор, – кричит ему Петрушка, – коли спрашиваешь, где болит? На что ты учился? Сам должен знать, где болит!

Еще несколько минут – является Квартальный, или, по кукольному, «фатальный фицер». Так как на сцене лежит мертвое тело, то Петрушке производится строгий допрос (дискантом):

– Зачем убил Доктора?

Ответ (в нос):

– Затем, что свою науку худо знает – битого смотрит, во что бит, не видит, да его же еще и спрашивает.

Слово за слово, – видно, допрос Фатального Петрушке не нравится. Он схватывает прежнюю палку, и начинается драка, которая кончается уничтожением и изгнанием Фатального, к общему удовольствию зрителей; этот кукольный протест против полиции производит в публике обыкновенно настоящий фурор.

Пьеса, кажется бы, и кончилась; но что делать с Петрушкой? И вот на сцену вбегает деревянная Собачка-пудель, обклеенная по хвосту и по ногам клочками взбитой ваты, и на-

чинает лаять со всей мочи (лай приделан внизу из лайки).

– Шавочка-душечка, – ласкает ее Петрушка, – пойдём ко мне жить, буду тебя кошачьим мясом кормить.

Но Шавочка ни с того ни с сего хватить Петрушку за нос; Петрушка в сторону, она его за руку, он в другую, она его опять за нос: наконец Петрушка обращается в постыдное бегство. Тем комедия и оканчивается. Если зрителей много и Петрушкину свату, то есть главному комедианту, дадут на водку, то вслед за тем представляется особая интермедия под названием *Петрушкиной свадьбы*. Сюжета в ней нет никакого, зато много действия. Петрушке приводят невесту Варюшку; он осматривает ее на манер лошади. Варюшка сильно понравилась Петрушке, и ждать свадьбы ему невтерпеж, почему и начинает он ее упрасивать: «Пожертвуй собой, Варюшка!» Затем происходит заключительная сцена, при которой прекрасный пол присутствовать не может. Это уже настоящий и «самый последний конец» представления; затем Петрушка отправляется на наружную сцену балаганчика врать всякую чепуху и зазывать зрителей на новое представление.

В промежутках между действиями пьесы обыкновенно представляются танцы двух Арапов, иногда целая интермедия о Даме, которую ужалила змея (Ева?); тут же, наконец, показывается игра двух Паяцев мячами и палкой. Последняя выходит у опытных кукольников чрезвычайно ловко и забавно: у куклы корпуса нет, а только подделана простая

юбочка, к которой сверху подшита пустая картонная голова, а с боков – руки, тоже пустые. Кукольник втыкает в голову куклы указательный палец, а в руки – первый и третий пальцы; обыкновенно напяливает он по кукле на каждую руку и действует таким образом двумя куклами разом. При кукольной комедии бывает всегда шарманка, заменившая старинную классическую волынку, гусли и гудок; шарманщик вместе с тем служит «понукалкой», то есть вступает с Петрушкой в разговоры, задает ему вопросы и понукает продолжать вранье свое без остановки.

Петрушка.²¹⁶ Лубок

Действующие лица:

Петрушка Уксусов.

Цыган.

Доктор.

Немец.

Капрал.

Лошадь.

Мухтарка.

Музыкант.

Действие происходит по городам и селам всей России.

²¹⁶ Лубочное издание комедии о Петрушке, выпускаемое Е. Коноваловым примерно с 1910 по 1917 год.

Действие первое

Петрушка. А вот и ребятишки! Здорово, парнишки! Бонжур, славные девчухи, быстроглазые вострушки! И вам бонжур, нарумяненные старушки, моложавые с плешью старички! Я ваш старый знакомый – мусью фон-гер Петрушка. Пришел вас позабавить, потешить да и с праздником поздравить. Вот какой я!

Появляется Цыган с лошадыю.

Цыган. Здравствуй, мусью Петр Иванович! Как живешь-поживаешь, часто ли хвораешь?

Петрушка. А тебе какое дело? Уж не доктор ли ты?!

Цыган. Не бойся, я не доктор... Я цыган Мора из хора, пою басом, запиваю квасом, заедаю ананасом!

Петрушка. А ты языком не болтай, зубы не заговаривай. Говори, что надо, да мимо проваливай.

Цыган. Мой знакомый француз Фома, который совсем без ума, говорит, что тебе хорошая лошадь нужна, чтобы призы на скачках брать.

Петрушка. Это, брат, дело. Мне лошадь давно заводить пришло. Хочу и я поскакать да призы на скачках брать. Только хороша ли лошадь?

Цыган. Не конь, а диво: бежит – дрожит, спотыкается, а упадет – не поднимается. По ветру без хомута гони в три кнута. На гору бежит – плачет, а с горы так скачет, а как

завязнет в грязи, так оттуда уж сам вези! Отменная лошадь!

Петрушка. Ого-го! Вот так лошадь! А какой масти?

Цыган. Лошадь не простая: пегая с пятнами, золотая, с гривой, лохматая, кривая, горбатая – аглицкой породы с фамильным аттестатом.

Петрушка. Ого-го! Такую-то мне и надо. А дорого ли стоит?

Цыган. По знакомству не дорого возьму: триста.

Петрушка. Что ты, фараоново племя, дорого просишь?! Как у тебя язык не сломался запросить три сотни?

Цыган. Сколько же дашь, чего не пожалеешь?

Петрушка. Бери два с полтиной да в придачу дубину с горбиной.

Цыган. Мало! Прибавь ребятишкам хоть на молочишко.

Петрушка. Хочешь сто рублей?

Цыган. Экой скупой! Прибавляй больше.

Петрушка. Хочешь полтора с пятаком?

Цыган. Дешево. Ну, делать нечего, по рукам – давай деньги.

Петрушка. Давай сначала лошадь.

Цыган. Получишь и лошадь из полы в полу, только давай сначала задаток.

Петрушка (неожиданно). Изволь, брат Цыган, держи карман. Вот только я, приятель, сбегаю, мелочь разменяю. (Скрывается.)

Цыган. Эй, скоро ли задаток?

Голос Петрушки. Погоди капельку, кошелек затерял.

Петрушка (появляется с дубиной и начинает бить Цыгана). Вот тебе сто, вот тебе полтора! (*Цыган убегает.*) Ого-го! От такого задатка не поздоровится! Музыкант! Давай-ка сюда лошадь. Тпру, тпру! Стой, не брыкайся! У-у, не лошадь, а огонь! Стой! Нужно сосчитать зубы, сколько ей лет. (*Смотрит ей в рот.*) Лошадь совсем молодая: ни одного зуба еще во рту нет! Прощайте, ребята, прощай, жисть молодецкая! Я уезжаю, музыкант.

Музыкант. Далеко ли?

Петрушка. Вдоль по Питерской, по Тверской-Ямской, с колокольчиком, на Вязьму, на Валдай, а ты никому не болтай: я тебе за это гостинец привезу. (*Скачет и поет.*)

Заложу я тройку борзую
Темно-карих лошадей!..

(*Лошадь брыкается.*) Тпру! тпру! Стой, погоди! Тише, Васенька, а то я упаду и голову сломаю. (*Лошадь в это время сбрасывает Петрушку.*) Ой, родимые, голубчики! Смерть моя пришла. Пропала моя головушка удалая!

Музыкант. Не тужи: еще не скоро!

Петрушка. Через двадцать лет, прямо в обед. Да зови лекаря скорей!

Музыкант. Сейчас приведу.

Действие второе

Петрушка. Входит Доктор.

Доктор. Не стонать, не кричать, а смирно лежать. Я знаменитый доктор, коновал и лекарь, из-под Каменного моста аптекарь. Я был в Париже, был и ближе, был в Италии, был и далее. Я талантом владею и лечить умею, одним словом, кто ко мне придет на ногах, того домой повезут на дровнях.

Петрушка. Батюшка, господин лекарь-аптекарь, пожалей, не погуби; на дровнях-то меня не вози, а в колясочке!

Доктор. Говори, где болит – тут или здесь, внутри или снаружи?

Петрушка. Пониже.

Доктор. Здесь?

Петрушка. Чутьочку повыше. Поправей и полевей.

Доктор. Экий ты дуралей! То ниже, то выше, то правей, то левой! Сам не знаешь, где болит. Встань да покажи!

Петрушка. Батюшка-лекарь, встать-то моченьки нет. Все болит. Ой, ой, ой! (*Встает, уходит, апотом появляется дубиной, которой ибьет Доктора.*) Вот тут больно! Вот здесь больно! Ха-ха-ха! Какой любопытный лекарь: все ему покажи!

Доктор скрывается.

Действие третье

Музыкант. Петрушка. Появляется Немец.

Немец (поет и танцует). Тра-ля-ля! Тра-ля-ля!

Петрушка. Мое почтение вам, господин!

Немец (раскланивается и опять танцует). Тра-ля-ля!

Петрушка. Музыкант, что это за чучело, только кланяется да молчит?

Музыкант. Это заграничный человек. По-русски не говорит. Спроси-ка его по-французски.

Петрушка. Это как же по-французски?

Музыкант. Парлэ-ву-франсье, мусью-господин?

Петрушка. Эй! Послушайте, господин-мусью! Парлэ-ву-франсэ?

Немец молча раскланивается.

Музыкант. Молчит. Значит, надо по-немецки спросить: шпрехен-зи-дайч!

Петрушка. Это очень мудрено, пожалуй, натошак и не выразишь: шпрехен-зи-дайч?

Немец. О, я! Их шпрехе!

Петрушка. И я, и я, и я!..

Немец. Я, я! Гут!

Петрушка. Да ты, Карл Иванович, понимаешь, что ты болтаешь? Тут нас двое – ты да я! Говори по-московски!

Немец. Мейн либер гер вас?!

Петрушка. Где ты тут нашел квас? Убирайся-ка подобру-поздорову. (*Колотит Немца, тот убегает.*) Музыкант! Куда немец девался? Должно быть, квас побежал пить, я сбегаю тоже глотку промочить. (*Хочет уйти.*)

Музыкант. Погоди. Немец сию минуту вернется. За шампанским пошел: тебя хочет угостить!

Петрушка. Это ладно! Подожду да спою:

По улице мостовой
Шла девица за водой,
За ней парень молодой,
Кричит: девица, стой!..

Появляется Немец и ударяет Петрушку палкой по затылку и молча скрывается.

Петрушка. Эй, музыкант, что это у меня по затылку проехало?

Музыкант. Это комар полетел да, должно быть, крылом задел!

Петрушка. Ты угорел: какой тут комар, точно кто оглоблей погладил. Ну, стой! Я не люблю должатья. С тобой живо сквитаюсь. Ага! Вот и Немец воротился! Наше вам почтение! Музыкант, что же у Немца бутылки не видно?

Музыкант. Она у него в кармане.

Петрушка. А в руках-то у него что?

Музыкант. Это немецкий штопор.

Петрушка. Ха-ха-ха! Хорош штопор! Вот он какой. Лов-

ко он меня отштопорил им, и сейчас затылок чешется.

Немец сзади ударяет Петрушку. Петрушка накидывается на него. Завязывается драка. Немец падает. Петрушка поворачивает его с боку на бок.

Петрушка. Музыкант! Немец-то словно мертвым притворился!

Музыкант. Какой ты шутник! Убил да говоришь – притворился.

Петрушка. Я купил? Что ты врешь! Хочешь, я тебе даром отдам! Не хочешь? (*Переворачивает Немца.*) Эй, мусью, вставай! Какой ты капризный: я тебя на реку снесу купаться, чтобы ты перестал драться. (*Кладет Немца себе на плечо.*) Картофелю, капусты, кому не надо ли? Дешево отдам! (*Скрывается.*)

Действие четвертое

Петрушка, Капрал и Музыкант.

Капрал (один). Музыкант, куда Петрушка девался?

Музыкант. Налево, Капрал, а может, направо: не заметил. Показывается из-за ширмы только голова Петрушки.

Петрушка. Музыкант, скажи, голубчик, кто меня сейчас спрашивал?

Музыкант. Капрал. Приходил за тобой брать в солдаты, да такой сердитый.

Петрушка. Ах, батюшки! Музыкант! Скажи ему, если он

вернется, что я уехал в Париж, в Тмутаракань.

Появляется Капрал.

Капрал. Я тебе покажу Париж, что ты у меня сгоришь и не уедешь в Тмутаракань, а попадешь головой в лохань, что станет жарко. Ты все шумишь, буянишь, с людьми благородными грубиянишь; кричишь, орешь и покою никому не даешь. Вот я тебя возьму в солдаты без срока! Живо собирайся!

Петрушка. Господин капрал-генерал! Какой я солдат, ка-лека с горбом и нос крючком.

Капрал. Врешь. Покажи, не хитри, где у тебя горб? У тебя никакого горба нет. Зачем нагибаешься? Встань прямо!

Петрушка. Я горб потерял.

Капрал. Как потерял? Где?

Петрушка. На Трубе.

Капрал. Ну нет, брат, не отделаешься этим. Сейчас принесу тебе ружье и стану учить солдатской науке. (*Скрывается.*)

Петрушка (плачет). Вот тебе и фунт меду с патокой!.. Музыкант-батюшка, не погуби мою головушку. Где же это видано, чтобы живых в солдаты брали? Вот так клюква с изюмом!.. Музыкант! Ступай за меня в солдаты! Я тебе заплачу за это!

Музыкант. А много ли дашь?

Петрушка. Хочешь – гривенник с алтыном да полушку с осьмушкой?

Музыкант. Только-то? Нет, не велик барин, сам отслужишь.

Петрушка. Не сердись! Какой ты несговорчивый! На вот колпачок да собери солдатику денег немножко, чтобы хватило на дорожку.

Капрал. Вот тебе ружье! Учись! (*Подает Петрушке палку.*) Смирно! Равняйся! К но-о-оги!

Петрушка. Недавно спать все полегли.

Капрал. Слушай команду! На плечо!

Петрушка. Что так горячо?

Капрал. Правое плечо вокруг!

Петрушка. Как хвачу тебя я вдруг! (*Ударяет палкой Капрала.*)

Капрал. Что ты делаешь, дурачина? Ты не получишь чина!

Петрушка. Чуть-чуть споткнулся, ваше сковородие.

Капрал. Слушай команду! Кругом марш!левой – правой, раз – два,левой – правой, раз – два! Шагом марш!

Петрушка идет сзади Капрала и ударяет его палкой. Капрал убегает.

Действие пятое

Петрушка, Музыкант и Мухтарка.

Петрушка. Ха-ха-ха! (*Поет и приплясывает.*)

Что ты, что ты, что ты,
Я солдат четвертой роты!..

Ловко послужил! В Сибирь чуть не угодил. Капрала угомонил и концы в воду схоронил. Музыкант, а ты слышал, я в лотерею выиграл красную рубаху и хочу теперь жениться!

Музыкант. А где лотерея-то?

Петрушка. А у Тверских ворот, где налево поворот. Перейдя направо, в тупике, где стоит мужик в муке.

Музыкант. А есть там еще что?

Петрушка. Все вещи хорошие! Новые кафтаны с заплатами, шляпы помятые, лошадь без хвоста, два аршина холста, чайник без крышки с одной ручкой, да и та в починку отдана.

Выбегает Собака

Петрушка. Шавочка, кудлавочка, какая ты замарашка, уж не из Парижа ли ты к нам прибежала? Поближе? (*Собака хватается за Петрушку за рубаху.*) Стой, стой, Мухтарка, разорвешь рубаху-то! Стой, Мухтарка, больно! (*Собака кидается на него и хватается за нос.*) Ай, батюшки, голубчики родимые, знакомые, заступитесь! Пропадает моя головушка: Мухтарка за нос схватила. Отцы родные, пропадет моя головушка совсем с колпачком и с кисточкой! Ой! ой, ой! Загрызла!

Собака грызет и тербит Петрушку, потом вскидывает его на себя и убегает с ним.

Конец

Петербургские шарманщики.

Д. В. Григорович

В осенний вечер, около семи часов, партия шарманщиков поворотила с грязного канала в узкий переулок, обставленный высокими домами. Шарманщики заметно устали. Один из них, высокий мужчина флегматической наружности, лениво поворачивал ручкою органа и едва передвигал ноги; другой, навьюченный ширмами, бубном и складными козлами, казалось, перестал уже и думать от усталости; только рыжий мальчик с ящиком кукол нимало не терял энергии.

Шарманщики, кажется, намереваются войти в ворота одного знакомого и прибыльного дома.

Так! Нет сомнения! Комедия будет! Они вошли на двор, вот уже заиграли какой-то вальс и раздался пронзительный крик Пучинелла. <...>

Представление не могло замедлиться, потому что на публику нельзя было жаловаться: она сбегалась со всех сторон. <...>

Комедия должна начаться сию минуту, публике некуда уже было поместиться.

<...> вдруг над шарманкою показался Пучинелла. Пучинелла принят с восторгом; характером он чудак, криклив, шумлив, забияка, одним словом, обладает всеми достоинствами, располагающими к нему его публику.

– Здравствуйте, господа! Сам пришел сюда, вас повеселить, да себе что-нибудь в карман положить! – так начинает Пучинелла.

Его приветствие заметно понравилось; солдат подошел поближе, мальчишка сделал гримасу, один из мастеровых почесал затылок и сказал: «Ишь ты!» – тогда как другой, его товарищ, схватившись за бока, заливался уже во все горло. Но вот хохот утихает; Пучинелла спрашивает музыканта; взоры всех обращаются на его флегматического товарища.

– А что тебе угодно, г. Пучинелла? – отвечает шарманщик.

Пучинелла просит его сыграть «По улице мостовой»; музыкант торгуется. «Да что с тебя, мусью? Двадцать пять рублей ассигнациями!» *Пучинелла.* Да я и отроду не видал двадцать пять рублей, а по-моему – полтора рубля шесть гривен. *Музыкант.* Ну хорошо, мусью Пучинелла, мы с тобой рассчитаемся. – Сказав это, он принимается вертеть ручку органа.

Звуки, «По улице мостовой» находят теплое сочувствие в сердцах зрителей: дюжий парень шевелит плечами, раздаются прищелкивание, притоптывание.

Но вот над ширмами является новое лицо: капитан-исправник; ему нужен человек в услужение; музыкант рекомендует мусью Пучинелла.

– Что вам угодно, ваше высокоблагородие? – спрашивает Пучинелла.

– Что ты, очень хороший человек, не желаешь ли идти ко мне в услужение?

Пучинелла торгуется; он неизвестно почему не доверяет ласкам капитана-исправника; публика живо входит в его интересы.

Капитан-исправник. Экой, братец, ты со мной торгуешься! Много ли, мало ли, ты станешь обижаться.

Пучинелла. Не то чтобы обижаться, а всеми силами стану стараться!

Капитан-исправник. У меня, братец, жалованье очень хорошее, кушанье отличное: пуд мякины да полчетверика гнилой рябины, а если хочешь сходишь к мамзель Катерине и отнесешь ей записку, то получишь двадцать пять рублей награждения.

Пучинелла. Очень хорошо, ваше благородие, я не только записку снесу, но и ее приведу сюда.

Публика смеется доверчивому Пучинелла, который побегал за мамзель Катериною. Вот является и она сама на сцену, танцует с капитаном-исправником и уходит. Толпа слушает, разиня рот, у некоторых уже потекли слюнки.

Новые затеи: Пучинелла хочет жениться; музыкант предлагает ему невесту; в зрителях совершенный восторг от девяностодевятилетней Матрены Ивановны, которая живет «в Семеновском полку, на уголку, в пятой роте, на Козьем Болоте». Хотя Пучинелла и отказывается от такой невесты, но все-таки по свойственному ему любопытству стучит у ширм

и зовет нареченную. Вместо Матрены Ивановны выскакивает собака, хватая его за нос и теребит что есть мочи.

Публика приходит в неистовый восторг: «Тащи его, тащи... так, так, тащи его, тащи, тащи!..» – раздаётся со всех сторон. Пучинелла валится на край ширм и самым жалобным голосом призывает доктора, не забывая, однако, спросить, сколько будет стоить визит. Является Доктор, исцеляет Пучинелла и в благодарность получает от него оплеуху.

За такое нарушение порядка и общественного спокойствия исполненный справедливой негодования капитан-исправник отдаёт Пучинелла в солдаты.

– Ну-ка, становись, мусью, – говорит капрал, вооружая его палкою, – слушай! На кра-ул!

По исполнительной команде Пучинелла начинает душить своего наставника вправо и влево, к величайшему изумлению зрителей. Ясно, что такого рода буян, сумасброд, безбожник, не может более существовать на свете; меры нет его наказанию: человеческая власть не в состоянии унять его, и потому сам ад изрыгает черта, чтобы уничтожить преступника.

Комедия кончается. Петрушка, лицо неразгаданное, мифическое, неуместным появлением своим не спасает Пучинелла от роковой развязки, и только возбуждает в зрителях недоумение. Неунывающий Пучинелла садится верхом на черта (необыкновенно похожего на козла), но черт не слушается; всадник зовет Петрушку на помощь, но уже позд-

но: приговор изречен, и Пуччинелла погибает образом, весьма достойным сожаления, то есть исчезает за ширмами.

Раздается финальная ария, представление кончилось.

Вертепные представления

Вертеп в Иркутске. Н. А. Полевой

В Иркутске, где я родился и жил до 1811 года, не было тогда театра, не заводили и благородных домашних спектаклей. <...> Театр заменяли для нас вертепы. Знаете ли, что это такое?

<...> Вертеп – кукольная комедия, род духовной мистерии. Устраивается род подвижного шкафа, разделенного на два этажа, куклы водятся невидимо руками представителей, грубый хор поет псалмы, нарочно для того сочиненные, иногда присовокупляется к ним скрипка; иногда импровизируются разговоры.

Содержание вертепной комедии всегда бывало одинаково: представляли мистерию рождества; в верхнем этаже устраивали для того вертеп и ясли, в нижнем трон Ирода. Куклы одеты бывали царями, барынями, генералами, и вертепы важивали и нашивали семинаристы и приказные по улицам в святочные вечера, ибо только о святках позволялось такое увеселение. Боже мой! С каким, бывало, нетерпением ждем мы святок и вертепа! С наступлением вечера, когда решено «пустить вертеп», мы, бывало, сидим у окошка и кричим от восторга, чуть только в ставень застучат, и на вопрос

наш: «Кто там?»— нам отвечают: «Пустите с вертепом!» Начинаются переговоры: «Сколько у вас кукол? Что возьмете?» Представители отвечают, что кукол пятьдесят, шестьдесят, одних чертей четыре, и что у них есть скрипка, а после вертепа будет комедия. Мы трепещем, что переговоры кончатся несогласием, покажется дорого. Но нет! Все слажено... И вот несут вертеп, ставят полукругом стулья, на скамейках утверждается самый вертеп; раскрываются двери его – мишура, фольга, краски блестят, пестреют; является первая кукла – Пономарь, он зажигает маленькие восковые свечки, выбегает Трапезник, с кузовом, и просит на свечку. Один из нас, с трепетом, подходит и кладет в кузов копейку. Пономарь требует дележа, сыплются шутки, начинается драка, и мы предвкушаем всю прелесть ожидающего нас наслаждения И вот – закрипела скрипка; раздались голоса – являются Ангелы и преклоняются перед яслями при пении:

Народился наш спаситель,
Всего мира искупитель.
Пойте, воспойте
Лики, во веки
Торжествуйте, ликуйте,
Воспевайте, играйте!
Отец будущего века
Пришел спасти человека!

Нет, ни Каталани, ни Зоннтаг, ни Реквием, ни Дон-Жу-

ан не производили потом на меня таких впечатлений, какое производило вертепное пение! Думаю, что и теперь я наполовину еще припомню все вертепные псалмы. И каких потрясений тут мы не испытывали: плачем, бывало, когда Ирод велит казнить младенцев; задумываемся, когда смерть идет наконец к нему при пении: «Кто же может убежати в смертный час?» – и ужасаемся, когда открывается ад; черные, красные черти выбегают, пляшут над Иродом под песню «О, коль наше на сем свете житие плачевно!» – и хохочем, когда Вдова Ирода, после горьких слез над покойником, тотчас утешается с молодым генералом и пляшет при громком хоре: «По мосту, мосту, по калинову мосту!»

Комедия после вертепа составлялась обыкновенно из пантомимы самих вертепщиков: тут являлся род Скапена-слуги, род Оргона-барина, Немец да Подьячий; разговор состоял из грубых шуток, импровизировался, и обыкновенно Слуга, бывало, всех обманывает, бьет Немца и дурачит Подьячего...

Кукольное представление в Торопце. М. И. Семевский

I

<...> Из избы слышны звуки визгливой скрипки – то

Клиш зачинает комедь да зазывает публику. Публика платит по копейке и занимает места. Изба разделена занавеской на две половины, на одной стоят скамейки для зрителей, за занавеской два скрипача и особый столик с прорезанными скважинами: из-за занавеса высовывается рука Клиша и на столе являются куклы. Комедь спущена. Смех, остроты и разные применения к живым лицам со стороны публики встречают каждую куклу. Куклы на проволоках скачут, дерутся, кланяются, дергают руками и ногами. Все это грубо, аляповато, но Клиш балясничает, поет, скрипка визжит и зрители в восхищении.

«Начинается комедь, чтоб народу не шуметь: русский народ будем сверху пороть!»

Едет Царь и кричит: «Воины мои, воины, солдаты вооруженные, престаньте пред своим победителем!»

Являются Солдаты: «О, царь наш, царь! Почто воинов призываешь, каким делом повелеваешь?»

Царь. Сходите, убейте до четырнадцати тысяч младенцев.

Является Баба.

Солдат (говорит). Что за баба, что за пьяна, пришла пред царем, расплакалась. Взять ее и заколоть. О, прободи твою утробу!

Является Черт к Царю.

<Черт>. Возьмем твою душу и потащим в тот рай, где горшки обжигают, туда вас и все черти тягают.

Мужчина и Баба.

Баба (поет).

Ты поляк, ты поляк, а я католичка:
Купи вина, люби меня, а я невеличка!

Мужчина (поет).

Здравствуй, милая, хорошая моя!
Чернобровая похожа на меня.
Вот жги, говори,
Рукавички барановые,
А другие не помараннные!

Казак (поет).

Запели казаки,
Затанцевали казаки,
Аж кони, кони
В роскошном поле...
А наш казак
Жинки не мает.

Является Барыня.

Барыня.

Здравствуй, козаче! Играй, музыкант.
Ходит казак по бережку,
Берег обломился,

Казак утопился.
А не черт тебя нес,
Не подмазавши колес,
На дырявый мост...

Женщина (в русском платье и кокошнике поет).

Вы торопецкие девушки,
Новгородские лебедушки,
У вас жемчужные кокошнички,
По закладам много хаживали,
Много денег оне нашивали:
Когда рубль, когда два,
Когда всех полтора! <...>

Барин и Барыня.

Ах ты, моя барыня,
Ах ты, моя сударыня!
Ты ли новомодная,
Ты моя красавица!
Пила кофе, пила чай,
Пришел милый невзначай!

Две Барыни.

У барыни чепчик новый,
А затылок бритый, голый!
Барыня, ты моя сударыня!

Самовары часто греешь,
Дома гроша не имеешь!
Ты моя барыня...
Ах, барыня пышна,
На улицу вышла
Руки не помывши,
Чаю не напившись.
Ты моя барыня...

<...> Вылезает пузатый Мужчина-кукла, кукла играет на контрабасе. Публика приветствует пузатого криками «Иван Федорович Абакумов!»
(Торопецкий богатый купец).

Играл Губкин на гитаре,
Спиридон пошел плясать...

<...> И так далее, все куплеты и разговоры в этом же роде.
Комедь заканчивается обращением к публике:

Не судите, господа!
На дробь, на порох,
На многие лета!
С праздником,
С народом пришедшим
Да с гостем сумасшедшим!
Пу-ф, п-у-ф!

С Клиша пот градом катит; в избе душно, свечка нагорела, дым ходит столбом от куренья махорки гостями; в сенях хлопает дверь, да пар морозного воздуха густыми клубами валит в горенку. Скорей на чистый воздух!

II

У Чижга <...> комедь бумажная, фигуры вырезаны из сахарной бумаги, на ниточках, их показывают тенями на простыне <...>.

В темной горенке, пред простыней, за которой горит свеча и стоят Чиж с товарищем, сидят дети, девушки, женщины... Комедь зачинается.

На холсте тени оленей и быков. Чиж говорит:

– Олени золоторогие и быки безрогие в саду разгуливают.

Проста солонина, по три денежки за фунт.

<Появляется> слон:

– Слон персидский. На нем человек, сидя, молотком в голову бьет. Он много бед натворил, сухарей потопил <...>

Идет черт:

– Вот новый лекарь, старый аптекарь, он старых баб на молодых переделывает. У кого живот болит – приходите к нему лечить, он новые зубы вставляет, старые вон выбивает, чирьи вырезает, болячки вставляет.

Едет богатырь:

– Вот здесь, при полночном мраке быть назначено злой

драке, спрячьтесь к месту и смотрите, примечайте, не дремли- те. Кто задремлет – пяточок, а нет, так отдаст и весь чет- вертачок!

Плотник:

– Сходить было до села, здесь бывала работа завсегда.

Является хозяин.

– А кто ты такой?

– Я плотник и всем делам охотник.

– Ох, братец, да у меня работишки понакопилось.

– Это наше дело.

– Ты только один?

– А нас будет и двое, бери любое.

Показывается мельница, выходит из нее черт:

– Вот этот самый домовый в кудрявой роще своей, под кремнистым камнем стережет богатый клад.

Черт (говорит хозяину). Вот тебе наряд от демонского во- еводы, вот тебе мое злато и живи богато: пей, ешь, веселись, только на этот камень не садись.

Хозяин. Ох, какое я огорчение получил! Надо думать да гадать, куда бы мне свое имение девать. Если нанять приказ- чиков, построить кладовые, то очень будут расходы большие. Да что ж я вздумал наконец: есть у меня приказчик, скряга купец. Приказчик, зови работников!

Приказчик (кричит). Федька Апалонов, Тимох, Ярмоха, Максим и шапочка с ним, как выйдет на завалину, заиграет во скрипицу, мы все его слушаем; и Мартын, что покрал же-

лезные двери, подите сюда! Ставьте мельницу на камень.

Является черт:

– Ха-ха-ха! Что тут сделалось? Мельница без клада не строится, в ней много чертей водится. Сходить было за то-варищем.

Является другой черт, они ломают мельницу.

– А! Кровь потекла, и пыль покапала...

Является сатана, говорит хозяину:

– Бес и рек: ты злой человек, отрезать тебе уши да нос, с тебя будет чудесный купорос, моему главному дохтору <...> для переварки старых старух на молодых молодых.

Ставится государственная контора, сидит за столом писарь:

Вот в государственной конторе

Сидит молодец в уборе,

И с затылку у него коса

До шелкова пояса.

Перед ним бумаг горой,

На столе чернил ведро,

Под столом лежит перо.

За ухом другое.

Вот идут к нему двое:

«Вот как этот-то детина

Выпросил у меня в долг три алтына,

И росту столько ж обещал,

Ну я ему и дал.

Как пришли мы на кружало,

То и денег у него не стало.
Что ж мне делать? За бока
Взял я разом должника.
Он мне денежки отдал
И с процентом разобрал.
Теперь дело наше с тобой право.
Рассуди, господин судья, нас здраво» —
«Брат, не лучше ль нам с тобой
Кончить дело мировой?

Входит Судья.

Ведь этот судья грозной!
Он как вскочит да как крикнет,
Ни один у нас не пикнет.
Отдал бы по чести.
Только б ноги унести». —
«Пойдем же, брат, поскорее»

Судья (кричит).

Нет, постойте, не уйдете,
Вы опять сюда придете!
«А что такое, господин судья?» —
«А вот что такое, мошенники:
Вы с таким пустым делом
Не ходили б по судам,
А то я прикажу
И на тюрьму засажу.

Запиши их в журнал:

«В кабаке драться—

А по судам ходя, не разбираться».

Рассудил!

Является конница; за ней Офицер и кричит «Во фронт! Дивизион вперед! Дирекция направо, скорым волшебным шагом в три приема марш!» (*Проходят.*) Идут ратники, флейтчики, музыканты. Барабанщики в барабаны бьют, сами в музыку поют. Семен Сильвестров наперед идет, знамя несет босый! А Васька-Барсук во скрипку играет. Офицер командует: «Ребята, сыграйте нам песню поскорей!» Сам полковник долой с коня слезает и сам песню зачинает:

Жизни тот один достоин,
Кто на смерть всегда готов.
Православный русский воин,
Не считая, бьет врагов.

Морской флот англичан отправляется в свою землю. Вот тут корабли иные, от похмелья как шальные, едва ноги волокут. Вот несчастный корабль погибает... погиб... пропал... прямо Клишихе в пряники попал.

Городской дом. Выходит Барин с трубкой и кричит:

– Ванюшка! Слуга новый!

– Чего изволите, барин голый?

– Как, разве я голый?

– Нет, барин добрый

– Поил ли ты коня?

– Поил, барин.

– Отчего ж у него губа суха?

– Оттого, что прорубь высока.

– Дурак, ты б ее подсек.

– Я до чего досек, – все четыре ноги прочь отсек, а за хвост взял и под лед подоткал.

– Дурак, она захлебнется!

– Не, барин, получше напьется.

– Много ль у меня на конюшне стоят?

– А две стоят, да и те едва дышат.

– Ты мне всех коней поизмучил. Пошел, позови приказчика, тот на грош поумней тебя. Приказчик!

– Чего изволите, баринушка?

– Поди сюды.

– Недосуг, баринушка, курята не доены, коровы на наше-сте сидят.

– Вот мошенник! Кто ж курят доит, а коров на нашест сажает? Поди сюда!

– Чего изволите, барин?

– Я нынешний год на дачах проживал, в Питербурхе, домашних обстоятельств не знал, каков у нас нонче хлеб родился?

– Не знаю, баринушка, я старый хлев свалил, а новый по-становил.

– Дурак, я тебе не то говорю.

– Это, баринушка, я не о том вам и сказываю.

– Я тебя что спросил?

– А вот, баринушка, что: слухай, я буду молчать.

– Ну, ну, говори.

– А вот, баринушка: хлеб отменно родился. Колос от колоса – не слышать девичьего голоса, сноп от снопа – целая верста, а скирда от скирды – день езды.

– Хорошо. Куда ж ты этакий хлеб подевал?

– Слухай, баринушка: девкам санным да внукам серым сто четвертей отдал, коровам да свиньям, да придворным твоим людям – сто четвертей, ребяткам малым да бабкам старым – сто четвертей.

– Фу, черт, где ты этаких баб понабрал?

– Помилуйте, баринушка, все ваши.

– Куда ж мы их девать будем?

– Не знаю, баринушка, если их продать – срам и в люди показать, а если их похоронить, то их и живых земля не примет.

– Дурак мужик! Ежели их продавать да хоронить, легче их переварить.

– Да это, баринушка, хорошо. Они будут молодые.

– Нет ли у тебя какого дохтура?

– Есть, баринушка. (*Кричит.*) Кори, кори, ходи сюды! Я тебе работушку найшел.

Входит врачель, господин спужался его.

– Фу, да ты черт!

– Нет, я не черт, я есть врачель Больфидар, а лечебный мой дар известен. Известен я по всему граду, куда вступлю во двор, где немочных собор, всем подам отраду: у кого порча иль чума, иль кто сойдет с ума – всем здравие даю <...> и смерть у меня трепещет.

– Когда ты так говоришь, должно быть, ты мне баб переваришь.

– Это дело мое, барин. Кричи приказчика, пусть зовет баб.

– Приказчик!

– Что ты, барин, грош даешь в ящик?

– Зови ко мне старух!

– Брат Филат, веди баб к баринушке.

Филат (*говорит бабам*). Смотрите, старушонки, отвечайте и кланяйтесь ему.

– Как его, бае, зовут?

– Иван Панкратьевич.

Бабы идут, сами плачут и барину кланяются:

– Иван Панкратьевич, батюшка, живы души на эфтой стуже!

– Да ничего, бабушки, здорово, здорово! У! Какие старые! Ну вот, бабушки, воля теперь вышла: я прежде вас переварю, потом на волю отпущу. Веди их, приказчик, на фабрику к врачелю!

Бабы воют:

– Милые мои детушки, и-о-х, и-о-х, и-о-х! Срам людской,

позор позорской... и-о-х! (*Нетак плачут, как воют.*)

– Приказчик!

Приказчик (*плакавши*):

– Чего изволишь, баринушка?

– Скоро ль будут бабы готовы? <...>

Барин, не дождавшись, идет на фабрику, баб кладет вращель в котлы.

– Хо, хо, хо! Огни горят, котлы кипят, тут ихняя души варят. Много ль возьмешься в сутки переварить?

– Одну дюжину, барин.

– А – из дюжины?

– Полторы бабы! Да вот, столько ль не варил, да мало секрету положил: выварил одну Бабу-Ягу. Принимай, барин!

Барин спужался:

– Это черт!

– Нет, барин, баба твоя!

– Когда баба моя, сыграйте нам что-нибудь.

Ванька-Барсук играет. Чиж поет:

Как у наших у ворот

Стоял Мартын – кривой рот...

Барин с Бабой-Ягой пляшут, Яга тащит его в преисподнюю.

За этой сценой следует ряд других: цыгане поют песни и пляшут; проходят похороны «Фельдмаршала Гибен-

ского-Заболканского Ивана Федоровича Ериеванского, капитана Гребенкина». Гребенкин вместе с женою своей патриархально лет тридцать комадовали торопецкою инвалидною командою; оба несколько лет уже покойны, но комедчики, «спуская» их похороны, подшучивают над обоими. Далее идут попы, служат молебн «закатистый» и поют пьяную песню. В новой сценке выходит Ванька-Барсук (живой – за простыней, играет на скрипице, а это бумажный Ванька) пляшет и поет. Далее: Нищий с сумой и счастье. Нищий жалуется на бедность, а когда счастье насыпает ему деньги в кошель, он пожадничал и с пустой сумой остался; потом идут шутки над Немцем-барином и его лакеем. Наконец, Чиж говорит:

– Вот вам и Чернец, а всей комедии конец!

Царь Ирод

Ирод восседает на троне, к нему являются Три волхва. Он повелевает им на обратном пути из Вифлеема явиться к нему с подробностями о рождении Спасителя. Ирод напрасно ждет волхвов и в раздраженном состоянии духа обращается к своему Воину:

Воин мой, воин,
Воин вооруженный,
Стань передо мною,
Как лист перед травую,

И слушай мои приказания.

Воин (входит).

О, грозный царь Ирод,
Почто своего верного воина призывавши
И какие грозные приказы повелеваеши?

Ирод. Поди в Вифлеем и избей всех младенцев от двух лет и ниже. *Воин (уходит и возвращается обратно).*

О, грозный царь Ирод!
По твоему приказу
Я сходил в Вифлеем
И избил всех младенцев
От двух лет и ниже;
Только одна старая баба Рахиль
Не дает своего дитенка бить.

Ирод. Приведи ее сейчас сюда.

Воин уходит в одно из боковых отделений вертепа и тотчас приводит Рахиль в черном с головы до ног одеянии с ребенком на руках, жалобно пищущим.

Ирод. Как ты, старая баба Рахилья, смеешь не давать своего дитенка бить моему верному воину, когда я это приказал?

Рахиль (воет). Да он же у меня один, да такой маленький, да от него никому нет зла.

Ирод. А, дак ты мне еще смеешь грубить! (*Воину.*) Коли

ее ребенка!

Воин закалывает отчаянно кричащего ребенка. Рахиль заливается слезами.

Хор (закулисами).

Не плачь, не плачь, Рахия,
Твое дитя цело.
Оно не вмирало,
А отцветало.

Ирод (обращаясь к Воину). Гони отсюда старую бабу!

Воин прогоняет ее в одну сторону, а с противоположного хода является Отшельник.

Отшельник.

О Ироде, Ироде,
Полно тебе грешити,
Пора смерти просити.

Ирод (зовет Воина).

Воин мой, воин,
Воин вооруженный,
Стань передо мною,
Как лист перед травой,
Слушай мои приказания!

Воин (с мечом входит и останавливается перед Иродом).

О грозный царь Ирод,
Почто своего верного воина призываеши
И какие грозные приказы повелеваеши?

Ирод. Прогони отсюда сего старого бродягу!

Воин прогоняет Отшельника в одну сторону, а с другой
стороны является Смерть с косою и начинает речитатив.

<Смерть>.

О Ироде, Ироде,
Полно тебе грешити,
Пора смерти просити!

Ирод в ужасе встает на своем троне быстро и порывисто.

Смерть.

Вот я к тебе пришла —
Настал твой смертный час:
Склони твою голову на мою косу.

Ирод (просит отсрочки). Дай отсрочки один год!

Смерть. Ни на один месяц!

Ирод. Дай на один день.

Смерть. Ни на один час!

Ирод. На одну минуту.

Смерть. Ни на одну секунду!

Ирод покорно склоняет голову на косу, а Смерть, отру-

бив голову, плавно удаляется одним ходом, а другим вбегают Черты с визгом и хохотом, окружают тело Ирода и под предводительством огромного Черта тащат тело в ад.

Хор (*изображает кипение адской смолы*). Жж... Зз... Сс...

Трон опустел.

Аришенька (входит и обращается к публике).

Ах, шла с горы – утомилась,
Шла под гору – спотыкнулась.
Дайте на царском месте посидеть.

(Садится.)

Старик (с мешком за плечами).

Ах, Аришенька, дружочек,
Я принес те денежек мешочек,
Только дай на твоих коленях посидеть,
А ты у меня из мешка денежки выбирай.

Аришенька. Садись, Старичок, садись, дорогой!

Старик садится ей на колени. Аришенька выбирает у него деньги из мешка за плечами.

Франт (является и обращается к публике).

Ах, почтеннейшие господа,
Как это не стыдно,
Как это не обидно,

Что старый хрыч с бородой
Сидит на коленях у молодой?!

Старик.

Ах, ты, Франт,
У тебя сапоги в рант,
Жилетка пике,
А нос в табаке;
Сапог скрипит,
А в кармане трясца кипит!
А я хоть старик седой,
Да денег у меня мешок большой.
Ступай отсюда прочь.

Старик и Аришенька (кричат вместе). Ступай отсюда прочь!

Франт сконфуженный уходит.

Аришенька (за кулисами говорит).

Милые музыкантики,
Сыграйте нам танцыки!

Музыканты играют «По улице мостовой». Аришенька пляшет русскую. Старик по ее приказанию тоже пляшет до изнеможения, чуть не падает – так что Аришенька переутомленного Старика наконец уводит долой со сцены. Старик прихрамывает и закашливается к великой потехе и смеху

публики.

На сцену является Мужик.

<Мужик>. Куда же это я забрел? Вот тебе на! А где же Максимка? (*Зовет.*) Сын Максим, а сын Максим!

Максимка (*за сценой*). Ау, татка!

Мужик. Да где ж ты?

Максимка. Да в лесу!

Мужик. Зачем ты туда попал?

Максимка. Да грибы собираю!

Мужик. Да что ты, сдурел али пьян – какие ноне об растве грибы?

Максимка. Да еще какие – подосиновики! Ходи ко мне собирать, а то всех одному не набрать!

Мужик. В такой-то мороз мне к тебе идтить? Нет уж, ты выходи ко мне скорей. Пора домой, а то замерзнем!

Максимка. Не, мне в лесу тепло! Да я никак и заблудился? Так и есть – заблудился.

Мужик. Так читай за мной молитву «Да воскреснет бог».

Максимка. Да растреснит твой лоб, тятка! Так стемнело, что ни зги не вижу.

Мужик. Ну, так читай за мной другое!..

Барыня и доктор

Доктор

Здравствуйте вам, господа!
Знаете ли вы меня?
Я лекарь, главный аптекарь,
Умею лечить,
Кровь мечить,
Корпию вставлять,
Живых людей на тот свет отправлять:
Ко мне ведут на ногах,
А от меня везут на санях.
Не болят ли у вас, господа, у кого ли зубы?

Идет Барыня.

Барыня

Ах, доктор! Я слыхала,
Что вы лекарь.
Я дюже больна и похудела,
На мне сорочка поужела:
Было две складки,
А то стало в натяжку гладко.

Доктор

Сударыня! Вам нужно шалфею,
И дать раз пять по шее.
Тогда будете здоровы!

Барыня

Ах, господин, еще болит голова!

Доктор

Сударыня! Обрить вам ее догола,
Парным молоком привязать
И поленом по голове ударять!
Ваш голов будет здоров.

Барыня

Господин, еще болят зубы!

Доктор

Сударыня! Обрезать вам нос и губы,
Не перепустить крови ни лишку,
Дать вам в рот еловую шишку.
Ваш зуб будет очень здоров.

Барыня

Ах, господа, даже от слов его полегчело!
Пойду, найму музыку!

Танцуют польку и уходят.

Раек²¹⁷

* * *

А вот, извольте видеть, господа,
Андерманир штук – хороший вид.
Город Кострома горит;
Вон у забора мужик стоит – с <...> т;
Квартальный его за ворот хватает,
Говорит, что поджигает,
А тот кричит, что заливает.
А вот андерманир штук – другой вид,
Петр Первый стоит;
Государь был славный
Да притом же и православный;
На болоте выстроил столицу,
.....
Государь был славный,
Да притом же и православный.

²¹⁷ «Раек – это небольшой... ящик с двумя увеличительными стеклами впереди. Внутри его перематывается с одного катка на другой длинная полоса с доморощенными изображениями разных городов, великих людей и событий. Зрители „по копейке с рыла“, глядят в стекла, – раешник передвигает картинки и рассказывает присказки к каждому новому номеру, часто очень замысловатые» (Ровинский Д.А.).

А вот андреманир штук – другой вид.
Город Палерма стоит;
Барская фамилия по улицам чинно гуляет
И нищих тальянских русскими деньгами щедро наделяет.
А вот, извольте посмотреть, андерманир штук – другой
вид,
Успенский собор в Москве стоит;
Своих нищих в шею бьют,
Ничего не дают.

Нижегородские ярмарочные райки

Площадь перед самокатами вся залита народом, со всех сторон из балаганов слышится самая разнообразная музыка, раздаются громкие зазывания в «комедии», крики разносчиков, громкий говор толпы, остроты забубенной головушки-мастерового, и в том числе однообразно звучит рассказ служивого, от которого у публики животики подводит, а служивый-то сам и усом не поведет и глазом не мигнет.

– Вот я вам буду спервоначально рассказывать и показывать, – говорит он монотонным, всего на двух или трех нотах, голосом, – иностранных местов, разных городов, городов прекрасных; города мои прекрасные, не пропадут денежки напрасно, города мои смотрите, а карманы берегите.

– Это, извольте смотреть, Москва – золотые маковки, Ивана Великого колоколья, Сухарева башня, усиленский со-

бор, шестьсот вышины, а девятьсот ширины, а немножко поменьше; ежели не верите, то пошлите поверенного, – пускай поверит, да померит.

– А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, как на хотинском поле из Петросьского дворца сам анпиратор Лександра Николаич выезжает в Москву на коронацию: артиллерия, кавалерия по правую сторону, а пехота по левую.

– А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, как от фрянцосьского Наполеона бежат триста кораблей, полтора галетов, с дымом, с пылью, с свиными рогами, с заморским салом, дорогим товаром, а этот товар московского купца Левки, торгует ловко.

– А это вот, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, город Париж, поглядишь – угоришь, а кто не был в Париже, так купите лыжи: завтра будете в Париже. – А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, Лександровский сад; там девушки гуляют в шубках, в юбках и в тряпках, зеленых подкладках; пукли фальшивы, а головы плешивы.

– А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, Царьград; из Царьграда выезжает сам салтан турецкий со своими турками, с мурзами и татарами-булгаметами и с своими пашами; и собирается в Расею воевать, и трубку табаку курит, и себе нос коптит, потому что у нас, в Расее, зимой бывают большие холода, а носу от того большая

вреда, а копченый нос никогда не портится и на морозе не лопается.

– А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, как князь Меншиков Севастополь брал: турки палят – все мимо да мимо, а наши палят – все в рыло, да в рыло; а наших бог помиловал: без головушек стоят, да трубочки курят, да табачок нюхают, да кверху брюхом лежат.

– А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, как в городе в Адесте, на прекрасном месте, верст за двести, прапорщик Щеголев англичан угощает, калеными арбузами в зубы запускает.

– А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, московский пожар; как пожарная команда скачет, по карманам пироги прячет, а Яша-кривой сидит на бочке за трубой да плачет, что мало выпил, да кричит: «Князя Голицына дом горит».

– А это, извольте смотреть-рассматривать, глядеть и разглядывать, нижегородская Макарьевская ярманка; как московские купцы в Нижегородской ярманке торгуют; московский купец Лёвка, торгует ловко, приезжал в Макарьевскую ярманку – лошадь-от одна пегая, со двора не бегаёт, а другая – чала, головой качает; а приехал с форсу, с дымом, с пылью, с копотью, а домой-то приедет – неча лопати; барыша-то привез только три гроша; хотел было жене купить дом с крышкой, а привез глаз с шишкой...

Медвежья потеха

Приход вожака с медведем. Д. А. Ровинский

Приход вожака с медведем еще очень недавно составлял эпоху в деревенской заглушенной жизни: все бежало к нему навстречу, – и старый и малый; даже бабушка Анофревна, которая за немоготою уже пятый год с печки не спускалась, и та бежит.

– Куда ты это, старая хрычовка? – кричит ей вслед барин.

– Ах, батюшки, – прихлебывает Анофревна, – так уж медведя-то я и не увижу? – и семенит далее.

Представление производится обыкновенно на небольшой лужайке; вожак – коренастый пошехонец; у него к поясу привязан барабан; помощник – коза, мальчик лет десяти—двенадцати, и, наконец, главный сюжет – ярославский медведь Михайло Иваныч, с подпиленными зубами и кольцом, продетым сквозь ноздри; к кольцу приделана цепь, за которую вожак и водит Михайлу Иваныча; если же Михайло Иваныч очень «дурашлив», то ему, для опаски, выкалывают и гляделки.

– Ну-тка, Мишенька, – начинает вожак, – поклонись честным господам да покажи-ка свою науку, чему в школе тебя пономарь учил, каким разумом наградил. И как красные де-

вицы, молодичицы, белятся, румянятся, в зеркальце смотрятся, прихорашиваются. – Миша садится на землю, трет себе одной лапой морду, а другой вертит перед рылом кукиш, – это значит, девица в зеркало смотрится.

– А как бабушка Ерофеевна блины на масляной печи собралась, блинов не напекла, только сослепу руки сожгла, да от дров угорела. Ах, блинцы, блины! – Мишка лижет себе лапу, мотает головой и охает.

– А ну-ка, Михайло Иваныч, представьте, как поп Мартын к заутрени не спеша идет, на костыль упирается, тихо вперед подвигается, – и как поп Мартын от заутрени домой гонит, что и попадья его не догонит. – А как бабы на барскую работу не спеша бредут? – Мишенька едва передвигает лапу за лапой. – И как бабы с барской работы домой бегут? – Мишенька принимается шагать в сторону. – И как старый Терентьич из избы в сени пробирается, к молодой снохе подбирается. – Михайло Иваныч семенит и путается ногами. – И как барыня с баб в корзинку тальки да яйца собирает, складывает, а барин все на девичью работу посматривает, не чисто-де лен прядут, ухмыляется, знать, до Паранькиного льна добирается. – Михайло Иваныч ходит кругом жоака и треплет его за гашник!

– А нуте, Мишенька, представьте, как толстая купчиха от Николы на Пупышах, напившись, нажравшись, как налитой к <...> сидит, мало говорит; через слово рыгнет, через два п<...>нет. – Мишенька садится на землю и стонет.

Затем вожак пристраивает барабан, а мальчик его устраивает из себя козу, то есть надевает на голову мешок, сквозь который, вверху, проткнута палка с козлиной головой и рожками. К голове этой приделан деревянный язык, от хлопанья которого происходит страшный шум. Вожак начинает выбивать дробь, дергает медведя за кольцо, а коза выплясывает около Михайла Ивановича трепака, клюет его деревянным языком и дразнит; Михайло Иваныч бесится, рычит, вытягивается во весь рост и кружится на задних лапах около вожака – это значит: он танцует. После такой неуклюжей пляски вожак дает ему в руки шляпу, и Михайло Иваныч обходит с нею честную публику, которая бросает туда свои гроши и копейки. Кроме того, и Мише и вожаку подносится по рюмке водки, до которой Миша большой охотник; если же хозяева тороватые, то к представлению прибавляется еще действие: вожак ослабляет Мишину цепь, со словами «А ну-ка, Миша, давай поборемся», – схватывает его под силки, и происходит борьба, которая оканчивается не всегда благополучно, так что вожаку иногда приходится и самому представлять, «как малые дети горох воруют», – и хорошо еще, если он отделается при этом одними помятыми боками, без переломов.

Сергач. С. В. Максимов

Промысел или способ прокормления себя посредством потехи досужих и любопытных зрителей шутками и пляскою

ученых медведей не так давно был довольно распространен.
<...>

– Ну-ко, Михайло Потапыч, поворачивайся! Привстань, приподнимись, на цыпочках пройдишь: поразломай-ко свои старые кости. Видишь, народ собрался подивиться да твоим заморским потяпкам поучиться.

Слова эти выкрикивал нараспев <...> низенький мужичок в круглой изломанной шляпе с перехватом посередине, перевязанным ленточкой. Кругом поясницы его обходил широкий ремень с привязанною к нему толстою железною цепью, в правой руке у него была огромная палка-орясина, а левой держался он за середину длинной цепи.

В одну минуту на заманчивый выкрик сбежалась толпа со всех концов большого села Бушнева, справлявшего в этот день свой годовой праздник летней Казанской. Плотной обступила глашатая густая и разнообразная стена зрителей.
<...>

Между тем на площадке раздавалось звяканье цепи и мохнатый медведь с необычайным ревом поднялся на дыбы и покачнулся в сторону. Затем, по приказу хозяина, немилосердно дергавшего за цепь, медведь кланялся на все четыре стороны, опускаясь на передние лапы и уткнув разбитую морду в пыльную землю:

– С праздником, добрые люди, поздравляем! – приговаривал хозяин при всяком новом поклоне зверя, а наконец, и сам снял свою измятую шляпу и кланялся низко.

Приподнявшись с земли в последний раз, медведь пятится назад и переступает с ноги на ногу. Толпа немного осаживает, и поводитарь начинает припевать козлиным голосом и семенить своими измочаленными лаптишками, подергивая плечами и уморительно повертывая бородкой.

Поется песенка, возбуждающая задор во всех зрителях, начинавших снова подаваться вперед:

Ну-ко, Миша, попляши,
У тя ножки хороши!
Тили, тили, тили-бом
Загорелся козий дом:
Коза выскочила,
Глаза выпучила,
Таракан дрова рубил,
В грязи ноги завязил.

Раздается мучительный, оглушительно-нескладный стук в лукошко, заменяющее барабан, и медведь с прежним ревом – ясным признаком недовольства – начинает приседать и, делая круг, загребаёт широкими лапами землю, с которой поднимается густая пыль. Другой проводник, молодой парень, стучавший в лукошко и до времени остававшийся простым зрителем, ставит барабан на землю и сбрасывает привязанную на спине котомку. Вытащив оттуда грязный мешок, он быстро просовывает в него голову и через минуту является в странном наряде, имеющем, как известно, название

«козы». Мешок этот оканчивается наверху деревянным снарядом козлиной морды, с бородой, составленной из рваных тряпиц; рога заменяют две рогатки, которые держит парень в обеих руках. Нарядившись таким образом, он начинает дергать за веревочку, отчего обе дощечки, из которых сооружена морда, щелкают в такт уродливым прыжкам парня, который, переплетая ногами, время от времени подскакивает к медведю и щекочет его своими вилами. Этот уже готов был опять принять прежнее, естественное положение, но дубина хозяина и щекотки «козы» продолжают держать его на дыбах и заставляют опять делать круг под веселое продолжение хозяйской песни, которая к концу перешла уже в простое взвизгиванье и складные выкрики. С трудом можно различить только следующие слова:

Ах, коза, ах, коза,
Лубяные глаза!
Тили, тили, тили-бом,
Загорелся козий дом.

Медведь огрызается, отмахивает «козу» лапой, но все-таки приседает и подымает пыль.

Между тем внимание зрителей доходит до крайних пределов: девки хохочут и толкают друг дружку под бочок, ребята уговаривают девок быть поспокойней и в то же время сильно напевают вперед, отчего место пляски делается все уже и уже, и Топтыгину собственной спиной и задом приходится

очищать себе место.

Песенка кончилась; «козы» как не бывало. Хозяин бросил плясуну свою толстую палку, и тот, немного огрызнувшись, поймал в охапку и оперся на нее всею тяжестью своего неуклюжего тела.

– А как, Михайло Потапыч, бабы на барщину ходят? – выкрикнул хозяин и самодовольно улыбнулся.

Михайло Потапыч прихрамывает и, опираясь на палку, подвигается тихонько вперед, наконец оседлал ее и попятился назад, возбуждив неистовый хохот...

– А как бабы в гости собираются, на лавку садятся да обуваются?

Мишук садится на корточки и хватается передними лапами за задние, в простоте сердца убежденный в исполнении воли поводатаря, начавшего между тем следующие приговоры:

– А вот молодницы – красные девицы студеной водой умываются: тоже, вишь, в гости собираются.

Медведь обтирает лапами морду и, по-видимому, доволен собой, потому что совершенно перестает реветь и только искоса поглядывает на неприятелей, тихонько напевая про себя какой-то лесной мотив. Хозяин между тем продолжает объяснять:

– А вот одна дева в глядельцо поглядела, да и обомлела: нос крючком, голова тычком, а на рябом рыле горох молотили.

Мишка приставляет к носу лапу, заменяющую на этот случай зеркало, и страшно косится глазами, во всей красоте управляя белки.

– А как старые старухи в бане парются, на полке валяются? А венчиком во как!., во как!.. – приговаривает хозяин, когда Мишка опрокинулся навзничь и, лежа на спине, болтал ногами и махал передними лапами. Эта минута была верхом торжества медведя, смело можно было сказать ему: «Умри, медведь, лучше ничего не сделаешь!»

Ребята закатились со смеху, целой толпой присели на корточки и махали руками, болезненно охая и поминутно хватаясь за бока. <...>

– Одна, вишь, угорела, – продолжал мужик, – у ней головушка заболела! А покажи-ко, Миша, которо место?

<...> Мишка сел опять на корточки и приложил правую лапу сначала к правому виску, потом перенес ее к левому...

– Покажи-ко ты нам, как малые ребята горох воруют, через тын перелезают.

Мишка переступает через подставленную палку, но вслед за тем ни с того ни с сего издает ужасный рев и скалит уже неопасные зубы. Видно, сообразил и вспомнил Мишка, что будет дальше, и крепко не по нутру ему эта штука. Но знать, такова хозяйская воля и боязно ей перечить: медведь ложится на брюхо, слушаясь объяснений поводитаря:

– Где сухо – тут брюхом, а где мокро – там на коленочках. Топтыгин неприязненным ревом встретил приказание.

<...> С величайшею неохотою поднимает он брошенную палку и, схватив ее в охапку, кричит и не возвращает. <...> Наказанный за непослушание, медведь начинает сердиться еще больше и яснее: он уже мстит за обиду, подмяв под себя вечно неприязненную «козу»-барабанщика, когда тот, в заключение представления, схватился с ним побороться. <...> Мишка валится навзничь, опрокидывая на себя и «козу»-барабанщика.

– Приободришься же, Михайло Потапыч, – снова затянул хозяин после борьбы противников. – Поклонись на все четыре ветра да благодари за почет, за гляденье, может, и на твою сиротскую долю кроха какая выпадет.

Мишка хватает с хозяйской головы шляпу и, немилосердно комкая, надевает ее на себя, к немалому удовольствию зрителей, которые, однако же, начинают пятиться в то время, как мохнатый артист, снявши шляпу и ухватив ее лапами, пошел по приказу хозяина за сбором. Вскоре посыпались туда яйца, колобки, ватрушки с творогом, гроши, репа и другая посильная оплата за потеху. Кончивши сбор, медведь опустил голову и тяжело дышал, сильно умаявшись и достаточно поломавшись.

Приговоры медвежатника. П. Альбинский

Представления с медведем происходили следующим образом. По приходе в село вожак ударял в барабан, на звуки

барабана сходился народ. «Козарь» начинал плясать. Медведь, понукаемый цепью, тоже плясал, выделявал некоторые штуки (кланялся, кувыркался) пред глазами собравшейся толпы и под приговоры вожака. Вот эти приговоры.

«Первый раз как за цепь возьмешь и тряхнешь, приговаривали:

– Вставай да подымайся, ворочайся-разгибайся, пробивай строчки московски, другие заморски, господам дворянам; садись в суд да слушай, как у нас по городам, по волостям есть старосты-бурмистры, приказные командеры. Судьба прошла – с городов стрельба пошла, с городу на город метко, лука не изломи и его не перешиби; старому старику глаза не вышиби, а скупому да лихому вон вывори, который нас не поит да не кормит и теплого ночлега не дает...

– Пехотный солдат идет с ружьем на караул (при этом медведю давали палку); ружьи, мушкеты обтерли бока, и с порохом сума разломилась солдату плеча; конные драгуны, служивые казаки поедут на службу верхом (ему дашь палку, а он сядет верхом на палку).

Потом говоришь:

– Как старая старушка идет на господский двор работать, идет она, хромает: от господской работы отбивает, работать ей мочи нет – свело старую и скорчило – господская работа состарила... Как звали старуху на господский двор на почетный пир: услышала старая, вскочила, ручки-ножки залечила – пошла танцевать...

– Как малые ребята горох воровали; где сухо – тут брюхом, а где мокренько – на коленочках, и покрали, и поваляли горох, и хозяину не оставили...

– Как теща перед зятем скачет-пляшет, зятя угощает. Блины пекла да угорела, головушка у ней заболела.

Медведь тут уж встанет, дашь ему шапку в лапы-то и говоришь:

– Ну, ваше благородие, сошлите ему сколько-нибудь жалованья на хлеб и за труды ему...»

Приговариванье поводильщика. А. Гациский

«Ну-ко, Марья Васильевна, поворачивайся веселей, говори посмирней, хмелек вьется, живой не ведется, поворачивайся направо, артикул делай завсегда браво. Садись в суд да слушай, есть у нас по городам, по волостям, стреляются молодцы калиновские, алаторские. Держать, не пускать, право-лево не смотреть. Конница драгуны, подводы ямские, хлеб мирской, денежки государевы. Пешеходные солдаты, ружья на плечо, порох да сума обтерли бока, проломил солдатское плечо, артикул выкидывали, ручку на ручку прикладывали. Сядь на добром месте. Сама прикройся. Княгини, боярыни, гостиные дочери крутятся, белятся, в чисты зеркала смотрятся, из-под ручки выглядывают, по мысли себе женихов выбирают, который жених был кудреват, кудерки сгибат. Как старые старушки на господскую работу ходят, идут

они хромают, на одну ноженьку припадают, от барщины от-
бывают, начальники палкой погоняют. Малые ребята в чу-
жое поле за горошком ходят, горошек наворовали, в меш-
ки клали, налево кругом – марш, убежали. Вот теща перед
зятем пляшет, рукой машет, головой потряхивает. Для зятя
блины пекла, угорела, головушка заболела. Сядь да указы-
вай».

Мишенька Иваныч²¹⁸

А ну-тка, Мишенька Иваныч,
Родом боярыч,
Ходи ну похаживай,
Говори-поговаривай,
Да не гнись дугой,
Словно мешок тугой.
Да ну поворотись,
Развернись,
Добрым людям покажись.
А ну-ка, вот ну, как старые старушки,
Молодые молодушки
На барщину ходили,
До дыр пяты сносили.
А как теща про зятя блины пекла
Да угорела,

²¹⁸ Текст лубочной картинки.

Головушка заболела!
А вот ну, как красные девицы моются,
Белятся, румянятся,
В зеркальце глядятся
Да из-под рученьки женишков выглядывают.
А вот ну, как малые ребятишки горох воровали,
Тишком-тайком – где сухо,
Там брюхом,
Где мокро, там на коленочках.
А вот ну, ходи-расходись.
Во всем народе покажись.
А ну, как конные драгуны в поход ходили,
Ружьем метали,
Артикулы выкидали.
А вот как с порохом сума
Оттянула все плеча.
А ну-ка вот, ну, как муж у жены
Вино ворует,
А холостой парень по чужой жене тоскует.
Ходи не спотыкайся,
Вперед подавайся,
Разгуляйся!
Вались да катись,
Бока не зашиби, сам себя береги.
А ну, женка в гости пошла,
С собой гусли взяла,
Мужа прочь прогнала.
А ну вот,
Ну, как наши бабенки в баню ходили,

Винцо с собой носили,
На полок забирались,
На спинке валялись,
Веничком махали,
Животики протирали.

Прибаутки ярмарочных зазывал

I

1. Книга

Вот что, милые друзья, я приехал из Москвы сюда, из гостиного двора – наниматься в повара; только не рябчиков жарить, а с рыжим по карманам шарить.

Вот моя книга-раздвига. В этой книге есть много чего, хотя не видно ничего. Тут есть диковинная птичка, не снегирь и не синичка, не петух, не воробей, не щегол, не соловей, – тут есть портрет жены моей. Вот я про ее расскажу и портрет вам покажу. От прелести-лести сяду я на этом месте.

Вы, господа, на меня глядите, а от рыжего карманы берегите.

2. Свадьба

Задумал я жениться, не было где деньгами разжиться. У меня семь бураков медных пятак, лежат под кокорой, сам не знаю под которой.

Присваталась ко мне невеста, свет Хавроньюшка любезна. Красавица какая, хромоногая, кривая, лепетунья и заика. Сама ростом не велика, лицо узко, как лопата, а назади-то заплата, оборвали ей ребята.

Когда я посватался к ней, какая она была щеголиха, притом же франтиха. Зовут ее Ненила, которая юбки не мыла. Какие у ней ножки, чистые, как у кошки. На руках носит браслеты, кушает всегда котлеты. На шее два фермуара, чтобы шляпку не сдувало. Сарафан у ней французское пике и рожа в муке.

Как задумал жениться, мне и ночь не спится. Мне стало сниться, будто я с невестой на бале; а как проснулся, очутился в углу в подвале. С испугу не мог молчать, начал караул кричать. Тут сейчас прибежали, меня связали, невесте сказали, так меня связанного и венчали.

Венчали нас у Флора, против Гостиного двора, где висят три фонаря. Свадьба была пышная, только не было ничего лишнего. Кареты и коляски не нанимали, ни за что денег не давали. Невесту в телегу вворотили, а меня, доброго молодца, посадили к мерину на хвост и повезли прямо под Тючков мост. Там была и свадьба.

Гостей-то гостей было со всех волостей. Был Герасим, который у нас крыши красил. Был еще важный франт, сапоги в рант, на высоких каблуках, и поганое ведро в руках. Я думал, что придворный повар, а он был француз Гельдант, собачий комендант. Еще были на свадьбе таракан и паук, заморский

петух, курица и кошка, старый пономарь Ермошка, лесная лисица, да старого попа кобылица.

Была на свадьбе чудная мадера нового манера. Взял я бочку воды да полфунта лебеды, ломоточек красной свеклы утащил у тетки Феклы; толокна два стакана в воду, чтобы пили слаще меду. Стакана по два поднести да березовым поленом по затылку оплести – право, на ногах не устоишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.